

Ольга Апреликова

ТИХАЯ ХИМЕРА

очень маленькое созвездие — 2

Ольга Апреликова

**Тихая Химера. Очень
маленькое созвездие – 2**

«Издательские решения»

Апреликова О.

Тихая Химера. Очень маленькое созвездие – 2 / О. Апреликова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908167-4

Если для отца самым страшным испытанием оказывается отцовство — то как же стать ему настоящим сыном? Чем — или кем — пожертвовать: светлячком, куском космоса, улиткой или цветком с могилы матери? И как обойтись с узлами психики, распутывать или рубить? История выживания мальчишки-созвездия, написанная в синтезе жанров мягкой научной фантастики и романа воспитания. Серия «Очень маленькое созвездие»: 1. Горькое логово 2. Тихая Химера 3. Золотой братик

ISBN 978-5-44-908167-4

© Апреликова О.
© Издательские решения

Содержание

Серия ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОЕ СОЗВЕЗДИЕ	6
ТИХАЯ ХИМЕРА	7
... Черное дитя	8
+ Брат	9
0,01. Светлячок	16
0,02. Цвета цветов	27
Часть первая. Венок	36
0,1. День яблок	36
0,2. Кусок космоса	46
0,3. Счастье – для хороших!	59
0,4. Экзамен на все	71
0,5. «Геккон»	84
0,6. Страшная река	95
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Тихая Химера Очень маленькое созвездие – 2

Ольга Апреликова

© Ольга Апреликова, 2018

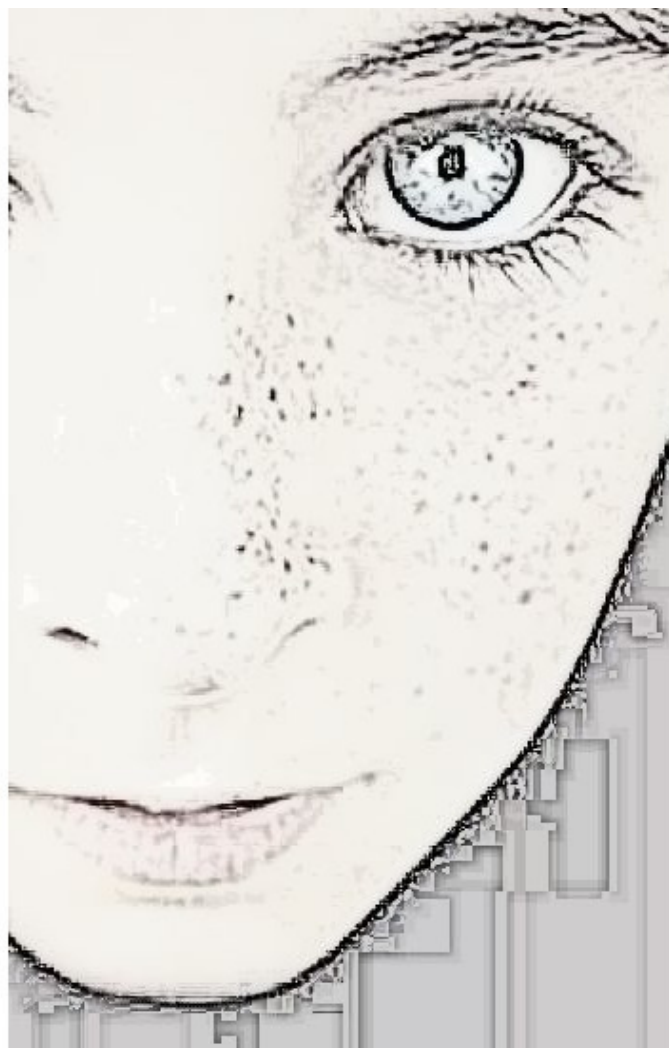
ISBN 978-5-4490-8167-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОЕ СОЗВЕЗДИЕ

- Горькое логово
- **Тихая Химера**
- Золотой братик

ТИХАЯ ХИМЕРА

...Черное дитя

+ Брат

Какое жалкое чудовище. И мазутом воняет, и еще всякой дрянью... Тот или не тот? В глаза посмотреть? Никак: липкие космы, грязь, темный угол, помойка. Надо забрать. Любого.

А он чуть слышно шипел, бил по рукам, норовя поцарапать – промахивался. Не обращая внимания на машущие растопыренные грязные пальцы, Ние снял с себя куртку, накрыл сверху и схватил, вытащил наружу – ребенок забарахтался, но сразу обессилел. Ние замотал его в куртку покрепче, прижал к себе и понес по темным душным коридорам мимо всех этих, стоящих на коленях... Куртку жалко, но прикоснуться к нему голыми руками... Без приключений Ние перенес вонючий комок на борт, в чистый воздух и яркий свет, и опустил на белый пол, едва вышел из шлюза. Проследил, как отшлюзовались, как удаляется тяжелый уродливый корабль: того и гляди развалится... Добить? Служба сама разберется. Они невдалеке.

Вернулся к вонючему зверьку. На ноги заморыш так и не встал – съежился, бессильно приник к высокому комингсу. Ние наклонился посмотреть. Ни глаз, ни серой мордочки не разглядеть: с головой спрятался в вонючие вышитые отрепья и его белую куртку. Да полно, ТО ли это дитя? Куртка скрывала хилое существо почти целиком, только космы видно, в этом так воняющем мазуте и еще какой-то дряни. Как противно. Жалко и противно. Это калека, а не Черное Дитя...

Кличка «Черное Дитя» отцу ненавистна. Он вообще ненавидел ситуацию в целом, но терпел, пока истории про Черное Дитя в Бездне не начали пересказывать все громче. Он пожелал, чтобы рассказы остались фольклором, а ребенок был возвращен домой: подрос, уже опасно оставлять без собственного надзора. Конечно, для всех и без того это существо, Черное Дитя – фольклор. Рассказывать-то о нем рассказывали, но на вопросы по существу крутили пальцем у виска. Сказка же, фольклор. О реальном существовании чудовища – и о том, кто он такой – знали только сами, и частично – Служба. Но сейчас, сию минуту Ние был не уверен, что там на полу действительно то, столько тягот и бед стоившее, создание. Тот ли это ребенок? Эта чуть живая, искалеченная козявка была всемогущим гением? Да разве он мог позволить сделать с собой такое, чтоб сейчас кучкой отрепьев валяться на полу? Какая вонь...

И голос крови – молчал. Как убитый. Родства Ние что-то не чувствовал. Ноль. Будь ребенок в самом деле тем самым, разве не узнал бы Ние его в первый же миг? Ние пока Службе не сообщил и не остановил поиск – не был еще уверен, что спасенный детеныш – тот, кого искали. Вряд ли.

Но хоть кого-то спасли. Тоже чудо: обычно пиратские суда уничтожались без досмотра, и, если б не последняя вероятность, что ребенок может оказаться на борту удирающей из района операции развалины, они расстреляли бы ее, не приближаясь, едва опознав. Еще никогда пиратское судно не захватывали так аккуратно, а те не вели себя так послушно. А что им оставалось, если вслед за крошечным судном Ние из таймфага вышел тяжелый военный фрегат? Ние пошел на борт один, в рое зондов, камер и оружия. Показал стоящим у шлюза на коленях крупный снимок ребенка. Те закивали, мол, да, ребенок еще на борту, и скорей повели Ние, в надежде на милость, по лабиринту грязных темных коридоров – куда-то за камбуз, к контейнеру... Тьфу, не вспоминать. Ние, конечно, любого живого ребенка оттуда бы вытащил – но разве это ТО дитя? Вонючий звереныш... Но никаких других детей на борту не оказалось, аппаратура Ние проверила все. Зато обнаружилось изуродованное оборудование с драгоценного кораблика из флота Укора – как доказательство, что калека у ног, пачкающий мазутом белую палубу – тот, кого искали...

Да как сейчас убедить себя, что это – то самое, страшно нужное Дома, ужасное дитя? Это долгожданное сокровище правда на борту? Вот это костлявое тельце в отрепьях – чудо? Вот это полумертвое существо – упование предков? Он выжил? Может, лучше бы погиб, чем

превратился... В грязь на полу... И разве он мало причинил им страданий и хлопот до того, раньше? Да одним своим рождением он... Ние одернул себя. Ладно, если это правда он – то и такой, наверно, отцу нужен. Вместе со всей той бедой... Ох, не думать. Не думать. Ребенок не виноват. Ребенок не может быть виноват. Он просто родился. Он все равно нужен отцу. Им всем. Отец послал именно в этот район Дикой Бездны, где они почти случайно наткнулись на пиратов. Они – на маленьком курьерском суденышке – а не какой-нибудь тяжеловооруженный дежурный корабль, который разнес бы пиратское судно в пыль еще за парсек.

Но как сейчас во вздрагивающем зверьке узнать носителя страшного имени? Или – красивого малыша – Черное дитя – в сверкающих драгоценных одежках, избалованного и всемогущего, со смеющимися глазами, которого еще недавно в буквальном смысле носил на руках Ар Укор, верховный адмирал одного из так называемых «свободных» – а по сути диких – легийских флотов? Единственного из флотов, к которому благоволил Дракон, то есть его спецслужбы, позволяя почти свободно (никто не заметит корабль Дракона, если он того не захочет) дрейфовать в Бездне – ведь Черное Дитя находилось у них. Корабли Дракона не только не оттесняли этот флот в Бездну, но и позволяли подходить для торговли к своим дальним базам. А откуда у Укора столько средств, чтоб покупать не только новые корабли, но и произведенное в Драконе навигационное оборудование, не просто чудовищно дорогое, но и обложенное запредельными пошлинами, знает лишь Служба – это оборудование, выкорчеванное и испорченное, Ние сам видел в трюме у пиратов, а вот в кармане обломок симбионта – как улика, что ребенок – тот...

Именно тот, по кличке «Черное Дитя». С таким жутким настоящим именем, что язык не повернется произнести вслух... И даже в мыслях – не по силам.

Тот, ради возвращения которого Домой было предпринято столько сложных действий. Тот, кого оставлять без своего надзора опасно и глупо. Укор, естественно, возражать Службе не посмел и согласился обмануть маленькое чудовище. Черное Дитя получил в подарок маленький хорошенький кораблик с кучей современных навигационных игрушек, но со слабеньким двигателем – подарок его заинтересовал настолько, чтоб переселиться туда с флагмана, подальше от Укора. Как только ловушка сработала – месяц линейного времени назад, в согласованный со Службой срок – дикий флот угодил в пространственно-временную аномалию и был рассеян, частично пропал – в том числе и флагман – с тем, чтобы потом собраться в условленном месте. Остатки разогнали вовремя появившиеся два боевых фрегата Дракона – но маленький кораблик с ребенком на борту чуть раньше достался пиратам – откуда их принесла нелегкая? Случайно или нет – Ние уверен не был, но, зная отца... Допускал все. Пиратам всегда нужно навигационное оборудование и танки с жидким воздухом. А тут суперприз: ребенок с пилотским симбионтом на голове. Навигатор. Да чтоб обладать таким живым чудесным компасом, любой дикий (да и цивилизованный) флот полным составом продаст души. Тайм-навигаторы Дракона знают все пути в Бездне и выведут к дому любой корабль откуда угодно. Шикарная добыча. Мальчика некому было защищать, и, утащив к себе на борт, пираты сразу сунули его в устаревший ротопульт – и потому ни один корабль Дракона не смог сразу настичь их судно. Службе досталась лишь выпотрошенная скорлупка игрушечного кораблика, слишком маленького, чтоб заинтересовать пиратов.

Корабли в таймфаге следов не оставляют. Ребенок тяжелый старый корабль пиратов с места событий увел, но, конечно, оказался плохо совместим с грубыми, чуждыми его нейрофизиологии, старыми симбионтами. Он пострадал. В этом была беспощадная, узнаваемая отцовская тактика: дался бы сейчас в руки ребенок, если б не был искалечен? Да никогда. Ни они, ни тагеты спецслужб, ищейки с жуткими глазами – ни сам Дракон его поймать, будь он здоров и в разуме – не смогли бы. Пробовали, знаем.

Вот он в руках, наконец. Отец знал, куда посылать. Но – насколько он пострадал? Радоваться ли, что удалось, почти двадцать суток спустя, настичь его еще живым? То, что съезжилось

на полу, едва дышит. А если он искалечен непоправимо? Зачем отцу безмозглое, сломленное, никчемное существо? Что разумного могло в нем остаться? Пираты выкупили им себе жизнь – за жалкую цену... Они простодушно сознались: неделю, как перестали кормить, чтоб голодом заставить снова работать. А он – никак. Наверно, мозги скисли. Хотели прикончить уж, чтоб не тратить воздух, да руки не дошли, так выкинули... Он живой еще? Да, вроде живой, пожалуйста. Вам нужен только ребенок? В самом деле? Может быть, в придачу... Проваливать? Как угодно вашей светлости. Сей момент.

Ние думал, напряжение отпустит, едва ребенок окажется в руках. Но после того, как он – отворачивая лицо от вони – перенес этот жалкий ворох тряпья и костей на борт, стало только хуже. Ведь так хотелось найти это небесное чудовище и привезти отцу. Победа, успех. Ага, как же. Реальность мерзка: на борту – полудохлый калека, извлеченный из контейнера с отходами, и не совсем понятно, нужен ли он отцу таким.

Или вообще.

Какой позор... Куртку жалко... Отмыть его, по крайней мере... Пока не умер... Удастся ли еще живым довести. А – стоит? И – куда? Прямо Домой? Вот уж наверняка нельзя. Никто Дома не должен его увидеть таким, да и тащить его туда опасно, каким бы он ни казался сейчас беспомощным. Он страшно опасен. Где же тогда прятать этот позор? Ладно, пусть отец сам решает, куда этого хлипкого уродца... И жить ли ему вообще. Это хорошо, что безмозглый... Здоровый и умный мстил бы за свою поимку, и тогда... Кто б с ним справился.

Отец все спланировал, да. Это его беспощадный расчет. Это он... Так безжалостен. Не было другого способа вернуть эту гениальную тварь домой. Добровольно он бы никогда не вернулся. Но... Пираты? Зачем отцу так рисковать самой жизнью ребенка? А если... А если отец и не хотел давать ему шанс выжить? Если б... Если б Ние вернулся домой с неудачей... Разве не было бы для всех – и прежде всего для отца – облегчением, что... Что крошечного ужасного существа больше нет?? Нужен ли отцу – Дома или в Бездне – этот ужасный, страшно опасный звереныш с прекрасным именем – живым? Здоровым? Ха, сейчас все еще куда больше шансов привезти домой лишь замороженную тушку этого зверька, а не живую, хитроумную, разозлившуюся на всех и на все погибель... Нет, Домой его живым и здоровым, хоть в полном, хоть в частичном обладании жуткими способностями, нельзя. Только дурак будет ему доверять. Лихо его знает, что он Дома выкинет.

Ладно, звереныш, по крайней мере, пойман. Пусть пока дышит, выживает. Надо как-то лечить. И на что он, калека, теперь может отцу пригодиться? Ние стоял и смотрел на мерзкий комок тряпья и костей у себя под ногами. Еще немного, и вонючая зверюшка так же беззвучно, как хнычет, умрет тут в углу. Насколько пострадал его мозг? В разуме ли он? Лечить надо... Позволить, по крайней мере, врачу подойти к нему. Ние медлил, уже зная, что будет ненавидеть себя за это промедление. Но он тоже ненавидел кличку «Черное Дитя». И всю ситуацию в целом. Правильно ли он понял волю отца? Ребенок опасен.

Отец правильно просчитал: приручить эту тварь можно будет, если только он станет беспомощным. Безопасным. Ничего не будет помнить – значит, станет доверять. Укор вон его берег как зеницу ока, приручил, и сам детеныш только с ним и разговаривал.

Теперь то же самое, наверное, надо суметь сделать ему. Приручить его. Подлечить, чтоб зря не сдох. Вернуть отцу – пусть сам решает. Довести бы... Да ладно, выживет. А если нет? Уж чудес теперь точно не будет. Ничего не будет. Никакого эдакого великолепного будущего, которое этому чудовищу предлагалось... В этом маленьком черепе от мозгов только сопли остались. Тогда зачем он отцу, такой? Может, для всех было бы лучше, если б... Если б они... Все-таки не успели его спасти?

Ние смотрел и смотрел на грязную куртку. Зверек, не шевелясь, лежал комочком под этой грязной курткой. Ние вдруг, вздрогнув от укола ужаса в самое сердце, заметил, что сквозь

петлю для пуговицы на него пристально смотрит темный глаз. Давно ли? Он, почти невольно, осторожно присел рядом:

– Здравствуй.

Глаз моргнул.

– Ничего больше не бойся.

Глаз исчез, и мальчик закопошился под курткой, отворачиваясь от Ние. Но зато он уже не визжит и не царапается. Успокоился? Что-то замышляет? Конечно, симбионты при перегрузке могут разрушить сознание, могут изувечить любой мозг. Даже у взрослых от перегрузки нервный ствол позвоночника расплавляется в зеленоватую водичку – что уж говорить о недоношенном заморыше. Поймет ли он?

– Мы не хотим, чтоб ты жил на полу, как зверек, – мягко сказал Ние. – Мы не пираты. Не бойся, – Ние осторожно протянул руку и коснулся шершавой ткани куртки – он вздрогнул, но не отполз. – Мы можем помочь.

Куртка шевельнулась. И вдруг он резко откинул ее и сел. Ние отдернул руку, опасаясь укуса, но мальчик лишь вонзил в него леденящий прозрачный взгляд, распоровший Ние, кажется, до самой правды. Даже – до стыда за правду... Нет, не может быть. Примерещилось. Жуткие глазки, да, – ужасающей силы взгляд, враждебный, ледяной, бесцветный, но – ребячий, жалкий. Ние как мог ласково пообещал:

– Мы хотим тебе помочь. Будет все, как ты захочешь.

Звереныш усмехнулся, приподняв породистую темную бровку. Ние почти не смутился. Что, можно успокоиться за его рассудок? Тогда следует бояться другого. Он заставил себя рассмеяться:

– Да правда, малыш. Я ведь понимаю, кого сейчас вижу перед собой. Чтобы к чему-нибудь тебя принуждать – надо быть идиотом. Даже если сейчас ты болен и никакой особой ценности не представляешь.

Мальчик пожал узкими плечиками, и вялый, равнодушнейший жест так же мало вязался с мордочкой в мазуте, в грязных дорожках соплей и слез, с синяками под глазами, с засохшей кровью на щеке, как и предыдущее царственное движение брови и холодный пристальный взгляд. Все это странно. Что, он в разуме? Но жизни-то в нем уже немного, да.

Ние все еще до конца не узнавал его. Никакого голоса крови. Опаска, досада... Последний раз он видел пятилетним – увертливое мелкое существо, упорно прячущее взгляд, убегающее – вроде те же синие глазки, темные бровки – но других черт сквозь всю грязь и полосы мазута в костистой грязной мордочке не разобрать. Умом Ние понимал – да, это он. Это сын тех же родителей, что и он сам. Но почему сердце молчит? Ведь это – младший братик, брат...

Вот это грязное, вонючее на полу – брат?!

Ох, нет. А куда денешься...

Брат со страшным именем, которое предполагает блистательное будущее для всего государства?

Теперь не дождетесь...

Какой позор... Служба, конечно, не допустит утечки, никто нигде ничего не узнает, но все равно – как стыдно... Как противно... Безмозглый вонючий калека – наследник Дракона? И везти – это – отцу? Ох... Но... Но ведь можно просто оставить тут на полу... Долго сам не проживет.

Звереныш вдруг поник, уронил взгляд вниз как страшную тяжесть – на свои грязные лапки. Тихонько спрятал их, сжался, попытался отвернуться, но только скособочился и прижался лбом к стене. На миг Ние испугался, что уродец проник в его мысли, но – в таком состоянии, с контуженным мозгом? Вряд ли...

– Понимаешь? Тебе бояться нечего, будь ты кем угодно.

От его грязного лба осталось мазутное пятно на стене, когда он вдруг сполз на пол и опять скорчился в комок.

– Но я знаю, кто ты, – вздохнул Ние, через силу прикасаясь к его отрепьям, аккуратно поднимая с пола. Почти ничего не весит: кости и вонь. На полу грязь... куртка к черту... Рубашку тоже надо выкинуть. – Ты – Черное Дитя, Черная звезда. Миф. Чудо. Таг. Навигатор.

Его напугало последнее слово, так он дернулся. Вонючий, легкий и горячий, судорожно вздохнул и быстро-быстро отрицательно замотал головой. Пришлось голой ладонью прикоснуться к липкой клочкастой башке, чтоб остановить это жуткое мотание. Он замер. Ние тихонько велел:

– Не бойся. Никто не обидит.

Он сжался. И вдруг снова прямо взглянул на Ние, но уж и тени разума не было в этом взгляде: пустые глаза, небесно-синие, младенческие, больные... а ведь правда, у него ведь болит все...

Он был жалким, противным. Совсем беспомощным, грязным, вонючим и невесомым. Обвис на руках. Ние понес его вглубь корабля. Врач встретил у медицинского отсека, и ребенок встрепенулся – но сразу глазки опять погасли. Ние положил его на стол в санитарной комнате: он безучастно смотрел в потолок и словно бы спал наяву. Грязная тряпичная кукла. Раз только сильно вздрогнул, забарахтался – но наткнулся взглядом на вставшего у стены Ние и затих. Врач дал ему попить – зверек чуть не захлебнулся, почти полбутылки пролилось зря – потом, стараясь не тормозить (вдруг травмы), разрезал липкие отрепья и извлек его из невыносимо грязных, золотом шитых, облезлых оболочек; осторожно положил костлявое страшненькое тельце с отнявшимися ножками в теплую, тут же за клубившуюся бурым и черным воду.

Врач Вильгельм был тагетом, да еще сейчас надел на голову свой рабочий симбионт, осуществляя диагностику в полной мере – выражение его мгновенно помрачневшего лица Ние на миг ужаснуло. Он снова посмотрел на ребенка. Грязный, худенький, вообще какой-то крошечный, костлявый, с жалкими ребрами, обтянутыми кожей в синяках, в расчесах, с болтающимися ножками, с грязной тряпкой на запястье – Ние перетерпел мгновенную брезгливость. Вот это жалкое тельце несет в себе всемогущество? Что ж он пережил, когда пираты атаковали его кораблик? Почему не расправился с ними, если был всемогущ? Почему не защитил ни себя, ни экипаж? Что с ним делали потом? Вон на висках и затылке выбриты плешины под контакты пиратских дешевых, отвратительных, страшно опасных навигационных симбионтов... Он не мог, не мог лететь, ведь голова, должно быть, раскалывалась... Да еще и голодом морили... Врач осторожно умыл его, потом сменил воду и вылил в нее бутылку антисептика:

– Пусть полежит, чтоб грязь отмокла... Поддержи ему голову... Нужны еще лекарства. Пойду приготовлю...

Пока он ходил, Ние, борясь с сочувствием и брезгливостью, поддерживал тяжелую большую головенку и осторожно отмачивал присохшую тряпку на худой руке. Звереныш молчал, закрыв глаза, и Ние все казалось, что он беззвучно плачет. Что ему очень больно, но он терпит эту боль молча, как терпят животные. Под бинтом обнаружилась рваная гноящаяся рана, не понять даже, чем нанесенная; врач только присвистнул и залил ее антисептиком. Ребенок дернулся, но не издал ни звука. Вильгельм сказал:

– Откладывать нельзя. Сейчас обработаю, потом отмою его всего, и попробую зашить... Давай руку тоже придерживай.

Он быстро обработал рану обезболивающим, потом долго промывал, наконец залил какой-то пеной и велел:

– Не давай опускать руку в воду. Да что ж он такой грязный-то...

Они сперва попытались распутать и отмыть его сбитые в колтун, залепленные мазутом космы, но потом, сдавшись, долго и осторожно их стригли. Отмываемая коротенькая шерстка сперва показалась светло-мышинной, серенькой, но вдруг сквозь густую белую пену под осторожными пальцами врача мелькнуло черным. Сине-черным, глубоким, пугающим. Врач замер. Потом не спеша, аккуратно и нежно, промыл от пены колючие, очень густые волосы. Взъерошенная, клочкастая мокрая голова ребенка оказалась совершенно серебряной, отливающей металлом – только ото лба к затылку шла черная драконья полоска.

Они позволили себе переглянуться.

– Вот теперь все ясно, – сказал Вильгельм. – То есть неясно ничего... Вот он почему волосы себе мазутом выпачкал... Ваш?

Ние кивнул.

– Похож на Сташа, – заключил Вильгельм. – Один в один отлит.

Ние с недоумением посмотрел на тельце в грязной воде. Что позволило врачу сделать такое заключение? Как он вообще сопоставил этого заморыша и отца, могучего великана? Но полоска эта... Только у самого Сташа была такая же полоса на голове и у его отца Яруна. Ни у брата отца, Кааша, ни даже у других его детей такой полоски не было – сам Ние, первенец Сташа, так вообще был рыжим... Седая масть с редчайшей этой полоской темной обличала в больном измученном зверьке то самое волшебное и всемогущее чудовище. Предсказанное за тысячу лет, итог каторжного труда бесконечных поколений, невозможное, страшное, долгожданное. И – в единственном экземпляре. Второго такого больше не произвести на свет. Некому. Но какой теперь толк от всех этих предсказаний? Может, клонировать этого? Пусть отец сам решает, а пока главное – этого живым довести.

Они два раза меняли драгоценную воду, молча отмывая ребенка. Вонь почти исчезла. Доктор становился все мрачнее и не торопился пускать в ход никакие свои спасительные медицинские приборы, никакие лекарства. Что, уже все бесполезно? И можно только простым уходом смягчить страдания?

– На тебя тоже похож, – буркнул врач. – Косточки длинные, оттенок радужки тот же... Надеюсь, окажется в вашу породу, живучим... Хоть согрелся...

Стало почему-то очень страшно.

Кольнуло сердце.

Он маленький. Как он вытерпел столько ужаса?

Никому, никогда нельзя говорить, откуда он его вытащил. Даже вот Вильгельму. С камер все о той минуте удалить. И надеяться, что сам мальчишка, если выживет, никогда и не вспомнит. Бывает же травматическая амнезия. А отцу? Тот всегда все знает. Ну... Такое лучше бы и ему не знать. Спросит – сказать придется. Но – без подробностей.

Они бережно вымыли слабенькое тельце еще раз, обсушили, обработали синяки, ссадины, врач еще раз промыл и зашил застарелую рану на запястье – ребенок спал. Или был без сознания? Они завернули его в простынку и уложили на высокую кровать в медицинском отсеке. Он стал похож сейчас на маленькую белую мумию. Веки фиолетовые. Ние посмотрел на маленькое тельце в простынке, и невольно наклонился послушать, дышит ли (вони нет, только антисептик и лекарства), потом взял с полки одеяло полегче и осторожно укрыл его. Врач осторожно вытянул из-под одеяла маленькую руку и взял из тепленького пальчика каплю крови для анализов.

Кровь светилась.

Теперь Ние стало совсем жутко. Это ведь правда – про всемогущество. Это – наполовину убитое, без сознания, тельце – в нем все равно живет чудовище. Если б был здоров и вырос – стал бы куда опаснее и могущественнее отца. Поднебесная черная тварь, космическая зверюга, вечный властитель. Никто в здравом уме не хочет таких встреч. Такие существа, как это,

должны жить где-нибудь в небесных башнях... Или в легендах. А не в реальности. Но реальность... Он при смерти. Его спасать нужно, лечить, выхаживать... Он – младший брат.

– Что, тот самый, пятый?

Ние кивнул.

– Сташ ведь никогда не объявлял его рождение. Раз его прозвали «черным», то, может, это прозвище за ним еще из Дракона, и дано в знак траура? Скорби?

– Не знаю. Вряд ли: о нем и не принято было говорить вообще. Ладно, так что ты скажешь?

– Да боюсь, ничего хорошего... Был бы он нави, так я бы заключил, что... Реабилитации не подлежит. Незачем мучить. Говоришь, он понимал тебя? Тебе не показалось?

– Он выживет?

– Не знаю. Он от одной боли давно должен был умереть. Мозг-то почти испекли... Ерунда, что били или вот ручонка, главное – голова...

– Ему сейчас больно?

– Кажется, уже нет. Все как прогорело. Кора пострадала тоже, да и глубже... Ножки-то отнялись. Посмотрим. Сердечко очень слабое. Посмотрим. Почему еще живет, не понимаю.

– Да как же помочь?

– Поддержим сердце... Обеспечим питание мозгу... Не бойся, умереть не дадим, до Дома доведем...

– Нет, не Домой. Не знаю куда, но – не Домой. Ближе к Дому свяжемся, решим. Нельзя его даже такого Домой.

0,01. Светлячок

Юм падал в холодной темноте. Дна не было, и настолько глубокой и тошнотворной был пустой мрак вокруг, что слабое сознание терялось, как светлячок в космосе... где он видел светлячков? В черной траве, под черным небом с громадными звездами? Там еще пахло сырым песком и водорослями, и глухо, слабо и равномерно бил по ушам прибор... Так же невыносимо и равномерно сейчас бьется слабое сердце внутри. Сил нет. Есть только глупое сердце. Он почти ничто, еще не ноль, правда, но куда там до единицы... Единица – целое число, а он-то... Почти ничего... Какие-то сотые... хоть на одну сотую бы набралось... чего? Ума? Того теплого, что называется жизнь в теле? И ничего вокруг нет. Немного он уже притерпелся к этим ужасным падениям в никуда, даже уже разрешал себе спать, падая. Наяву – каждый раз удивлялся, что вернулся обратно в явь и нужно жить дальше. Нужно? Но жить так трудно. Больно от беспокойства, громких звуков и вспарывающих ум воспоминаний – раньше он был другим, помнил, кто он и откуда, и умел быть каким-то волшебником... И – больно. Голова болит. Все болит.

Неужели это он, слякоть безногая, был быстрым, отважным, всезнающим, летучим и мог все? Теперь только тошнило, если заставлял себя вспомнить, что и как он мог раньше... Он и дышал-то, кажется, тогда по-другому... Он помнил, что до того, как страшные и глупые люди сунули его голову в тяжелый, на толстых кабелях, пилотский шлем, и заставили вести корабль, хотя он плакал, визжал и писался от боли, разламывавшей череп – мир был другим. Вообще все было другое. Какое-то время он по заданному ими вектору пролетел куда-то, в мучении и тошноте, среди безучастного плоского космоса, потом вообще ничего не понимал, даже не пытался понять эту жуткую вращающуюся мозаику вокруг себя, потом боялся, что опять будут бить, потом валялся в душной ледяной темноте, руками подтягивая в кучку неживые ноги... Он помнил только, что заранее знал, что все это будет, что где-то заранее видел, как серебряная змейка жизни конвульсивно билась, исчезая в черных щупальцах гибели; помнил, что перед тем, как проснуться в аду, было много подарков, игрушек, сластей, – он поел каких-то новых конфет и навалился страшный, неодолимый сон – не справиться, он тогда еще подумал, что это похоже на предательство, отраву и смерть. Да. И сейчас – похоже.

Как, почему он выжил и вдобавок оказался в безопасности? Где он, кто он, что и куда его влечет? Он лишь отчасти чувствовал, что эти новые огромные люди, умные и тихие, с большими теплыми руками, нянчатся с ним как со светлячком, который вот-вот погаснет. Но они хотят, чтоб он не гас. Кто они? Зачем он им? Ведь теперь он словно бы оглох и ослеп. Ни на что не годится. Он уже почти не светит. Стал беспомощным в каком-то ужасном смысле, и это в сто раз хуже, чем отнявшиеся ножки. Словно отобрали что-то, без чего и его-то самого теперь как будто нет. Все равно что свет у светлячка отобрать. А светлячки ведь и со светом-то особенно никому не нужны...

Доверять нельзя. Но если эти аккуратные большие оставляли его одного, становилось страшно: вдруг все, погаснешь. Только это редко бывало. Будто этот слабый его свет жизни был нужнее им, чем ему. Даже когда он спал, кто-то был рядом. Они его лечили, кормили с ложечки, никогда не говорили громко; иногда, когда становилось совсем уж тоскливо и мрак сгущался, как-то это чувствовали и брали на руки, носили по каюте, давали лекарство и голова переставала болеть. Несколько раз даже относили по серебристым коридорам в просторное место, где было много зеленых живых растений и непонятных запахов. Или в гулкое небольшое помещение, в котором было много-много теплой воды, и, оказываясь в ней, он так радовался, что забывал про свои неживые ноги.

Он начал их различать. Врач Вильгельм, всегда в белой рубашке, жалел и лечил – обрабатывал заживающие ссадины, под свет непонятого прибора укладывал ноги, делал уколы и массаж и давал лекарства. Ние, молодой, с золотыми волосами, не жалел, а терпел, но чаще носил на руках, улыбался, терпеливо рассказывал все о разных неузнаваемых вещах, на которые Юм показывал пальцем, поддерживал в воде, кормил и уютнее, чем врач, укрывал одеялом – и это Ние говорил с ним первым, там еще, когда он умирал от ужаса на полу, когда еще все тело болело и было грязным. С Ние он все еще стыдился себя – но ведь теперь он был чистым, и Ние не так противно, как когда он впервые его увидел? Ние теперь не хочет, чтоб он умер? Почему он так подолгу – смотрит и смотрит? И Ние лучше всегда угадывал, что ему нужно, говорил ласковые слова, как маленькому, а иногда вдруг целовал в макушку, зачем? Разве ему не противно?

Он верил, что не обидят, но одинаково боялся заговорить с любым. Ведь они и сами с ним не говорили, считая слабоумным, утратившим даже речь. Следили только, чтоб ему было удобно и, по возможности, хорошо. Давали лекарства, и скоро он меньше стал спать, проваливаясь в пустоту, перестала болеть спина, и голову можно было поднимать и поворачивать, и внутри нее ничего не болело, за глазами только тяжело. Перестало тошнить и качать. Все вокруг – кровать, вещи, стены, звуки, еда – стало привычнее и не пугало. Спокойный, в безопасности, сон, еда и лечение, оранжерея и бассейн повторялись изо дня в день. Он окреп, только все время мерз; даже стал сам садиться, и невыносимо скучно стало все время лежать в этой кровати с перильчиками и смотреть на медицинские приборы вокруг. Ние и доктор Вильгельм стали чаще улыбаться, брать на руки. Однажды Ние принес книжку с картинками. Буквы Юм вообще не мог разобрать, а что на картинках – понимал плохо. Когда-то что-то такое вроде бы снилось. Но он выучил слова, обозначающие предметы на картинках: «дерево», «река», «лес», «земляника» и показывал пальцем, если Ние просил. Ние улыбался. Принес другую книжку, с картинками, которых Юм испугался – он вообще никак не мог понять, что это на них нарисовано: «собака»? «лошадь»? «слон»? Даже слезы потекли и голова заболела. Вильгельм рассердился и велел книжку убрать. Тогда Юм потянулся к другой книжке, где «земляника» и «дерево», и Ние, скучая, стал терпеливо называть всякие мелкие предметы на картинках, на которые Юм показывал пальцем. Вильгельм вдруг спросил:

– Ние, да он видел ли вообще животных когда-нибудь?

– Не знаю. Вряд ли...

Юм посмотрел на них, быстро перелистал книжку и нашел картинку, где на крыльце разноцветного домика сидела кошка, и постучал по ней пальцем.

– Кошка, – уныло сказал Ние. – Говорит: «мяу».

Юм показал, как надо гладить кошку. Показал, как кошка делает усы вперед и мурчит. Хотел сказать: «мяу», да постеснялся – Ние и так уже смотрел недоверчиво:

– Ты видел кошку? Живую кошку, настоящую?

Юм кивнул. У него были две рыжих кошки, чтоб играть. Мур и Нюрка. Но они... Они... Он вспомнил, как их убили, вмиг облился слезами и скорей лег, спрятал лицо в подушку. И голова опять заболела так, что хоть кричи... Он вдруг уснул.

Когда очнулся, Ние пришел кормить его кашей. Взял на руки и надел на замерзшие ноги теплые носочки. С кашей бороться надо было долго. Ние терпеливо скармливал ему ложку за ложкой и рассказывал всякие считалки и потешки. Юм с потешками, в общем, смирился, но скучал. Хорошо, что Ние не стал больше спрашивать про кошек. Зато сказал:

– Знаешь, маленький, мне кажется, что ты все-таки немножко соображаешь. Сколько будет пять отнять четыре?

Юм удивился, но показал один палец. Ние улыбнулся:

– А двадцать четыре разделить на три?

Юм выпростал из-под одеяла вторую руку и показал восемь пальцев.

– Это что еще за устный счет? – вошел Вильгельм. – Уймись, Ние, не надо. Всему свое время. Ты б еще попросил его пекулярные скорости комет посчитать.

– Да чем повредит ему устный счет?

– Если он только хоть раз получит удовольствие от счета, то нейронные цепи начнут восстанавливать преимущественно вычислительные способности. А тут уж один шаг до... Сам знаешь. Не он первый, не он последний.

– Только не бустер, – побледнел Ние.

– Да не похоже, – Вильгельм глянул на Юма и вздрогнул, встретив его взгляд. – Такие глазки умные. А памперс-то грязный. Давай-ка, малыш, пойдем купаться... Может, Ние, нам какие-нибудь сказки ему почитать, а?

Юм кивнул и улыбнулся.

С того дня и Ние, и Вильгельм словно бы просветлели лицами и стали говорить с ним куда больше. Читали сказки, в которых он вообще почти ничего не понимал, но терпеливо слушал – объяснения Ние были куда интересней, чем сами сказки; старались развлечь – даже играли с ним в лото с простыми картинками (Юму нравилось и одному играть с красивыми синенькими плашками: раскладывать в разном порядке, строить домики, просто разглядывать тонко нарисованные игрушечки на плашках) и нехитрыми правилами. Они и настоящие игрушки приносили, новенькие и красивые: машинки, люгтеры, смешных кукол – только Юм не понимал, что с этими нарядными вещицами делать. Это модели реальных вещей? Изучал-изучал и не понимал, зачем в безвоздушном пространстве такие. Значит, такие машины бывают внизу, на планетах? А откуда у них на корабле игрушки, зачем? И книжки, и все эти позорно необходимые подгузники, и пижамы точно Юму по росту? И еще куча маленькой одежды обнаружилась, когда он окреп и утром помогали одевать не пижаму, а красивую одежду. И еще показали пару ботиночек и красные сандалики – вот ножки будут в порядке, и... А пока они носили его на руках.

В штанах и рубашке было спокойней, чем в пижаме. Юм улыбался, с каждым днем все лучше понимая их, улыбался шуткам, но никак не решался заговорить. Он ведь еще ни одного слова не сказал им, а они, видимо, считали, что он нем из-за травмы. Сами все ему рассказывали и объясняли, а он слушался. Показали корабль, небольшой и очень мощный. Почему-то никого, кроме них, на корабле не было, Юм смутно чувствовал странность этого, но был доволен: другие люди, наверное, страшные. А Ние и Вильгельм – добрые. Они теперь везде брали с собой, сажали кушать за стол и никогда не ругали, если он неуклюже что-нибудь пролил или сшибал со стола. Называли малышом. Разговаривали при нем о своих делах, выбирали ему смешные сказочные фильмы, которые он напряженно, иногда с недоумением, смотрел, сами вслух читали всякие сказки, – и никогда не уставали улыбаться, пусть не вполне искренне, и ласково шутить. Он старался скорей поправиться, чтоб им не было противно, и кое-что стало получаться. Уже успевал подать знак, чтоб утащили в туалет, и памперсы почти не пачкал. Только в плохие дни, когда голова болит и ее от подушки не поднять... Но если голова болит ТАК, то о памперсе меньше всего думаешь... Теперь такие дни случались пореже.

Но больше всего нравилось, когда они брали его в рубку, усаживали в одно из очень удобных пилотских кресел, в котором он забывал, что хилые, но жутко тяжелые ноги не слушаются, и занимались своими делами у пульта. Ему нравилось сидеть в тишине и смотреть на вещи, предназначение которых он хорошо понимал, нравилось следить за спиралями и крестами курсового коллиматора, посматривать на отключенный и совсем не страшный ротопульт, предугадывать действия Вильгельма или Ние за пультом и тихонько улыбаться, когда они с ним заговаривали.

Он сам все молчал, уже толком не понимая, почему. Как им не верить? Эти двое берегли его, баловали как маленького; блаженство безопасности, которое он испытывал на их руках, было таким жадным, что он и не пробовал противостоять – и в конце концов Юм сдался.

Он всегда привязывался к людям, ко всем, кто хоть немножечко грел теплой заботой. А они очень заботились. И, самое главное, Укора, который своим безмерным обожанием сделал его всемогущей «Черной Звездой», у него теперь не было. Душа вздрагивала и сжималась, когда он вдруг нечаянно вспоминал восхищенные, немножко грустные черные, в лучиках морщинок, глаза человека, который целых два года заботился о нем и который, на самом-то деле, один более менее понимал его и отваживался прятать от Дракона. Но где он сейчас?

Юм отгонял ужас и с надеждой смотрел на этих двоих, которые, кажется, так же готовы его беречь и защищать, хотя бы и слабоумного, не способного больше ни к каким чудесам. Они его спасли. И лечат – и приручают зачем-то внимательной лаской. Будто не понимают, что он больше ни на что не годится, так как пираты выжгли его прежний разум. Не выкидывают, а берегут и лечат. Привязывают к себе, особенно Ние, и исподволь учат жить, как все, в мире скучном, плоском и медленном, довольствуясь лишь тем, что видят глаза и слышат уши. Сквозь тоску Юм догадался, что обыденное сознание, которым люди обходятся, у него несовершенно, что без прежнего Дара, без прежнего света в голове он недоразвит, жалок, убог – как убоги ползание или даже прыжки, если сравнить их с пульсирующим вихрем и воем таймфага. Понятно, почему они считают его слабоумным. Что же будет дальше? Зачем он им? Просто так ведь никто ни о ком не заботится. Что они попросят в уплату? Но разве у него что-нибудь есть?

Он тосковал. Растерянно трогал пустую тяжелую голову. Одному, лягушке слабоумной и безногой, не выжить; Ние и Вильгельм почему-то им дорожат, да и хорошие они, добрые, сильные и большие, но не страшные, даже все время пристально следящий Ние, и тянет к ним, и хочется все время, чтоб они брали на руки и о чем угодно разговаривали, и можно или понимающе кивать в ответ, или с недоумением умоляюще взглядывать, и тогда все очень хорошо они объяснят. Они оставят его себе? Зачем?

А он... Он имя свое почти забыл, а кто он такой, почему один в Бездне, где его дом – напрочь забыл... Одному плохо, одному нельзя, потому что умереть можно... Даже просто оставаться один Юм не мог. Он не цеплялся, конечно, за Ние, если тот выходил из каюты, не плакал и не кричал – но в тишине одиночества вспыхивал и черным пламенем клубился ужас, превращался в панику, в немой крик – Юм сам не успевал уследить, как скатывался в обморок. И памперс опять опозорен. Ние и Вильгельм вообще перестали оставлять одного, поняли, что одиночество для него как смерть, отгоняли ужас – но будут ли они делать это всегда, как делал Укор?

Но вообще он стал почти хорошим. Если не обморок – то памперсы вообще не пачкал. И есть стал аккуратно. Как-то с утра взялся за книжки, стал читать сам – крупные детские буквы только немножко расплывались, и он преодолевал это сквозь легкую головную боль. Картинки, теперь понятные, заставляли его улыбаться, он обводил контуры облаков, деревьев, дворцов, людей пальцем и еще радостнее улыбался. Ние заметил это, пошептался с Вильгельмом и принес белой бумаги и какие-то цветные палочки, взял Юма на колени за стол и показал чудо. На гладкой белизне цветные палочки оставляли яркие, чистые линии, и Юм засмеялся от счастья. Какой красивый синий цвет, какой яркий красный, какой живой зеленый! Ние нарисовал много простых ярких домиков, корабликов, деревьев, а потом пересадил Юма на соседний стул, чтоб было удобнее, и вложил карандаш в руку:

– Теперь ты.

Подсел Вильгельм посмотреть, что Юм нарисует. Да что же нарисовать? Красивое? Не сразу решившись, он поднес карандаш к бумаге и поставил крохотную точку. Синюю. Похоже на звезду, только далеко... Или на глазик... Он быстро нарисовал вокруг точки голову. Или что? А может, это... И он сделал кружок серединкой самого красивого цветка из своих снов про сказки. Сине-голубой, с лиловой кромочкой, на серебряном стебельке.

– А где он растет? – спросил Ние тихонько. Оказывается, он наклонился совсем близко. Дышал Юму в темя. Но не мешал, ждал.

Открыть ему тайну? Юм взял черный карандаш и нарисовал вокруг цветка большого и страшного зверя, чтоб охранять этот цветок у него в сердце – зверя с мощными лапами и сильными крыльями, с зубастой пастью, зоркими синими глазами и острым гребнем на спине. Тщательно закрасил, оставляя белые кружочки теплых живых звездочек внутри, нарисовал вокруг зверя синие молнии и чужие звезды, а на голове у зверя нарисовал крохотного золотого мальчика, которого еще нет на свете. Взял сразу несколько карандашиков и провел ими внизу рисунка сложную и красивую узорную ленту событий. Полюбовался и отодвинул. Узоры событий заинтересовали его вдруг цветом и логикой, он взял чистый лист и, забыв обо всем, принялся вырисовывать ковер событий.

– Не вижу смысла, – прошептал Ние. – Каракули. Но ведь дракончика-то как хорошо нарисовал.

– Не мешай ему, – тоже шепотом попросил Вильгельм. – Для него каждый цвет что-то значит большее, чем для нас, ведь таймфаг весь разноцветный.

– Нет, это не таймфаг, это ковер нынешних условий. Сплошные новые узлы, – так же шепотом объяснил им Юм. – А таймфаг ведь воронка, да и цветов тут не хватит таймфаг рисовать...

Он старался вырисовать поток событий как можно более точно, распутать каждый узел, но цветов не хватало, да и в голове заворчалась тяжелая больная тяжесть. Чтоб не заболело уж совсем невыносимо и не описаться, он осторожно положил карандашики, еще осторожнее положил голову прямо на рисунок и очень быстро уснул.

Проспал до следующего утра. День пошел как обычно, Юм помалкивал, ни на что не решаясь, хотя большие смотрели с ожиданием, Ние почти нервно. С утра принесли в рубку, чтоб был на глазах, все время то на него поглядывали, то переглядывались. Юм вцепился в книжку, которую прихватил с собой, легийские исторические хроники, в которых почти все слова уже понимал. Прятался за книжкой, чтоб не видели глаза. Вильгельм вел корабль, был занят, а Ние без дела долго не выдержал. Подошел, мягко забрал книгу, молча сел напротив – смотрел на свои руки, ждал, не заговаривал. Заговорить? Юм вздохнул, сконцентрировался и сказал:

– Прости меня.

Ние стал белым. Вскинул глаза. Юм никогда не видел, чтоб люди так мгновенно бледнели. Белое лицо и синие, насквозь, глаза – как нож. Страшно как: сознание вмиг было вскрыто, расшифровано и каждая его полудохлая, фрагментарная мыслица – выпотрошена, изучена и отброшена, как никчемная и безопасная. Затошнило и захотелось спрятаться. Вот как Ние умеет. Раз, и все ему ясно... И противно. Ну да, гордиться нечем. Он калека с пустой головой. Инвалид. Ну, по крайней мере, теперь чистый... И от него не воняет, как тогда... Когда Ние вытащил его из грязного мусоросборника, куда не дожидаясь, когда издохнет, его сунули пираты... и снова стал свет, воздух... Но как же от него воняло, если Ние, не в силах терпеть, положил его на пол, едва перешел шлюз, и скорей отошел, и смотрел сверху, не зная, что сделать – прикончить или помочь... Сейчас ведь не воняет? Вот только памперс... Нет. Сухо. Чисто. Но Ние... Противно? Это потому, что он увидел больные, жалкие мысли в его уме... Юм посмотрел сквозь пальцы – ой, когда он успел закрыть лицо ладонями? – Ние смотрел уже с тревогой, зорко, но не насквозь.

– Поговори со мной, – шепотом попросил Ние.

– Страшно говорить, – сознался Юм.

– И заговорить было страшно? Все это время?

– Да.

Ние, помедлив, нежно взял за ладошки, отвел от лица:

– Что-то такое я подозревал сперва. А потом мы подумали, что ты в самом деле онемел. Бывает при травмах... Ты не бойся, пожалуйста.

– Но ведь я... Теперь такой плохой стал...

– Ты поправишься, – Ние встал и взял на руки. – И ты... Хороший. Я видел. Ты... Такой... Добрый-добрый. Но очень, очень грустный. Ты болен. От тебя прежнего мало что осталось, но вот суть... Хорошая. И... Знакома мне.

Юм не знал, что на это сказать, помолчал и сам впервые обнял его за шею и сказал:

– Меня зовут «Юм»...

Ние кивнул – он знал? Но странно переспросил:

– Юм? «Юмис»?

– Юмис, да... Нет! Теперь просто «Юм», – он отклонился. – Ние, пусти. Посади меня за пульт, а то трек-то не стойкий, вон, ползет по ординате... Я ведь могу, я могу, я буду очень хорошо работать!

– Да ведь нельзя же, – ахнул Вильгельм, – голова заболит!

– Нет, не болит, я ведь в голове-то давно работаю, когда на экраны смотрю. Я справлюсь, я ведь навигатор. Я могу на марше. И... Это, в общем, одно, что я могу делать в уплату за... За все.

Ние и Вильгельм переглянулись:

– В уплату?

– Да. Забота, внимание. Уход, лекарства. Воздух, вода, еда. Пребывание на корабле.

– ...С ума сошел?

Это все дорого, – пожал плечами Юм. – А еще – жизнь. И что вы забрали меня... И я не умер там в помойке. Это все... Очень много стоит. А у меня ничего нет. Ничего. Но я – могу вести корабль на марше. Куда лучше вас, кстати. Давайте я хоть так... Хоть что-то.

– А ты нелегко прощаешь, малыш, – мрачно сказал Ние, сажая его в кресло.

– А? – ничего не понял Юм.

– Ты нам ничего не должен, – помолчав, глубоко вздохнул Ние и погладил его по голове. – Если б ты только помнил... Но лучше... Да, лучше тебе все забыть.

– Я не понимаю тебя, – стало тошно от своего тупоумия. – Понимаю только, что меня уже не стоило спасать, – пожал плечами Юм. – Позвольте же показать, что вы не зря это сделали. Что я могу пригодиться и... Хотя бы воздух отработать.

– Да не должен ты ничего отрабатывать!

– погоди, Ние, – вмешался Вильгельм. – Пусть. Пусть лучше посидит на марше... Это будет полезно. И не вздумай ничего разьяснять... Ты понял? Пусть лучше... Отрабатывает.

Потом Юму казалось, что именно после этого разговора и после нормального, емкого с точки зрения сложных маневров часа за пультом он начал очень быстро поправляться. Его стали пускать за пульт ежедневно – хоть и ненадолго, но успевал он куда больше, чем Ние и Вильгельм вместе: корректировал их курс, прокладывал трек для автопилота на сутки вперед оптимизировал скоростные переменные... Голова не болела. Работал хорошо, не спеша и потому безошибочно. Ние и Вильгельм были изумлены – но сам-то он помнил, до какой скорости он мог разогнать корабль на марше и как молниеносно летали над пультом его руки до катастрофы. Сейчас все осторожненько, с проверкой – главное, чтобы без единой ошибки. Оживаешь от радости, что умеешь вести корабль, хоть и медленно пока, но все же лучше и быстрее, чем молодой Ние и доктор Вильгельм, которые были пилотами лишь постольку поскольку. И теперь он не из милости переводит воздух, а заслуженно. От него – польза. Юм даже стал улыбаться. Он радовался теперь всему, и даже по утрам в бассейне куда дальше сам мог проплыть и, дрожа терпкой слабой болью и ноей, стали оживать ноги. Обрадованный Вильгельм, однажды заметив, как Юм сосредоточенно пытается шевелить ногами, набросился

на него с кучей новых лекарств, с массажем и упражнениями, со специальной едой и приборчиком, который выпускал зеленоватые острые лучики и невыносимо щекотался. И еще он выставил красные сандалики на полку с игрушками, на самое видное место. Юм улыбнулся и сказал: – Ну ладно, я буду верить, что они мне скоро понадобятся.

Дня через три Юм проснулся и обнаружил, что с него будто бы сняли очень тугие ледяные колготки, так тепло и хорошо было ногам. И, само собой, он сразу вдесятеро усерднее стал выполнять все упражнения, и, хотя пробовать самому вставать ему не разрешали, он иногда тайком стал, косясь на красные сандалики, сползать с кровати и становиться на по-змеиному мягкие предательские ноги. Чаще всего он шлепался на пол, когда они вдруг подламывались, но все равно уже знал, что скоро будет ходить сам.

В этом смысле все было хорошо. И с Ние и Вильгельмом он стал меньше бояться разговаривать. Трехмерный, пустой, неподвижный мир без видений и полей прошлого и будущего теперь стал привычнее, но зато и тот, прежний, исчезал, истаивал в памяти. Не удержать. Юм идеально – но очень медленно – работал за маршевым пультом – но иногда с тоской посматривал на ротопульт, который при нем никогда не включали – неужели он и тайм-навигатором больше быть не сможет? Он подбирался ползком и прислонялся к тяжелым дугам, покачивал их, сидел на краешке, глядя в пустое мягкое гнездо. Туда нельзя сейчас лечь. Потому что не удержаться, и ротопульт включится на одно это его слезное желание полетать. А ноги непослушные, и слаб он сейчас стал, глуп, медлителен – летать погибельно. Таймфаг. Тоска. Сияющий мир времени, полная воля, радость, игра с пространством... Таймфаг его убьет сейчас. Укор давал ему летать столько, сколько Юму было можно по малолетству, и никто в мире не летал лучше и дальше, чем Юм. Таймфаг Юм помнил столько же, сколько и себя – но кто его учил? И где? Как теперь без этого жить? Неужели никогда больше... Он привыкал. А что еще оставалось.

Когда однажды перед сном, уже уложив в постель и дав допить молоко, Ние стал тихо расспрашивать, какое у него полное имя, кто его родители, где он родился, – Юм сознался, что не помнит ни полного имени, ни вообще чего-нибудь раннего. К тому же он подозревал, что как раз Ние-то это все известно. А что он помнит из детства? Из чего? А, понятно. Нет, никакого детства, кажется, не было. А из времени до Укора он помнил только космос, корабль, чужих людей, которых пустил на свой корабль, чтоб они о нем заботились в обмен на чудеса – и страх. Совсем давно – да, жил на планете. Там кругом было море, никуда не убежать. А ночью – светлячки в траве. А потом убежал, когда летать на корабле научился. Всех обманул и улетел один далеко-далеко. Зачем? Потому что есть страшное-страшное чудовище, которое его ищет. Чтоб убить. Я не знаю, за что и почему. Только прячусь. А потом Укор прятал.

Больше ничего он Ние не сказал. Только думал почти всю ночь – а что за чудовище-то? Он ничего теперь не помнил, но только нервным ершиком хребта и плавящимся в истоме костным мозгом всех своих тонких костей чуял откуда-то, что ему никогда нельзя выходить за пределы Доменов, нельзя вываливаться из галактики с той стороны, где подстерегает ужасное созвездие Дракон. Там смерть. С той стороны мира, где плыло это созвездие, веяло ужасом, невыносимостью, тоской. Почему? Все, кого он знал, Укор и прочие, ведь считали Дракон каким-то волшебным и прекрасным миром. А для него там – только ужас? За что Дракон хочет его убить? А как же синий цветок в самом сердце дракона, что он тогда нарисовал? Ой, а где вообще тот рисунок?

Юму опять приснилась бездонная пустота. Не Бездна вовсе, Бездна живая, бесконечная, прекрасная – а просто пустота. Мертвая, пустая. Как вспомнить, кто он и зачем? И откуда взялся. Кто он? Почему один? Почему всегда страшно? Почему он был не как все люди, а все мог? Сколько ему на самом деле лет? И что теперь делать, если он не сможет больше никогда работать в таймфаге? Зачем Ние и Вильгельм его спасли и лечат? Куда они направляются? Спросить у них? Нет, страшно.

Все эти вопросы очень мучили все то нервное и живое под кожей, что им и было. А вот то, что Дара больше нет, сожжен пиратами, и к прежнему всеведению и всевластью больше не вернуться, что света в голове, который все в мире делал понятным с первого взгляда, больше нет – он с облегчением принял. Так проще. Тогда и смысла в прежних «биографических сведениях», наверное, нет. Вообще его прежнего нет, значит, и в прежнем имени никакого смысла больше нет – и незачем его вспоминать. Вообще ничего не надо вспоминать. Там ужасно. Это все не с этим им было, а с тем сильным, храбрым, умным Юмисом, которым он был раньше. А он – просто мелкое жалкое существо, просто Юм. Надо не только не цепляться за тающую память, но и быстрее ее прогнать. Надо поскорее приучиться жить просто как мальчик, ничей, обыкновенный, послушный и благодарный за все, что чужие для него делают. И побольше работать на марше. И учиться уму-разуму.

Он стал изо всех сил стараться быстрее вжиться в этот непонятный обыкновенный мир, целыми днями читал книжки, сквозь детские истории пытаясь прорваться к тому смыслу, что понимают все вокруг, кроме него, пытаясь вычислить этот слепой, беспомощный и что-то слишком уж оптимистичный способ жизни, каким все люди вокруг живут – и жизнью довольны.

– Вильгельм, а как ты узнаешь, что правильно?

– Правильно в каком смысле?

– Что не опасно себе, что будет как выигрыш времени при спрямлении курса, что не повредит другим?

– Я пользуюсь жизненным опытом, – терпеливо отвечал Вильгельм. – Иногда интуицией.

– А если она не включается?

– Тогда я рискую.

– Ты боишься, когда рискуешь?

– Смотря чем я рискую. Есть вещи, которыми легко рисковать, а есть такие, которыми рисковать невозможно.

– А чем невозможно?

– Тобой, – сводил весь разговор к шутке Вильгельм. – Да не волнуйся ты, малыш, ты всему научишься. К тому же у всех есть совесть, есть инстинкты, которые обычно не ошибаются.

– Самый мощный – инстинкт жить, – обернулся от пульта Ние. – А ты выжил. Так что и дальше все у тебя будет хорошо.

Юм обдумывал информацию, как мог, примерял к себе, а назавтра опять спрашивал:

– Про инстинкты я понял. Но это все равно слепо, это просто как предохранитель. А разум – только рассуждения и вычисления? Этого мало. Как же вы тогда почти вслепую вычисляете оптимальный императивный вектор?

– Ты хочешь сказать, как мы узнаем, зачем вообще живем?

– Да, – радовался переводу Юм.

Выслушивал ответы, размышлял, переспрашивал, перекодировав в бедные образы своего математическо-навигационного мышления – и что-то наконец понимал. Спрашивал снова, стараясь говорить нормальным языком, но все равно сбиваясь на тот, что был понятнее:

– А как вычислить, что хочешь, и на финише попасть в цель, если вокруг так много необратимых изменений независимых переменных, что не только полностью теряешь контроль над курсом, но и стартовые условия больше не имеют смысла? А собственная структура вообще уходит в минус?

– Юм. Ты же это о себе? – легко понимал его Ние. – Брось, не бойся. Все будет хорошо, маленький, не бойся. Ты окрепнешь, ты выздоровеешь, и ни в какой минус твоя структура не уйдет. Оглядишься и поймешь, чего тебе больше всего хочется. И будешь этим заниматься.

Юм смотрел на отключенный ротопульт, тер бровь и снова спрашивал:

- А зачем? Кому польза от того, чего захочу я?
- Тебе. Сердечко слушай, – грустно говорил Ние. – Родился – живи. Ты многое мог раньше. Забудь. Главное, ты выжил. Вот и живи дальше. Захоти чего-нибудь.
- А чего я должен хотеть? Я хочу пользу приносить. Вам.
- Ты и так приносишь. Нам ведь так, как ты, никогда корабли не водить. Ты лучше всех пилотов, кого мы видели.
- Меня хорошо учили.
- А ты бы хотел вернуться к тем, кто учил?
- Я не помню, куда и к кому. Помню только море. И ротопульты. Учиться было трудно... Да они все равно чужие были, те учителя.
- Чужие?
- Для меня все чужие. Я всегда один был.
- А родители? Ты бы хотел к ним?
- Нет. А зачем?
- Дети должны быть с родителями.
- Почему должны? – изумился Юм.
- Ние слегка растерялся. Но объяснять ничего не стал – помрачнел – спросил только:
- А если ты им нужен?
- Нет, не нужен. Был бы нужен, то никогда не был бы такой... Один совсем на свете.
- Юмасик, а ты бы хотел увидеть их?
- Нет. Если я был не нужен, даже когда был волшебником, то калек им точно ни к чему... Я сам буду жить. Я не пропаду, наверно. Ноги ведь скоро будут хорошо ходить, да, Ние? Может, я все же смогу водить корабли в таймфаге? Да ведь на марше-то я и так неплохо веду... Ты лучше скажи, Ние, вам-то я зачем? Вы столько со мной возились, лечили. Вы подлечите меня еще и продадите какому-нибудь флоту?
- С ума сошел?
- Тогда зачем?
- Чтобы жил на свете вот такой мальчик, как ты. Волшебник и умница, – принужденно весело ответил Ние.
- Волшебник я уже никакой. Ние, ведь этот корабль построен в Драконе, верно? Имей ввиду, пожалуйста: я умру, если ты продашь меня Дракону. Я – заранее умру, как только пойму, что мы приближаемся к тому созвездию, где он живет. Тогда вся ваша возня со мной будет напрасна.
- Мы не будем приближаться... к этому созвездию, – твердо ответил Ние.
- Куда же тогда вы направляетесь?
- В Золотые Плеяды.
- Это же запретные места! Туда никого не пускают!
- Нас пустят.

Две недели спустя они вошли в тесную от звезд галактику, а еще через сутки причалили к запретным параванам сверкающего, пустынного золотого порта Ориада – главной из планет скопления Золотых Плеяд – и встали на обслуживание и бункеровку. Растерявшийся Юм тихонько сидел в рубке и все посматривал на чудовищно близкий, выпуклый пестрый диск планеты, проплывавшей мимо экранов. За размытой линией терминатора во мраке искрились огоньки, а залитый солнцем край дышал и переливался. Все это было красиво, знакомо – все чужие обитаемые планеты похожи одна на другую. Правда, раньше и сами планеты он видел иначе – просто структурированный, круглый кусок пространства на экранах, огромный твердый снаружи и расплавленный внутри, объект в газовой пленке, сумма полевых взаимодействий, математическая картинка. А теперь планета была настоящая, живая. Непонятная. Юму

даже мерещилось, что планета обладает сознанием и что-то думает. Даже хотелось попросить извинения за беспокойство.

Через пару часов после стыковки с параваном Юм, разумеется, и до этого молчавший, и в душе смирился с тем, к чему его готовили Ние и Вильгельм – на планету придется спускаться. И остаться там пожить сколько-нибудь. Только зачем? И неизвестно, когда его снова возьмут в космос... Юм не хотел вниз. Там вообще все будет непонятно. И страшно, наверное, тоже будет.

Когда подошло время обедать, на столе оказалась свежая еда снизу – какие-то невиданные Юмом раньше овощи и фрукты, рыба, белая и вкуснопахучая; терпкая, чуть фиолетовая с исподу травка, и Юм совсем разволновался от новизны. Он поел, конечно, чтоб не обижать Ние и Вильгельма, и кислотоватый сок из желтых круглых фруктов ему даже понравился... Но этой чужой еде он все равно бы предпочел корабельные, привычные густой суп и молоко из банок, таблетки витаминов, ирианские крупные орехи и белую кашу, которую можно было поливать всякими концентрированными сиропами... А после обеда Вильгельм принес коробку, от которой пахло незнакомыми, не корабельными запахами, и стал, улыбаясь, вынимать из нее красивую маленькую одежду. Юм сказал, что нравится все – да и правда нравилось – но надевать не стал и попросился обратно в рубку, а там незаметно в своем мягком кресле часа на полтора уснул. Проснулся сердитый, несчастный, вспотевший, с ноющей головой. Потом вечером была еще какая-то невнятная суматоха, и беспокойство стало совсем нестерпимым, Юм совсем потерял себя, его клонило в нехороший муторный сон и немножко поташнивало. А когда резкое осознание, что уже скоро вниз, что вот-вот уже, что завтра утром – наступало снова и снова, то он или обмирал с ног до головы, или едва сдерживался, чтоб не вскрикнуть, и боялся описаться. Ние в конце концов взял на руки и так и сидел с ним молча, а делами занимался Вильгельм. Юм задремал головой на теплом плече.

Сон ли это был? Он вдруг проснулся и увидел перед собой большого мальчика с темными зелеными глазами, в черной драконьей одежде, с несколькими тонкими длинными тагетскими косами, похожими на спящих змеек. Он хмурил брови и пристально, насквозь вглядывался своими жуткими очами, а вокруг было тихо-тихо, Вильгельм замер рядом, и Ние не шевелился. Мальчик серьезно улыбнулся Юму, кивнул и, выпрямившись, оглянулся на Вильгельма. Они вышли. А когда Юм снова открыл глаза, Вильгельм, как и прежде, сидел за пультом. Юм не спросил у Ние, был ли здесь гонец из Дракона, почему-то побоялся, только молока попросил. Молоко принесли, он медленно его выпил и вдруг нечаянно сказал, крепко сжимая ладонями пустую кружку:

– Тут был гонец Дракона.

– Да, – тихонько ответил Ние. – Нам было нужно послать домой вестника. И получить вести оттуда.

– Твой дом – Дракон?

– Ты ведь это уже понял. Не бойся. Ты пока будешь жить в Плеядах.

– Дракон меня такого не хочет? – рискнул обрадоваться Юм. – Он не будет больше за мной охотиться?

– За что ты его ненавидишь?

– Я его не ненавижу, я его боюсь. Он как смерть.

– Почему?!

– Он хочет меня убить.

– Неправда!

– Правда. Он хочет, чтоб меня не было.

– Неправда!

– Ты просто не знаешь!

– Послушай... Ты останешься в Плеядах не насовсем, – Ние осторожно забрал у него кружку. – Все равно ведь придется когда-нибудь вернуться Домой. Дракон – и твой Дом тоже. Твоя родина. Тебе там хорошо будет. Ты там нужен. Ведь ты – Дракончик, сын Дракона. Помнишь, ты картинку нарисовал? С дракончиком, у которого в сердце синий цветок?

– ...Я знаю, кто я... Я и был раньше такой... Много мог. Но теперь-то – ничего не могу. Зачем я ему такой?

– Потому что – сын.

– За это и убьет, – шепотом сказал Юм. – Знаю, что ты ему служишь... Что он, наверное, смотрит твоими глазами. Ты не виноват, ты ему веришь, и ты хороший, он тебя любит, а я... Это я. Знаю, что должен вернуться к нему, чтоб он... Но ведь... Но ведь... Это так страшно. Я не хочу, чтоб он меня убил. Я лучше сам умру.

– Ты свихнулся. Да зачем же ему тебя убивать?

– Я не знаю. Не помню. Наверно, я виноват. Ведь просто так никого не убивают.

– Юм, он хочет, чтоб ты жил, но был под присмотром потому что тебя надо лечить. А сейчас ты больной, ты слабенький – вот поправишься и сам во всем убедишься. Он тебе Плеяды дарит, чтоб ты тут окреп.

– Мне не нужны его подарки. Никакие... Правда не хочет убивать?

– Не хочет. Велит, чтоб ты жил как желаешь. Он ведь до этого позволял тебе это. Пока было можно. Он ведь знал, что ты у Укора, но не забирал, наоборот, посылал ему для тебя корабли и все, что нужно...

– Ага, и конфеты с отравой, – усмехнулся Юм. – И гравитационный шквал, и пиратов. «Жил как желаешь»? «Все, что нужно»? Это слова, Ние, это всего лишь слова. Но ты не думай, я его не сужу; он—то как раз в праве делать со мной все, что хочет. Ух, как обидно: я так старался все забыть, и уже почти получилось! – глаза вдруг сами собой закрылись. – Себя почти забыл, а его – никак... Ладно, пусть делает, что пожелает, он вправе, а я... Я виноват.

Стало очень темно и тихо, и Юм опять ощутил бархатную и нестрашную тьму, плавно уносящую его в безвозвратность...

– Да ты спишь совсем, а? – откуда-то издали спросил Ние оглушительным шепотом. – Давай-ка я тебя спать отнесу.

Дальше тоже все пошло, как сквозь сон, и Юм безучастно, в полусне, качаясь на страшных волнах чувств как неуязвимый поплавочник, следил за сменой своих невнятных, больных мыслей. Но в конце концов и сон стал настоящим, глубоким, и Юму стало наконец спокойно и хорошо, будто он достиг своего собственного дна, где ему ничего не грозит.

0,02. Цвета цветов

Сначала была нестрашная тьма. Потом – сказка. Будто он в глубоком темном подземелье поет для чудовищно огромного, бесконечного золотого змея, чьи тугие круглые, теплые кольца уходят к высокому своду, переплетаются в непостижимые узлы, и дальше их и не различишь в темноте. Змей с зелеными-зелеными глазами вовсе не страшный, и Юму с ним тоже ничего не страшно. Он больше не один, потому что змей – самый родной. Роднее всех. А на самом деле он еще не родился. Еще долго ждать, и он будет не змей, а мальчик, как он сам... А пока – только петь во сне, звать, но это – тоже хорошо, до слез. А высоко-высоко над этой глубокой волшебной пещерой стоит ночь, и среди редких висячих, очень знакомых звезд расстилаются молочные туманы...

Юм, проснувшись, даже глаза открыть побоялся, вцепился в клочок сна, но дневным сознанием ничего не понять... Он все же запомнил – золотые теплые, живые кольца в темноте, родство, и петь надо. Петь? Ему, кажется, никогда и в голову не приходило, что можно петь. Но поют ведь некоторые люди. Не все, потому что нужен какой-то голос особенный, не тот, которым разговариваешь, и у большинства такого голоса нет... А если есть, то еще там что-то нужно, Юм не вспомнил, что, и перестал об этом думать, потому что под ресницы скользнул странный волшебный свет и зашевелился сверкающими разноцветными снежинками.

Перестав дышать, распахнул глаза – этот свет, живой, огромный – не снится? Света было столько, что он несколько секунд не дышал, потом вдохнул это все огромное, золотое, живое, и захлебнулся от радостного изумления. Живой воздух. И свет живой. Снова зажмурился, изумленно любясь веселящимися в ресницах радужными крошками света, потом не выдержал и вскочил, даже не вспомнив о слабых непослушных ногах, и сквозь до потолка налитую этим живым светом комнату бесшумно подбежал к распахнутому окну.

Сколько света! Везде свет, и он листву качает на чем-то этом большом, верхушки не видно, с ветками, пахучем, с каким-то зеленым и острым запахом, и на подоконнике лежит горячим пятном, и вверху свет, и везде, до неба! И водой пахнет разбрызганной, и еще чем-то непонятным. Хорошим.

Такое счастье называется «утро»?

Накануне, поздним вечером, когда они приехали в это место, его, хотя жизнь была сном, качало и лихорадило от чувств, с которыми планета топила в запахах, шуме, пестроте, свете и шевелящемся воздухе. Сколько он прожил в космосе, в идеальной тишине кораблей с их едва циркулирующим воздухом? Когда ког с терминала приземлился в порту и Вильгельм вынес Юма, вдруг само собой получилось, что Юм легко и уверенно сам встал на ноги, с молнией удовольствия всем телом почувствовав огромную твердь материка, как-то блаженно отозвавшуюся в его твердых костях. И на ногах – красные сандалики. Но сразу оторопел от непрерывного плеска непонятных звуков, наплывающих неизвестных запахов, прохлады и какого-то навязчивого, шального свободного воздуха, все время задевающего лицо то теплом, то влагой. И космос остался далеко-далеко, темно-синий, с алым умирающим краем заката. Тоскливо. Но хуже всего было множество людей вокруг, много-много, человек десять, чьи мысли он не мог видеть, что проходили мимо, окружали со всех сторон, уходили в темноту и возвращались, переговаривались, исподтишка изучая его самого. Ужасно.

Ние наконец прилетел откуда-то на небольшом люгтере, и, едва он вышел из машины, Юм, ни на кого не глядя, обежал к нему, потянулся, влез на руки и, зажав уши, спрятал лицо внутрь его куртки. Только в маленьком пространстве салона, в котором понятно пахло техникой, чувствуя всем телом стремительное движение люгтера и тепло встревоженного Ние, он

слегка опомнился. Вильгельм вел, Ние смотрел на Юма. Он в самом деле очень встревожен. Юм извинился:

– Я забыл, что всего так много... Разного.

Пока они летели, он, хоть и слез с коленей Ние, чтобы смотреть вниз, все равно держался за руку. Расспрашивал, что видит: эта светлая, переливающаяся блеском, кривая плоская дуга, в которой оранжево отражается закат – река, кубики и кнопочки с огоньками – дома, а эти продолговатые бусы, ползущие по блестящей нитке – грузовой поезд на монорельсе. Плохо видно, темнеет... Огоньки далеко внизу в черной тьме... Планета. Вот. И он – на планете. Почти уже – на грунте. И он ходил только что там в порту по грунту. Сам. Ногами. Вот этими, в красных сандаликах. Планета...

Всплывало что-то изнутри, что-то не космическое, а живое, синее, огромное, грохочущее, горькое на вкус – море, но больше ничего живого про планеты он не помнил. Разве что светлячки? Но сейчас он сомневался, что они – не сон. Может, просто видел вот так же сверху далекие огоньки внизу на грунте... Он раньше все видел иначе. Какие-то многомерные схемы, облака, линии и узлы отношений, причины и следствия слов и событий, рисунок своего поведения, императивы, цели, уступки, связи; второй, энергетический, план, полевые взаимодействия и характеристики, фаза, и всегда следить за тем, чтобы речью не забегать вперед по вектору – как будто он жил в каком-то вывернутом, пляшущем таймфаге. Шумно вздохнув, Юм сказал:

– Я был раньше на планетах, но тогда я ничего такого не видел. Я в другом режиме жил... – Посмотрел на Ние и пояснил: – Думал не так, видел не так. Вот на маршевом звезда – точка, то в таймфаге она же – луч.

– Ты уже приспособливаешься. Ничего, привыкнешь.

– А я смогу снова стать тайм-навигатором? – ужасная все же тоска.

– Ты сможешь все, что захочешь, – улыбнулся, но как-то ненадежно, Ние. – Подрасти только сперва.

Чего хотеть? Чего вообще разрешат хотеть? Ведь будут как-то воспитывать, что-то внушать... Он не стал думать вперед. Только смотрел, как небо темнеет, вспомнил, что это называется – вечер, и опять спал с открытыми глазами.

И потом, когда они приземлились в стусившейся темноте и шли сквозь пахучий шелестящий сад, он, как во сне, шел сам, легко шел, только крепко держался за руки Вильгельма и Ние. Какие-то люди спешили им навстречу. В доме, на ярком свету, Юм жмурился и жался к Ние, пока вокруг все шумно и непонятно радостно говорили, и нужно было знакомиться, потом вдруг наступил ужин, но есть непонятную незнакомую еду при всех этих незнакомых людях он не смог, и мерещилось, что где-то слева мигает беспокойный оранжевый огонек. Юм даже оглядывался, но увидеть его не мог. Все чужие разглядывали с совсем уж непонятным выражением в глазах. Так страшно стало, что он побоялся опозориться и, дернув Ние за рукав, подал знак из времен памперсов и немоты. Ние, извинившись, подхватил на руки и быстро унес в тишину далекой ото всех и всего маленькой комнаты. Помог с делишками, потом даже выкупал и одел в новую пижаму, унес в кроватку. Все, и пижама, и подушка, пахло незнакомо и страшно. Даже тяжело дышать. И воздух снаружи такой беспокойный. И – окно, страшное. Большое. На кораблях окон нет. Ние закрыл окно занавесками, сел рядом у кроватки прямо на пол, рассказал, что это комнатка специально для Юма, что сам дом большой, почти дворец, и вокруг огромный парк... Парк – ну, это цветы и всякие деревья, дорожки, чтоб гулять. Да, завтра пойдем. Да, вот твои сандалики. Завтра обуем и пойдем. Устанешь – понесу. Но ты молодец. Да, тут теперь будешь жить, а все эти люди будут о тебе заботиться. Нет, он сам никуда не уедет. И Вильгельм останется.

Стало легче. Ние уговорил поесть, и принесли тарелку с обыкновенной детской, на вкус совсем корабельной, сладкой кашей. Юм съел и захотел спать. Ние пообещал, что не уйдет.

И вообще его комната рядом, не бойся. И, конечно, не ушел, пока Юм не провалился в темный, как сад снаружи, настоящий сон...

А теперь уже утро!

Когда пришел Ние, он, подергивая лопатками от жаркого потока солнца сверху, сидел, в пижаме и красных сандаликах, в клумбе под низким окном снаружи и сосредоточенно разглядывал цветы, старался вникнуть в смысл их неправдоподобной тонкой и точной окраски, нюхал и трогал нежные лепестки, и сияние всех этих сиреневых, голубых и красных цветов; их спутанные запахи и совсем уж невразумительная тоска странно и ни на что не похоже томили его. Ние тихонько позвал через подоконник, и Юм сильно вздрогнул от всплеска непонятного мгновенного ужаса, виновато поднял к нему лицо и тут только заметил, что глаза Ние такого же живого, как цветы и небо, синего цвета.

– Смотришь? – шепотом спросил Ние.

– Привыкаю, – улыбнулся Юм. – Все такое живое.

Люди вокруг отнеслись к Юму так внимательно, что он стеснялся и почти страдал. Зачем ему игрушки? Зачем столько одежды? Зачем все эти внимательные улыбки? Ему бы понять, какое будущее они предлагают, если так заботятся. Врачи вместе с Вильгельмом долечивали Юму ноги, Ние катал на прогулки, показывал леса и реки, терпеливо разъясняя все это прекрасное и непонятное, с чем люди обычно знакомятся еще в младенчестве и что почему-то прошло мимо Юма. Все остальные доброжелательно наблюдали со стороны – но слабенький внутренний голос, след того, что осталось после той беспощадной мощной интуиции, которую Юм уже едва за собой помнил, подсказывал, что ни с кем, кроме него, эти люди сами так заботливо возиться бы не стали. Никакого другого ребенка они не привезли бы сюда, в прекрасный золотой дворец посреди старинного ухоженного парка.

Юм не понимал, чего хотят все эти ясноглазые люди, с которыми он теперь, гуляя в парке, уже стал здороваться и даже тихо и вежливо разговаривать, не отпуская, правда, руки Ние и не понимая, кто они, слуги или стража... Здесь было хорошо. Здесь можно было не думать про Дракона, хотя, конечно, это не удавалось. Ведь вся эта забота, все лечение – по его воле. Так тихо, спокойно, очень красиво – и здания, что построили эти люди, и природа вокруг, но Юм беспокоился все больше. Что Дракон потребует взамен за всю эту красоту и лечение?

Ние иногда пропадал на целых полдня, пока с Юмом возились врачи – хорошо хоть, Вильгельм всегда был – самый главный, немногословный и внимательный, улыбался Юму – кареглазый, высокий, с тонким шрамом над бровью – не простой он доктор... Он больше прочих возился с Юмом, иногда надевая на голову широкий зеленоватый обруч, и тогда его взгляд становился глубоким и нечеловечески внимательным. Все врачи его беспрекословно слушались, хотя он говорил негромко, совсем не настойчиво, и это Юма тоже настораживало.

Чем понятнее и привлекательней становился мир природы и вещей, тем меньше Юм понимал, что с самим собой-то делать. Он ждал беды, ждал безнадежно и тоскливо. Почему все кажется, что вот-вот разразится гром среди ясного неба? Ние его успокаивал, говорил, что это нервы устали, что скоро все пройдет, что все будет хорошо, что ни о чем он сейчас думать, кроме здоровья, не должен. И дарил очередную игрушку.

Юм хотел Ние верить. Очень хотел. Ние умный, добрый. А он сам – больной дурачок. Вот правда, почему он думает, что Дракон хочет его уничтожить? Это бред. Разве тогда Дракон подарил бы Пляды? Платил бы за его содержание Укору кораблями и сокровищами? Голова соображала плохо. Надо бы придумать что-то, как-то спастись – но как?

Он все больше забывал и Бездну, и себя. И Укора. Он и раньше не помнил, как попал к Укору, но теперь не помнил уже и того, что там потом было, даже лицо самого Укора толком не помнил, только взгляд, даже только след этого мудрого печального взгляда. Он теперь

всматривался в Ние, который все убеждает его, что Дракон хороший, и мучился – а если он так же и это ласковое лицо забудет? И тоже останется – только такой же печальный взгляд? Только след? Он ведь забыл, он почти все забыл, а ведь было что-то там плохое, очень плохое у шлюза, когда Ние смотрел сверху... Это важно или нет? Дырявая голова... И страшно. Всегда страшно, все равно, есть Ние рядом или нет... Ние служит Дракону.

Верить хочется... Но – нельзя...

Он устал. А почему они все так вдумчиво и внимательно смотрят? Почему жалеют? Он слабел, не хотел ни игрушек, ни прогулок. Ноги то и дело подкашивались. Он бы вообще не вставал утром, если б Ние не поднимал его с лаской и уговорами.

Инстинкты бились и мучительно содрогались внутри его слепого поля: им всем, даже Ние, верить нельзя. Будет, будет плохое...

Не было сил пробиться в то ускользящее из памяти, полное света пространство, где клубились облака будущих событий и текли реки судеб. А обыкновенного опыта не было. Он теперь никто и ничто. Точка в пустоте, не больше. Вильгельм однажды как-то наедине объяснил своим тихим голосом, что жесткое излучение грубых пиратских симбионтов парализовало, убило в неокортексе его мозга нежнейшие нервные образования, что позволяли ему быть тайм-навигатором. И что только чудом уцелели базовые клетки, обыкновенные, как у всех, благодаря которым он думает. И радоваться надо, что обошелся он всего лишь легким нервным расстройством, кратковременным параличом ног и некоторой потерей ориентации. А то мог бы стать слепоглухонемым растением вообще без какого-либо соображения, или просто умер бы. Так что живи, мальчик, бегай на своих ногах и радуйся, что жив.

Юм пытался радоваться. И если не бегать, то хотя бы ходить. Но все это плохо получалось. Он ждал беды, хотя все вокруг казалось безопасным. Но то и дело вдруг становилось холодно, так что он ежился и надевал на себя все, какие видел, свои одежды. И больные нервы ныли, ныли и ныли. Юму было не разобраться, на самом ли деле приближается к нему Дракон, другая какая-нибудь погибель или он просто болен. А болезнь никак не отступала. Сил не было, все время хотелось спать. Иногда он засыпал среди дня ни с того, ни с сего, однажды даже в парке лег в сизую траву, свернулся клубочком и уснул. Ние перестал оставлять его одного, опять без нужды носил на руках, развлекал игрушками и терпеливыми разговорами, смотрел ласково, заставлял есть. Однажды утром почему-то не надо было к врачам, и Ние позвал его в парк. Юм немного обрадовался, потому что настоящие деревья, цветы, травы, ветер над ними, солнечные пятна – все еще занимали его, и он, когда смотрел на цветы, забывал все тяжелое. И пахнет хорошо, и птицы вверху чирикают, а в траве всякие смешные шустрые букашки. Вот бы стать букашкой. Или светлячком. А тут светлячков нету, он специально у садовника спросил... И, когда темно, гулять нельзя. Зато сейчас – утро. И так много света, и пахнет зеленым ветром и цветами. И белый песок запутанных дорожек так весело скрипит и хрустит под красными сандаликами.

У него были любимые местечки, и он сразу попросил:

– А пойдем сначала к речке, где мостик высокий, а потом в клумбу большую под тем деревом серебристым? Да?

– Да, только я «в клумбу» не пойду, – засмеялся Ние. – Сам уж забирайся. Только ты ведь опять будешь там час-полтора сидеть?

– Нельзя? – испугался Юм.

– Сиди, сколько хочешь...

Ние в последние дни все разрешал, и от этого Юм вообще потерял опору. Ние улыбается и шутит чаще, но все равно заметно, что он грустит. Почему? Может, он уже устал возиться со слабоумным ребенком? У него ведь более интересные занятия есть?

В парке Юм на какое-то время перестал перекидывать, как песок, в уме эти тяжелые рыхлые мысли, стал только глазами, забыл обо всем. Даже покидал мелкие камешки в речку, чтоб они звонко булькали в темно-зеленой прозрачной, таинственной воде. Посмотрел с мостика на рыбок. Съел молочную ириску, которую предложил Ние. Но, когда они дошли до той самой большой клумбы – он проверил все свои знакомые цветы, с удовольствием убедился, что никого не забыл, и стал разглядывать новые, на днях распутившиеся, – сразу вспомнил, что Ние, может быть, от него устал, когда услышал:

– Юмасик, ты ведь тут долго опять копошиться будешь? Что, если я тебя оставлю тут одного на часок? Не забоишься?

Юм посмотрел сквозь синие нежнейшие грозди колокольчиков на знакомые деревья вокруг, на пустые белые дорожки:

– Нет. Иди, конечно.

– Только никуда не уходи один, ладно? И не спи.

– Ладно.

Но когда большая фигура в белой рубашке скрылась за поворотом, Юму сразу стало зябко. Он даже поспешно выбрался с клумбы на скрипучий песок дорожки, чтоб побежать за ним, но растерянно остановился. Мало ли какие дела могут быть у Ние?

Постояв, он осторожно шагнул обратно в клумбу. В глаза бросился бледно-сиреневый высокий цветок, и он, забыв о Ние, присел его разглядывать. Вильгельм говорил, что очень хорошо, раз ему так нравятся цветы. Что это вовсе не помешательство и не защитная реакция. И что любое живое существо гораздо прекраснее и загадочней, чем вся свистопляска таймфага. Даже жуки и букашки, даже травинки и цветы. И что очень хорошо найти себе что-то любимое.

Юм шептался с цветами, перебирал лепестки и стебли, нюхал венчики и листики и подолгу, так что мир начинал звенеть в ушах, всматривался в чудесные переливы цвета. Отрывая глаза, вздыхал, но тут замечал еще более тонкое и невероятное соединение оттенков и полутонов. Но и по сторонам посматривал, потому что помнил, что Ние близко нет. Потом он погрузился в созерцание целого куста белых шаров с синими длинными усиками. И вдруг, словно разбуженный, поднял голову.

Ясными, болотно-зелеными глазами на него смотрел усевшийся прямо на песок знакомый мальчик-тагет, гонец Дракона, хмурый и породистый, с тонкими светлыми змейками кос. Когда он появился так бесшумно? Может быть, сейчас Юм должен испугаться? Ничего подобного. Спокойно смотрел и тагет, без особого внимания, не всматривался по-своему, словно все, что ему нужно, про Юма уже знал. Даже улыбнулся, когда встретил взгляд Юма. Юм отклонил цветок в сторону:

– Привет. Это ведь ты был на корабле.

Он кивнул и снова улыбнулся. Косы, тонкие и золотистые, змеились по плечам из-под расшитой драгоценными камешками шапочки. С виду он был просто светловолосым, несколько ленивым в движениях подростком, но Юм, вдруг озябнув, ощущал его редкую не людскую силу. Это был полновластный, и, видно, опытный тагет. Один из тех, на самом деле очень юных существ, почти детей, которым Дракон доверял невозможные для обычных людей дела, и которые этой своей юностью и властью так пугали всех. Гонец. Где-то Дракон растил этих умненьких мальчиков, вскармливал волшебным молоком, а потом посылал вмешиваться в те события, которые его интересовали. Но гонцами были только вот такие мальчишки, чем занимаются взрослые тагеты, толком не знал никто. Да и никто и ни узнавать не захотел бы, ни привлекать их внимание... Ведь и Вильгельм – тоже тагет и на самом-то деле, когда лечит Юма, исполняет какое-то невозможное, трудоемкое чудо. И он тоже очень молод. Не говоря уже о Ние... Тот ведь тоже тагет. А Ние вообще – кто? Ему веришь, если речь не про Дракона, он знает всякие тайны о жизни, к нему все вокруг обращаются так почтительно и даже кланяются... Кто же он такой?

А этот большой мальчик в нарядной шапочке, – кто? Что ему нужно? Перед тагетами трепетали все. Но это был не страх, а что – Юм затруднился бы ответить. Отчасти мистическое благоговение, отчасти уважение к нужному всем делу, отчасти вежливость... Юм вдруг удивился, осознав, что очень хорошо знает, кто такие тагеты и как к ним все относятся. Кто и когда ему рассказывал? А сам он почему-то вовсе никакого пиетета не слышал в себе, только опаску – что нужно от него гонцу Дракона? С чем его послали?

– Не дави так, – попросил тагет, зачем-то вытирая лоб. – Дубиной мышей не гоняют. Пожалуйста, легче.

– А?

– Не потроши меня. Глазки свои страшненькие отведи – дай вздохнуть.

Юм ничего не понял, но глаза отвел. Цветы стояли вокруг такие же красивые, но уже не интересные. Тагет сказал:

– Я тебе и так скажу все, что спросишь.

– Ты зачем явился?

– Поговорить с тобой, – пожал плечами тагет. – Ты на меня злишься?

– На тебя, детка? – улыбнулся Юм.

Тагет усмехнулся:

– А няньки твои думают, что ты вообще не понимаешь, что происходит.

– А я и не понимаю. Я ведь вправду теперь слабоумный. Но ума хватает понять, что, раз тебя послали на меня посмотреть, хорошего ждать нечего.

– Почему? – искренне оторопел тагет. – Ты с чего вообще взял, что тебе кто-то плохого хочет? Совсем контуженный?

– А откуда ты знаешь, что для кого хорошо или плохо?

– Да я ведь вижу!

– А я – нет... Ты говоришь, взгляд давит... Только я ничего не вижу, как раньше, вот как ты... В самом деле потому что контуженный. И вообще дурак, раз уж дал себе башку испечь, и теперь сам о себе ничего толком не помню. Только скажи, ты же знаешь, что я раньше был другой, умный?

– Я тебя и сейчас дураком не называл. И знаю, ты – «Черное Дитя», и что ты вытворял в Бездне, знаю. Ты – Астропайос, ты – таг. Ну и что?

– Если я был не дурак, то почему же я раньше столько от вас бегал?

– Не знаю, – легко пожал плечами тагет. – Ты же Черное Дитя, волшебник, Дракончик. Ты не как все. Ты, наверное, искал что-то, что тебе нужно было. Все ж по-разному взрослеют.

– Нет, я прятался.

– А смысл? Только зря один оказался, вот в беду и попал... Твои все никак не решатся тебе сказать, что тут им тебя не вылечить... Что им самим вообще тебя не вылечить... Значит, пора Домой.

– Может, меня вообще вылечить нельзя.

– Можно.

– В другом смысле. Дракон не захочет, чтоб я стал прежним.

– Почему? Он уже распорядился. Кааш вылечит. Но только он.

– Кто это?

– Брат Сташа Дракона. Он заберет тебя и вылечит.

– Не хочу я его лечения. Я тут останусь, таким, как есть.

– Ага. Мечтай. Так тебя и оставят.

– Ты видишь, как меня забирают? – помолчав, спросил Юм.

– Вижу, – серьезно кивнул тагет. – Драконы хотят тебя спасти. И винить их глупо. Так что – все, ты отбегался.

– Твой рейдер на орбите? – не отрывая глаз от цветов, спросил Юм.

– Да, я пришел в конвое «Паладина», – не удивился вопросу тагет. – Это корабль Кааша. Тебя заберут, как только врачи разрешат.

– Зачем мне врачи теперь... Пойдем, – Юм встал из цветов, и на мгновение закружилась голова от странного колючего холода. – Пойдем сейчас. Пусть все будет сразу.

Тагет вскочил и вдруг схватился за виски. Его чуть-чуть качнуло, когда одно прозрачное, давно проанализированное и понятное будущее внезапно сшиблось с другим. Устоял и с изумлением посмотрел на Юма:

– Ну и воля у тебя... Это самих Драконов взять и перевести... Мы думали, ты еще две недели покапризничаешь, а потом тебя бы сонного увезли... Ну ты даешь. Просто космос.

– Я просто пожелал так. Чтоб не мучиться. Чтоб – сразу...

– Ага, пожелал... Ты велел. Всем и всему. Потому что ты... Ох. А с виду козявка... Что они сочиняют, что ты болен и ничего не можешь? Слушай, лучше... Лучше не сейчас! Не надо тебе.

– А тебе-то какая разница?

– Вижу, насколько тебе будет хуже. Раз ты... Показал сейчас, что можешь... Теперь тебе правда к ним опасно.

– Не твое дело.

– Вот балда. А если умрешь?

– Все умрут когда-нибудь.

– Но ты еще не жил, – тагет разволновался.

Юм засмеялся:

– Я и сейчас не живу. Да плевать. Я нужнее им мертвый.

– Ты с ума сошел?

– Нет. Я просто сделаю, как он захочет.

– Кто «он»?

– Кто меня искал. Дракон. Он приближается к планете.

– А ты разве его чувствуешь?

– А ты?

– Да.

– А я – только страх.

– Тебе не надо его бояться. Ведь он тебе...

– Заткнись.

– ...Ладно. Твоя воля... Хотя куда сейчас-то нам с тобой идти? Надо тут ждать. Что, ты и с Ние попрощаться не захочешь?

Юм зачем-то оглянулся на цветы:

– Ние сделает, как Дракон скажет.

Тагет взял было Юма горячими пальцами за руку, но Юм ее выдернул. Тогда он просто погладил Юма повыше локтя:

– Ние хочет, чтоб ты вернулся домой.

– Нет у меня никакого дома!

– Сколько можно дурить, – удивился тагет. – Ты же – смысл жизни десятков поколений твоих предков... – Он вдруг повернул голову в сторону правой дорожки. – Ние идет.

Юм поднял голову. Тагет торопливо сказал:

– Он еще не знает.

– Вечером заберут, не раньше. Успею... Прощаться, – хриловато сказал Юм. – Уходи сейчас.

Ние вышел из-за поворота, но даже не прибавил шагу, когда увидел рядом с Юмом этого отвратительного зеленоглазого шпиона. Он знал, что тот придет, он даже нарочно оставил тут Юма одного! Тагет еще раз погладил дернувшегoся Юма и пошел Ние навстречу, остано-

вился, поклонившись, на вопрос кивнул, сказал еще что-то, а Ние чуть-чуть ему улыбнулся. Юм вздохнул и тоже побрел к Ние. Да понятно, что он и сам из Драконов, он всегда это знал, это жуткое созвездие в крови у него – все эти умения чудовищные, вообще все... Сейчас он калека, но все равно представляет собой редкую ценность. Сын. Конечно, Дракон заберет его себе. И что сделает за то, что он бегал от него по всей Бездне? Может, лучше сразу лечь вот в траву и умереть? Знает он, знает, кто ему тот ужасный, что приближается к орбите, черный страшный где-то там, за голубой скорлупой неба, – лучше б никогда, никогда его не знать... Не быть ему никем... Вообще не быть... А Ние... Ние – брат? Тогда он тоже Дракону – сын? Сын – это ужасно, это – преступно... Но ведь Ние – такой хороший? Почему Ние – хороший сын а он сам – ужасный, ненавистный?

Все потемнело вокруг, воздух стал душным, и Юм растерянно посмотрел на небо – но никакой грозы с тяжелыми страшными облаками, напугавшими его неделю назад, не приближалось. В бездонном небе ни облачка – теплые знакомые руки подхватили, и мир качнулся, чуть осев вниз. Глядя свысока на цветы, сливавшиеся в один пестрый диск, и на посверкивающий песок, Юм привычно обвил руками мощную шею Ние, прислонился лбом к его щеке. Все равно, что бы ни случилось, Ние и Вильгельм были его спасителями... Няньками, донорами, защитниками. Ние хочет ему только хорошего... Он – брат... Нельзя даже, чтоб Ние хоть краем ощутил тот ужас, что душит Юма. Не надо ему говорить, что будет вечером. Ние добрый... Но... Он тоже верит, что лучше бы Юма не было, что лучше бы ему не родиться вообще... Там, у шлюза... И для Дракона тоже лучше – чтоб его, Юма, никогда не было...

Вечер наступил внезапно. Юм и понять не мог, на что ушел день – его как не было. Вроде бы ему было плохо и его лечили... Когда он очнулся, Ние – уже знал про вечер. И спрашивал, какие игрушки Юм возьмет с собой. Игрушки? Никакие. Но от слова «игрушки» стало легче, больше сил, и он даже положил в карман маленький прыгучий мячик, и, когда пришло время, сам позвал Ние в парк. Густая синяя тьма лилась на благоухающие цветы парка, и ото всех этих щедрых запахов у Юма кружилась голова. Поэтому он крепче держался за руку Ние и спокойно, хрустя красными сандаликами по песку, шел в шелестящей, с редкими апельсиновыми фонарями, темноте парка.

Ни о чем он не думал. Ничтожным краешком сознания было жаль, что цветников не видно, и нигде больше он таких цветов не увидит... Но в черной траве тут нет светлячков.

Совсем уж страшно пока не было, только душно и скучно. Упасть, заплакать, заорать изо всех сил? А зачем? Он радовался, что мертвящим страхом пока не окатывает, что пока сами идут, а не подкашиваются ноги, что ум не нашаривает лихорадочно способы удрать. То есть он знал, конечно, что скоро должен будет отпустить эту теплую ладонь Ние, и пойти дальше сам, пойти в такую темноту, что даже больше уж и не страшно, будто ее и нет. Только тревожило, что ничего-то он не может сказать Ние, и все шарил вокруг себя беспомощным сознанием – что сделать, чтоб Ние его запомнил? Ние – в темноте не видно лица – наклонился и поцеловал в макушку и сказал печально:

– Да мы увидимся с тобой скоро, малыш, вот только ты выздоровеешь.

– Ты веришь в то, что говоришь. Только у нас с тобой разная правда, – внутри стало тепло, но тут он вдруг совсем ослабел, и ноги наполнились дребезжащей слабостью: – Возьми меня на руки...

Гул садыщегося на стоянку, мигающего оранжевыми огоньками когга возник внезапно, и вот уже он, задевая черные зашумевшие ветки, приземлился ужасающе рядом. Огоньки погасли, и на черную сияющую его крышу лег скользкий отблеск вздрагивающего фонаря. Ние сказал:

– Не бойся. Ты же – Юмис...

Люк когда поднялся, и на дорожку ступили два очень высоких человека. У одного, не страшного, серебрилась на плечах светлая куртка, а другой весь был, как сгусток мрака.

Юм осторожно-осторожно повернул лицо к Ние и сквозь бухающее в ушах, задышающееся сердце сказал:

– Прощай.

Ние прижал Юма к себе. Черный страшный оказался рядом, забрал его твердыми руками. Пахло от него чем-то горьковатым, свежим, но больше всего напугало Юма и даже изумило то, что руки эти твердые у него оказались теплыми и живыми. Человеческими. – Юмис... Мой, – тихо, и вовсе не Юму, а самому себе сказал он, будто клеймо поставил на Юма, и от речи Чара Юму стало так жутко, что он изо всех сил зажмурился и сжался. Ему казалось, что руки эти вот-вот брезгливо отшвырнут его.

– Твой, твой, – сказал другой. – Сам-то теперь видишь? Смотри, он чуть дышит. Давай мне.

Юма приняли другие, но точно такие же руки, опять неудобно прижали к груди. Но тело само собой вдруг расслабилось, и стало тепло. Быстрые чуткие пальцы обежали лицо, легли на грудь, и тут же стало легко дышать:

– Да, то еще сокровище... Успеть бы. Давай скорее на борт, он в плохом состоянии...

Юм распахнул глаза, потянулся из чужих этих рук, чтоб еще раз увидеть Ние – и увидел: большого, но пониже страшного черного, растерянного и, оказывается, очень юного. Он почувствовал взгляд Юма, глянул, слабо улыбнулся и беспомощно, нелепо прощально помахал рукой. Страшный черный начал оборачиваться, и Юм опять захлопнул глаза, и даже судорожно спрятал лицо в тяжелые холодные ладошки. Только не увидеть его глаза! Он чувствовал надежные нестрашные руки, но одновременно медленно погружался в отвратительную черную душную трясиину без дна. Тонул там, но, прежде чем густая тьма сомкнулась, успел еще услышать:

– Опять... Жить не хочет. Подрок ведь уже, а все равно...

Потом вдруг что-то выдернуло его на яркий свет. Он лежал голый на холодном и твердом, и внутри у него все было холодным и твердым, будто он уже умер и окоченел. Вокруг двигались две огромных одинаковых фигуры, страшная и нестрашная. Страшный ходил дальше по кругу черной громадой, и тяжелыми волнами накатывало и снова топило Юма в душевной черной тьме какое-то исходящее от него непереносимое чувство. Нестрашный же словно немного отгораживал Юма от страшного, но не специально, а просто так получалось. Он был обеспокоен, но равнодушен, немного брезглив, но что-то умело делал, исследовал, тыкал в Юма иголками, пальцами и какими-то невидимыми лучами, густой его голос плыл высоко вверх:

– ...а то что это – заморыш. И сердце уж очень...

– Уродец.

– Сердечко слабое у него еще и до Бездны было... А мелкий он с самого начала. С чего ему быть крупным и здоровым. И не говори гадостей над ребенком.

– Это – «ребенок»? Это – чудовище. Тварь поганая и опасная. А теперь еще и калека...

– За это можешь быть благодарен только себе.

– Я не имею права рисковать. Давай, приводи его в сознание быстрее, надо понять, насколько он опасен. Надо поговорить.

– Говори, – сипло сказал Юм.

Часть первая. Венок

0,1. День яблок

Тень золота легла на тихую реку. Юм остановился на мосту, засмотревшись. А еще бабочки. Налетели. Так много. Он снял одну со щеки, но другая запуталась в волосах. На кончиках пальцев осталась скользкая пыльца, а бабочки – белые, желтые, золотые от солнца – кружились вокруг огромным облаком. Всегда, говорят, эти стайки осенью. Кружат, толкутся на пригреве, трепещут крылышками, бьются в стекла, тонут в лужах – два, три дня – и нет их. А еще говорят, если вдруг окажешься в стайке – жди чуда. Юм улыбнулся и снова посмотрел на медленную воду внизу. Вдали сияющая и золотая, под мостом она становилась бездонной и черной. И плыли бабочки, как листья осенью, трепетали крылышками, умирали. Снизу, медленно, как воспоминания, поднимались серебряные рыбины, и в неслышном плеске светленькие крылышки исчезали. Рыба исчезала во тьме, но тут же всплывала другая. Кажется, в этом было колдовство. Юм лег щекой на гладкие гранитные перила, всматриваясь вниз. Может, и в его памяти что-то зашевелится, всплывет? Вдруг блеснуло что-то, остро впилося в рыбину и, тяжело бьющуюся в сверкающих брызгах, вырвало ее из ленивой воды. Юм поднял голову и заморгал.

Это рыбак бил рыб острогой с плоской черной лодки. Рыба, какая-то маленькая, дрожала, билась и все еще роняла в реку крупные прозрачные капли. Рыбак равнодушно взглянул на Юма, стряхнул рыбу под ноги и снова нацелил острогу на медленные тени под белыми и золотыми крылышками. Юм сам не знал, что тянет его дальше смотреть на это, но тут вдруг воздух глухо дрогнул и поплыл глубоким колоколом.

Юм ахнул, вцепился в руль велосипеда и изо всех сил завертел педали. Вот уши оборвут и будут правы. Мост кончился, и велосипед затрясло на неровных плитах. Юм привстал, разгоняясь перед горкой – золото с неба горело вокруг. Колокол бабахнул снова, заложив уши гулом, и Юм впервые влетел в горку не запыхавшись – зато вдоль спины стегнуло болью. Знакомой. Ужасной. Но которую всегда можно перетерпеть. Значит, ее как будто нет. Потом, вечером, надо будет полежать на ровном, и все пройдет. Но все-таки очень... очень больно... Нельзя останавливаться.

В узких отстающих улицах празднично пахло сладкими яблочными пирогами. Немножко приторно. Пирога он не хотел, а вот бы яблочка... Яблоня за забором. Яблоки на ней красные... А вон другая, с желтенькими... Дадут, наверно, если попросить. Только просить нельзя, стыдно. И в гости ни к кому нельзя. А интересно бы попасть хоть в один такой дворик, посмотреть, как люди у себя дома живут... Нет, страшно. Хотя тут хорошие люди, добрые. Он очень любил уже весь этот городок возле самого главного, как сказали, Храма Океана. И назывался городок красиво, как в сказке: «Корабельное Поле»... И хорошо, что тут все близко... И отовсюду близко к Храму. И к морю. Жмурясь и закусив губу, вертел педали, проносясь по синим теням улочек и золотым перекресткам. Хорошо, что народу нет... Все уже в Храме... С яблоками. От ворот бегом не успеть, и Юм свернул влево, к парку, полетел сквозь золотые полосы на дорожке – песок летел из-под легких ребристых колес.

Мимо фонтанов к Храму. Колокол опять ударил, и Юма вынесло на цветной песок подъездной храмовой площади. Теперь наискосок... Над головой, чуть слышно бормоча двигателями, прошел жутко близкий, огромный темный диск гравитоплана. От боли в спине все в нем немело, и Юм, сражаясь с ней, завертел педали еще сильнее. Самым коротким путем – «половинное спрямление», – пропел кто-то внутри детским голоском – он пролетел сквозь храмовые дворы и выкатился на плотину.

Золотая вода и тут дрожала крылышками бабочек. Юм уже задыхался, тонул в густом золотом воздухе и в боли, как бабочка в теплой воде, хватал, как рыба, воздух, опять поплывший гулом колоколов. Обогнав опаздывающих, пригибаясь к рулю, влетел наконец в малые ворота высокой стены Храма. По дорожке впереди много людей – он свернул на сухую низкую траву, и сразу велосипед вильнул, потяжелел. Как больно в спине – наверно, от такой боли уже надо плакать? Нет, нельзя. И нельзя, чтоб заметили. Наискосок через этот газон, – а люди смотрят, стыдно – и за Храм. Непонятная толпа шла навстречу к ступеням главного входа; похолодев, Юм выхватил глазами седую, блеснувшую обручем голову Предстоятеля, еще – смутно знакомого старика в пугающе черном. Заметят? Чей-то пронзительный взгляд ударил в него, как острога в рыбу – черный старик! А глаза-то... Не веря себе, Юм притормозил – правда? Правда – Дед? Вот это да... Педали даже легче завертелись. Обогнув толпу и радуясь, что успеваает, Юм подкатил к малому входу, соскочил с седла прямо на четвертую ступеньку и побежал вверх. Велосипед жалобно забренчал на ступенях, но он крепкий. Как Юм не падал с него, на нем-то ни царапинки, не то что на самом Юме... Пару раз Юм запнулся, потому что не только пылающий хребет, но и тяжелые ноги болели и подкашивались после педалей. Влетел. Увернулся от высокого служки с серебряным котелком, из которого валил горький пар, пробежал по коридору и, опять запнувшись, кубарем влетел в ризницу.

– Щенок! Зараза! – прошипел регент, подхватывая его за шиворот. – Где тебя носило?

Юм молча поднял руки, чтоб большим легче было содрать пыльное школьное платье. Всегда лучше молчать... Наконец впихнули в новое нарядное, тяжелое платье, мгновенно, обтерли лицо мокрым полотенцем, задержали расческой спутанные волосы. Коса короткая – заплели быстро.

– Отвратительно, безответственно, глупо! – ругал его регент. – Ты что, решил всех подвести?

Обычно на Юма никто голос не повышал – он был послушным. Но регент, измученный последними репетициями праздничных хоралов, давно уже был не в духе. Больно сжав Юму ладонь, бегом потащил его в главный зал. С перепугу Юм даже ни разу не запнулся. И так очень виноват.

Там плавал над головами синий дым, смешиваясь с непривычным здесь, густым яблочным ароматом, а под свечами блестели яблоки в руках и корзинках. Напутствуемый неразборчивым шипением, Юм пробежал за спинами басов и примерно в середине шеренги пригнулся – спину опять прожгло – и вежливо пробрался сквозь три ряда – и слои густых человеческих запахов и тепла – на свое место в первом. Страшно как, даже знобит. Платье новое не греет. Оно такое красивое потому, что место в середине, заметное и заветное. И еще он потом будет отдельно петь. Ох, страшно. Хор в главном Храме Океана был огромным, почти двести человек. Конопатый сосед пихнул в бок острым локтем, Юм хотел ответить, но встретился с острым взглядом регента. Впрочем, конопатый дернулся, получив щелчок по затылку от внимательных старших сзади.

Постепенно Юм успокаивался. Он успел к началу. А яблок-то – ой, сколько! Кругом огоньки и яблоки. Осеннее равноденствие Океана. Или День Яблок. Первый большой праздник, в котором Юм будет петь со всеми!

Он оглядел Храм, и вспомнил – Дед? Дед! Дед, только в противно черной одежде, рядом с Предстоятелем, ласково улыбнулся Юму. Ох и не любил же Юм этот черный цвет... Он ведь такой страшный. А все говорят, что торжественный... За плечом у Деда стоял высокий юноша, строгий, очень красивый, и тоже очень внимательно смотрел на Юма ярко-синими глазами. Золотые волосы его, казалось, светились... Где-то Юм уже этого молодого человека видел... но это было тягостное безнадежное дело – вспоминать, и Юм побыстрее утихомирил умственный зуд. Мало ли кого он узнает, но не помнит. Он вообще мало что помнит. Зимой он

и говорить-то не мог. На снег смотрел или на небо – и не помнил, как они называются. Врачи за руку водили. А про себя он до сих пор помнит только, что зовут его Юм, Юмис.

А все остальное... Немножко помнит большого доброго врача, который всегда спасал и носил на руках, но сейчас даже имени его он не мог вспомнить. Он и Деда не помнил, – показали и сказали: «Дед». Юм поверил, потому что высокий старик с темным лицом его любил. И тот врач добрый его любил. Это он чувствовал хорошо. И сам Юм всегда их ждал. И еще жутко трудно был перетерпеть несколько часов после отъезда Деда и не реветь. Большие мальчики не плачут. А еще и у Деда, и у врача были одинаковые синие глаза. У самого Юма такие же синие. Ну и что. Жизнь-то разная. Врач вообще исчез, а Дед появлялся редко, и всегда неожиданно. И все Деду кланялись. Это Дед привез сюда, в маленькую школу, когда врач сказал, что в больничной палате Юм точно ничего не вспомнит, а только психика совсем испортится... И они поехали, и мир был – будто впервые. Непонятно все... Только океан понятный, но тоже как будто совсем другой – не такой, как иногда снится... В школе Деду опять кланялись, и Юма приняли без всяких экзаменов, потому что дурачок, и поначалу берегли, как стеклянную куклу, учили читать и писать... Он скоро вспомнил, как, сам стал читать учебники и детские книжки. Говорить только не хотелось. Кое-как все же учился. С ребятами играл – никто не обижал, и в игры стали принимать, едва окреп и перестал шарахаться от жуков и бабочек. А вообще детей в этой школе было мало, потому что в центре городка была еще одна, огромная, с большим стадионом и красивыми серебристыми классами – в середине лета, вот недавно, их возили туда сдавать экзамены общего уровня. Юм сдал. Даже Дед удивился, не то что учителя... Та большая школа, конечно, была красивой, но страшноватой – уж больно большая, а в Храме была еще одна, интересная, для обычных с виду мальчиков, которые умели делать разные необычные вещи и воспитывались в Храме – вот они, рядом, в хоре... Но Юм – не один из них. Так просто, петь взяли, потому что голос хороший... А вообще кто он такой, зачем живет на свете, почему один – не говорят... Ну и что. Петь зато учат.

Все равно больше нравилась его маленькая школа совсем близко от Храма, только мост перейти. Потому что в ней учились еще всего-то человек двадцать пять разного возраста ребят, у которых, как и у него, родителей почему-нибудь не было. Ему нравилась тишина школы и небольшой дом, где они жили и где у каждого была своя маленькая комната. Ребята все были хорошие, спокойные, не ссорились и не приставали с ерундой. Учиться было легко, учителя внимательные, а потому помогали, если что-нибудь не получалось, и не заставляли, например, бегать или петь, если Юм упирался. Дед появлялся иногда, привозил подарки и Юму, и всем. Книги, игрушки. Большой белый когг школе подарил, чтоб летать на экскурсии – уже раз пять летали: два раза в Океанариумы, два – в музеи столиц континентов, раз – просто на тропический остров с какими-то сумасшедше огромными и разноцветными бабочками... Это все счастье снилось Юму ночами, и он ждал следующую экскурсию так, что дыхание останавливалось, когда вспоминал, что уже скоро... Этот черный – но все равно любимый – велосипед тоже Дед подарил. Всем разноцветные велосипеды, синие, зеленые, красные, девчонкам, кто захотел – бирюзовые и розовые – а ему почему-то черный. И еще сказал, что черный – самый красивый... Ну да наверно. В черном лаке все отражается, как в зеркале, так что он никогда не черный, а расписной, сказочный... Меньше немного, чем у остальных ребят, точно Юму по росту. И на ходу велосипедик был полегче. Около руля на раме девять звездочек созвездия – на других велосипедах таких звездочек не было, он специально посмотрел. Зачем эти звездочки?

Так что жить было хорошо в этой школе. Только немножко одиноко: всегда он смотрел на всех словно бы со стороны. И не подружиться – они друг с другом задолго до него подружались, и он не хотел ни мешать, ни навязываться. Играть ведь зовут, хоть он и разговаривать не любит. Зато он много читал и учил.

А самое главное – музыка.

Когда он впервые услышал музыку, то все в нем замерло и потом возликовало. Только ее оказалось так много, этой музыки. Бывают симфонии – он одну, первую из тех, что взял в медиатеке школы, слушал каждый вечер до сих пор. А бывают просто песни – праздничные или про жизнь. Он изумился на первом уроке музыки в школе – что, детям тоже можно петь? Он ходил на эти уроки и молчал, когда все пели – учительница никогда не заставляла его петь. Он только разобрался в нотной грамоте и лучше всех определял, какая нота в каком аккорде и какой композитор что написал. Ну и, конечно, морщился, когда другие фальшивили. Учительница его хвалила и говорила про какой-то абсолютный слух. Еще они там слушали разную музыку, и он стал лучше разбираться в ее родах – с большим толком выбирал, что взять послушать. Больше всего нравилась длинные симфонии. Много эмоций и много смысла. И так красиво, будто волшебная математика. Бесконечно можно слушать. Только на уроках нельзя. Ну, он слушал все остальное время.

А под новый год все разучивали песенки для концерта. Хорошие. Он решился и вместе со всеми стал тихонько петь – учительница потом, на перемене, попросила спеть отдельно. Он спел тихонько, потом погромче. Стало весело. Учительница велела прийти после уроков, Юм охотно пришел и спел ей вообще все песенки, которые при нем разучивали ребята. Учительница его похвалила, а на следующий урок привела регента из Храма. Юм пел среди других ребят, потом после урока – один, и у регента стало светлое, обрадованное-обрадованное лицо. Он спел что-то короткое, с не очень понятными словами про жизнь как радость, и велел повторить. Юм проговорил на память слова, попросил послушать еще раз. Помолчал, пока в нем что-то происходило. Ведь слова были не простыми, а важными и радостными. Они управляли энергиями мира. Предупредил:

- Я сейчас это другим голосом спою.
- Каким? – удивились большие.
- Настоящим. Это надо петь по-настоящему. Это не игрушки, а...
- Что же?
- Не знаю. Это... как камертон? Нет. Это... Такая гармония... Задает порядок в жизни.

Через музыку ведь тоже можно задать порядок.

И спел. Не так, как пел красивые детские песенки, а всерьез. Очень точно по нотам и тем самым глубоким и чистейшим голосом, который все мог. Таким голосом говорить нельзя. Таким голосом нельзя петь детские песенки. Таким можно только велеть самое-самое важное, когда управляешь энергиями мира и людей. Когда все и всех приводишь к гармонии. Учительница и регент долго молчали. Потом регент сказал:

– Это стопроцентно наш ребенок. Откуда он знает наши секреты? Что он делает в обычном интернете?

- Подожди за дверью, малыш, – сказала учительница.

Пока ждал в коридоре у окна и смотрел в безоблачное синее небо, то сообразил, что этим настоящим голосом глубоким и, кажется, хорошим, может сделать так, что жизни будут радоваться все, кто его услышит. Гармонизировать энергии мира – это хорошо. Взяли бы в храм – петь. Он будет занят делом, и никто не будет больше интересоваться, почему у него никого нет, да почему у него такой Дед, да почему он ничего о себе не помнит и старается держаться в стороне от ребят...

Регент вышел. Посмотрел на Юма сверху, потом вдруг присел, взял за руки и очень серьезно спросил:

- Юм. Юмис. В гости поедешь сейчас?

Он еще ни к кому никогда не ходил в гости. А тут вдруг!! Это все музыка. И гармонии мира, которые были в том отрывочке. Вот бы повезло – на самом деле, по правде, реально! – иметь хоть какое-то отношение к особенной музыке, что поют в храмах.

В Храме было красиво и хорошо, Юму там всегда нравилось, но в этот раз в самое красивое главное здание не повели. Тем интереснее. Регент через красивые дворы с фонтанами и пустые коридоры непонятных зданий быстро привел в громадный кабинет, к хмурому серьезному старику, у которого брови взлетели, едва Юм вошел и поздоровался. Юм тогда еще не знал, что старик этот – Предстоятель Храма, и пожилых людей всех любил, потому что они напоминали ему Деда. Потому, не стесняясь, он снова попел, и школьные песенки, легким голосом, и отрывочек про радость – всерьез, настоящим голосом, полыхавшим белым невидимым огнем. А потом ему включили послушать отрывок храмового хора, который пел жутковато голосистый мальчик, и попросили запомнить и повторить. Юм еще два разочка послушал и спел. Всерьез. Взрослые долго молчали. Потом словно бы очнулись, похвалили его, стали расспрашивать, и Юм без утайки рассказал, что думает о храмовой музыке. Ну, и о музыке вообще. Они как будто слегка встревожились – все переглядывались. Похвалили еще, попросили зря ничего не петь, подарили книжку с картинками о величайших Храмах государства и выпроводили обратно в школу – отвел его не регент, а большой хмурый юноша в черной одежде – Юм побоялся даже заговорить с ним. Картинки в книжке заняли его до полуночи. Архитектура – это ведь тоже гармония. Он чуял секреты: математика архитектуры и музыки должны как-то сопрягаться и давать сложный заданный эффект. Как это происходит? От кого узнать? Да еще эти загадочные, сложно расчерченные Круги на полу в центре каждого зала... Он еще долго уснуть не мог. Петь вот в этих вот самых красивых зданиях в мире? Как тот жуткий мальчик?

А назавтра вдруг неожиданно приехал Дед, и оказалось, что он про Храм и голос уже знает. Они пошли гулять вместо уроков, и Дед тоже попросил спеть. Юм обрадовался, и спел и все детские игрушечные песенки обычным точным голосом, и – тропарь и вчерашний кусок хора тем настоящим голосом, в котором словно бы полыхал невидимый ослепительный свет. И когда пел – от счастья и этого белого света нечаянно оторвался от земли. Невысоко. На чуть-чуть. Вслед за точной нотой. И почти сразу снова ощутил под подошвами камешки и траву. У Деда тоже стало светлое лицо. Он взял Юма за плечи и попросил:

– Ты пой. Но вот этим голосом, который ты называешь «настоящим» – не надо... Такой голос нельзя пускать в ход по пустякам. Опасно. Ты ведь еще слишком мало знаешь о том, как все устроено.

– Я знаю. Я этим голосом молчу... А то им можно все-все исполнить. Все велеть. А когда можно будет?

– Только в самом крайнем случае. Вот только если иначе погибель тебе и другим. Понимаешь?

– Я тоже так чувствую, – успокоил его Юм. – И потом, учиться петь надо на обыкновенном голосе. Дед, петь – это очень трудно, дыхания мало. Все время надо рассчитывать воздух... Еще учиться и учиться!! А этот голос я буду хранить в тайне. Но... когда-нибудь потом... Ведь можно будет им спеть? Что-нибудь самое важное, самое нужное?

– Даже не сомневайся. Но подрасти сперва. Научись.

– А до того, как я все забыл, я умел петь?

– Нет. Тебе это в голову не приходило... Не до того. Сейчас ты хоть стал на человека похож. А вообще сам-то ты хочешь ли петь в Храме? Ведь это каторга.

Юм сказал, что еще ничего так не хотел. Дед только кивнул в ответ, и с тех пор ежедневно всю вторую половину дня Юм занимался с храмовым хором или один с регентом. Его спросили, хочет ли он просто петь, пока голос есть, или хотел бы чего-нибудь еще – Юм выбрал второе, и в итоге ему предложили такую сложную программу классического музыкального образования, что он сразу стал себя уважать. К тому же слабоумного дурачка петь в Храме не возьмут. Но жить Юм должен был пока остаться в своей школе, и учиться пока только петь, а не другим

храмовым наукам – так велел Дед. Юм и сам не хотел уходить из тихой школы под большими деревьями, только потом все думал – а что значит «пока»?

А самым лучшим было то, что там в Храме, как он и догадывался, никто его ни о чем не расспрашивал. И что туда можно было приходиться не только для занятий, но и всегда, когда захочешь. И даже когда занятий не было, Юма никто ниоткуда не прогонял, и он бродил по дворам, сидел у фонтанов и в цветниках, ходил по всем зданиям: по коридорам, залам, библиотекам, хранилищам и даже в крипту спускался. Часто просто сидел в уголке в главном зале и смотрел в это дымчатое темноватое пространство – сам бы даже не мог сказать, о чем думая. Ему было тут так хорошо, что он боялся задумываться – а почему хорошо-то? Еще его очень занимал начерченный на полу в главном зале непонятный круг со сложной разметкой и какими-то символами. Но он был такой большой, что его трудно было целиком разглядеть. И однажды, когда он ходил по кругу и приседал разглядывать символы, трогал их – проходящий мимо регент вдруг резко свернул к нему и за руку быстренько увел в сторонку:

– Нельзя этого делать, Юми! Давай-ка, уйди с Круга, нельзя, чары – не твое детское дело... Никогда не ходи по Кругу, понимаешь?

А почему?

А что такое – Круг? Зачем?

Спросить он, конечно, не рискнул, решил дожидаться Деда и спросить у него. И так тут много хорошего и интересного. Когда в школе каникулы наступили, он вообще в Храм уезжал с утра, пел, занимался с регентом или читал в библиотеке, катался на велосипеде вокруг Храма и в парках, играл, если звали, с храмовыми мальчишками помладше в храмовых дворах и даже обедал с ними – так велел регент. Ему только неловко было, что он одет в другую, школьную одежду и волосы короткие, а мальчишки все в красивой, но очень уж черной одежде и с храмовыми косичками – но ведь он-то не храмовый... А чей же? Дедов? А если бы, как эти мальчишки, уже и в Храме учиться, а не в маленькой школе? Это будет страшно или нет? Проситься, даже у Деда, он не решился, только стал еще строже петь. В библиотеку Храма его пускали, только он еще боялся тамошних старых книг с непонятными названиями. Орден – это что-то очень серьезное. Даже страшное. Тут очень многое связано с биологией, с генетикой, с медициной. С техниками развития. С легендами, с громадным глубоким прошлым. Но он приходил и молча смотрел на эти мрачные книги, не трогал – и послушно прочитывал все книжки про музыку для детей, которые, за руку уводя от страшных книг, давал ему старичок-библиотекарь. Еще рылся, в каких позволено, нотах. Только там было много непонятного, связанного с чарами, с историей, а спрашивать он боялся... Никак не привыкнуть.

Сначала ему было все равно, что петь, лишь бы правильно, как нужно большим, но потом он стал задумываться над смыслом всех этих хоралов, что с утра до вечера звучали в нем единой прекрасной симфонией, и где были беспощадно сложные партии дискантов и альтов. Смысл его озадачил, но, в общем, понравился, и он много стал заниматься сам мелодикой, интонированием и нотной грамотой, пел на репетициях еще точнее – в нем жил какой-то трудно объяснимый идеальный образец, которому нужно было следовать – образец, который заключался не в словах, нотах, дыхании, – а в чем-то поверх всего этого, в чем-то, что через смысл и управляло энергиями мира. Только при условии достижения этого образца стоило петь. Иногда – легкие маленькие и дыхания не хватает – это было очень, очень трудно, но он старался. Сердце щемило и спина болела. Лоб мокрый, и по хребту ручьем. Легче было, если какой-либо тропарь давали учить не с нот, а с тех старинных записей голоса того же голосистого мальчика, одна из которых поразила его в первый приход в Храм. Старинный мальчик уж точно знал, как петь и какой смысл в каждом звуке. Где бы только узнать про этот смысл? Он ни с кем не пытался говорить об этом, он ведь тут еще не как все, а понарошку. Он тут не свой. Не для него – эти секреты. Но чаще стал приходиться в библиотеку и смотреть на старые книги, которые нельзя трогать – может, тайный код этого смысла где-то тут, на стеллажах?

Петь он стал очень, очень хорошо. Никому не навязывался, но храмовые мальчишки охотней стали звать его играть, не дразнили больше мышонком, а все взрослые, даже садовник, почему-то ласково улыбались, когда он пробежал мимо. Он стал бояться здороваться, так они были приветливы и столько хороших слов говорили. Потом как-то, когда снаружи вдруг разразился проливной дождь, после вечерней репетиции не отпустили домой в школу, а оставили на ужин и сказали, что по крайней мере до конца каникул он может жить тут. Он не разволновался, но почему-то не смог ни есть, ни спать потом, когда отвели в дом, где мальчишки жили, и оставили в чистой крохотной спальне. Он так всю ночь и просидел на застланной всем новым кровати – спина заболела – слушал дождь – это что же, его приняли? Или это только из-за дождя? И, как обычно, стало страшно: и того, что не примут, и того, что примут...

Но утром ничего не велели, не нарядили в черную храмовую одежду, и он слегка успокоился. На завтрак молоко и такая же точно, как в интернате по вторникам, творожная запеканка с вареньем. Занятия тоже были обычными: хор да нотная грамота. Только все сделались очень заботливы, ласковы, как будто свои стали. Он растерялся. Почему его здесь полюбили? Значит, у него и правда голос хороший, нужный другим? А сам он – тоже хороший и нужный? Свой или нет?

Обычно мальчиков на первом году обучения не брали в хор во время настоящей храмовой службы, но Предстоятель позвал Юма, поговорил об ответственности, похвалил за усердие – и Юма поставили в младшую шеренгу в самой середине хора. Голос тут же стал для него самым главным в жизни, и еще – смотреть и вникать, как сплетают чары во время служб.

Наконец Дед снова навестил и во время прогулки вдоль моря выслушал все выученные хоралы. Долго молчал. Юм подумал и решился заговорить о чарах, о Круге и о том, что во всем этом есть поверх нот и даже чар. А то у чужих страшно спрашивать. Дед немного нахмурился, сел на камень, посадил на колено, прижал к себе и стал так тщательно и медленно расспрашивать, задавая не очень понятные, иногда совсем нелогичные вопросы, что Юм даже слегка испугался. Но Дед был серьезен, настойчив, и скоро Юм рассказал ему все, что видел, чувствовал и понимал в Храме. Даже про то рассказал, как регент испугался и за руку утащил его с Круга. Дед ничего не объяснил – поцеловал его в лоб и они пошли обратно. И еще Дед, как в прошлый раз обещал, на своем восхитительно красивом мощном люггере долго катал над синим океаном, даже дал порулить, а потом еще посадил люггер на далеком-далеком длинном белом пляже и разрешил плавать сколько хочется. А вечером, возвращая в школу, пообещал, что приедет на День Яблок и послушает его в Храме. Да, и, родной, в праздник в Храме можно петь Настоящим голосом. Правда. Пой.

Вот и приехал. Как обещал. Сегодня Юм должен постараться. И в хоре, и один. Правда, один он будет петь совсем немножко, всего три главных стиха из громадного псалма. Его уговаривали, чтоб больше, но Юм струсил, что сил не хватит. К тому же конопатый, из храмовых, кстати, утром еще нащептал, будто подслушал, что если Юм хорошо споет, его, может быть, сразу в самом деле примут в Орден, станут учить всерьез и сделают Голосом Храма. Потому что у него очень сильный и редкий голос, и что будто бы только таким голосом можно петь какие-то особенные старинные службы Круга, в которых альт ведет главную партию. Юм и сам слышал об этих редких службах – когда Император Сташ был еще ребенком, он своим чародейным голосом пел в Храмах. И даже целые последние Мистерии спел, в детстве. Значит, для него это было – детское дело? А Юму даже по Кругу ходить нельзя... Но все это ведь уже давно-давно было. И никаких Мистерий больше не будет. Почему, интересно? Почему вообще такую сложную штуку, как Мистерии, доверили мальчишке, будь он хоть десять раз император? Но не у кого было спросить. Не забыть – спросить у Деда.

Юм чар вообще-то боялся, и, хотя и видел их всегда, трогать не решался. Даже когда храмовые мальчишки возились с энергетикой в своих полузапрещенных играх, Юм пятился.

Так вникал, издалека. Но про Круг он понял главное – что он нужен не сколько для обычных ежедневных, со слабеньким наполнением, ритуалов, поддерживающих кем-то заданный поток событий и порядок, а для какого-то особенного страшного и опасного венка чар и энергий, который на нем можно сплести... Зачем? Если об этом думать, то начинало ломить виски. Как всегда, когда он хотел что-то вспомнить и не мог... Страшно. Да и без того, когда шла настоящая служба, волосы на затылке дыбом вставали, даже от слабеньких энергий... Нет уж, пусть служат те, кого с младенчества этому учат. Все эти сигмы. А он петь будет. Хорошо петь. Ведь некоторые песни, которые здесь надо петь, стали как-то очень важны, потому что они сохраняют в мире порядок. Управляют энергией людей, а через них – событиями. Чтоб ничего плохого не случилось.

С хором Юм пел, радуясь, поглядывая на праздничные яблоки в руках у всех людей, на Деда, на рыжего юношу с ним и чувствуя, что трусость постепенно уходит. И спина уже не болела. Когда надо, он пел, когда надо, молчал. Яблоки. Лето и солнце. Жизнь везде. Жизнь – это радость, да. Слушал и верил, что все будет хорошо и что память вернется. А Дед едва заметно улыбнулся ему, когда он по знаку регента вышел чуть вперед, и Юм даже чар вдруг перестал бояться. Не то что добрых людей с яблоками. Ох, праздник...

Слушая гремющий хор, он смотрел на яблоки, а потом, в тишине, потихоньку поднимая голос, запел праздничный гимн. По-настоящему. Взгляд Деда стал очень странным, а юноша рядом напрягся и поднял глаза куда-то над Юмом. А Юм пел по-настоящему, своим прирожденным, всевластным настоящим голосом, ликуя всем существом, потому что жить хорошо. Даже ему – без памяти и с одним только Дедом на свете. Даже с этой бездонной тоской внутри... И пусть так и будет – хорошо.

И вдруг он почувствовал главное – не надо просто наизусть повторять эти старые слова, надо в самом деле – велеть! Велеть миру всем сердцем! И он ведь имеет право велеть! Он может – велеть этому миру, чтоб он был хорошим! Был лучше!

Очнувшаяся суть рванулось изнутри внезапным ликующим зовом, взрывом воли и ясности – и тут же линии Круга на полу вспыхнули белым, и вверху над ними проявился кружащийся венок сил страшным синим огнем видимой части спектра. Юму совершенно не было страшно. Он сам стал огромным, как небо. Как хорошо, что можешь велеть хорошее!! Ух, ведь раньше он все это мог! Так уже было!! Он умеет велеть миру хорошее!! Юм возликовал, выводя точнейшую долгую ноту, которая связала энергии воедино и послала их в цель – туда, где счастье. Чтоб все-все стали счастливы. Чтоб яблоки. И в гости. И чтоб вспомнить. И чтоб Дед всегда... Хор грохотал позади. Да, еще самому – все вспомнить и все понимать!

Настоящий голос стал глубоким и властным, и он вспомнил, вспомнил всем существом, как послушно жизнь течет под руками! Он имеет право велеть! Он почему-то имеет право на власть над этим сияющим клубком чар, и он может приказать миру, чтоб все в нем было хорошо! Космос это ему разрешает!

Какой он был маленький дурак, что струсил петь больше... Псалом тек к концу, а тот юноша с синими зоркими глазами был почему-то уже рядом, чуть позади, и Юм знал, что это так и нужно, что правильно, – последние ноты взмыли над Храмом так властно, что Юму показалось, будто, как яблоко, качнулся мир. Забытый юноша с золотыми волосами что-то делал с чарами вокруг него, что-то очень нужное, такое, чего больше не мог здесь никто, а Юм еще не умел. Юм хорошо допел, маленьких легких хватило, но неисчерпанная воля все еще рвалась из него, и тогда всю ее он собрал и вложил в повтор вспыхнувших синими чарами слов. Круг запылал синим огнем. Все теперь точно будет хорошо. Уже.

А потом события закружились так быстро, что стремительно сужающееся обратно сознание Юма не успевало их отслеживать. Почему-то гудел и грохотал хор, почему-то он пел снова, пел вместе с юношей, который стоял позади и что-то делал с чарами и пространством, потом

Юм певуче и громко повторял за его шепотом властные древние слова, и венки сил так легко им подчинялись! Это все сон? А потом – все, не надо, хватит, маленький, молчи... Да ты дышать-то можешь? Иди на ручки... И близко было лицо Деда, который его уносил по темному коридору. Но ликование все еще звенело в нем. Все будет хорошо. Только башка кружилась и разваливалась на части, сердце колюче дергалось, и он закрыл глаза.

Скоро Дед внес его в полную свежего воздуха комнату – чуть легче. Юм посмотрел на него и жалобно улыбнулся. Голова болит. Все-таки, кажется, что-то он запретное натворил... Хотел закрыть глаза, но они не закрылись. Дед и темный потолок где-то высоко. Оказался рядом тот юноша, спросил у Деда:

– Как он?

– Терпит.

– В памяти?

– Не пойму, – Дед погладил по голове, и сразу боль отползла и притаилась. – Глазками смотрит, только что понимает?

– Ничего не понимает. А сам – Юмис Астропайос, – тихо и непонятно сказал юноша, знакомо проводя рукой по щеке Юма. – Самый настоящий. Только дикий и маленький. Но с такой волей, что жутко. Разве можно его одного безнадзорно со всем этим оставлять? Нам что, девяти звезд мало?

– Даже так? – непонятным тоном спросил Дед.

– Ты ведь видишь, – тихо ответил юноша. – Чудом уберегли. А если б ему в голову пришло вот так себя явить, когда он один в Храме был? Поиграть? Побаловаться?

– Он никогда не балуется... Опасно, да. Для него в первую очередь. Во всех смыслах. Надо что-то делать. Все. Пора учить делу – и забирать отсюда. Сташ взъярится, конечно, да что делать. Пусть решает. А я-то хотел ребенку каникулы устроить, домой взять...

– Домой? – странно переспросил юноша.

– Да сюда, на свой архипелаг... Баловать хотел, воспитывать... А как он поле развернул! В полнеба!

– Вот именно... Ну, я к отцу, объясняться?

– Ему объяснишь... Юма я пока на крейсер возьму. Скажи Каашу, чтоб поспешил, чтоб – сюда немедленно.

Затворилась дверь и стало тихо. Юм, мало что понявший из разговора, словно бы уснул, на всякий случай вцепившись в одежду Деда, но вдруг какая-то холодная тень коснулась его – он встрепенулся, оглядываясь.

– Что? – почти нежно спросил Дед. – Померещилось что-нибудь?

Головокружение опять смело Юма, он прижался к Деду теснее и ответил:

– Дракон посмотрел... Я его боюсь.

– Спи, не бойся, – ничего не объяснил Дед. – Я-то с тобой.

Юм опять закрыл глаза. Под веками, как яблоки, катались звезды. Он что-то видел внутри себя, когда пел. Что-то самое настоящее, похожее на узорный ковер, что-то очень родное и нужное, от чего веет холодом... То, что поверх чар, звуков и энергий... Он напрягся, широко открывая глаза, напрягся изо всех сил – ведь он знает теперь, что это, знает? Чужая темная комната поплыла перед глазами, он вздохнул глубже – и тут виски прожгло белым лучом боли. Он вскрикнул, сжимая ледяными ладонями голову, испуганно глянул на Деда. Боль мерцала, переливалась, постепенно гасла, дрожала, успокаивалась. И наконец-то погасла.

– Я и забыл, что может так болеть... – Юм осторожно перевел дыхание. – Ты меня лечишь? Спасибо. Дед, я так тебя люблю.

– Я тебя тоже, родной. Очень.

Что-то незаметно отпускало Юма, как переход от яви в сон. Болела спина, и хотелось лечь на твердый пол, чтоб боль утихла, но страшно было остаться без теплых рук Деда. Он увидел вдруг, что за раскрытым окном глубокая ночь, что лицо Деда незнакомо осунулось. Дед устал. Но с Дедом и правда нечего бояться...

0,2. Кусок космоса

Наверно, его подвергли какому-то мягкому лечебному воздействию – потому что он проснулся лишь спустя много-много часов, свеженьким и счастливым. Но от счастья он тут же избавился, едва попытался нашарить в себе выпрашиваемую вчера память. Ничего. Да и вчерашнее уже смутно расплывается, звенит высокими нотами, если напрячься. Яблоки только, краснобокие, праздничные... Но здесь пахнет не яблоками. Чем-то знакомым. Свежим и таким... Механическим. Корабельным... Окон-то нет... А где это он сейчас?

Юм сел, озираясь – все незнакомое – и тут же кто-то большой повернулся к нему. Юм от ужаса лег обратно, но тут же узнал синие глаза и волнистые, чуть с рыжинкой, золотые волосы, и вдруг вспомнил его имя.

– Привет, – совсем немножко улыбнулся Ние, но Юм понял, что нисколько, что бы там Юм вчера ни натворил плохого, Ние не сердится. Но – кто он? Что ему до Юма? Почему он – такой знакомый? Они что, встречались в том прошлом, которое Юм забыл? Как неловко.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Юм. Огляделся снова и, вздрогнув, что-то корабельное опять томительно ощутил во всех этих красивых вещах, в воздухе, в светильниках, имитирующих дневной свет. – Это ведь крейсер?

Ние кивнул. В глазах его мелькнула тоска.

– Большой, – прислушавшись к ощущениям, уважительно сказал Юм. – По оси, пожалуй, не меньше девятьсот метров.

– Девятьсот пять, – Ние смотрел очень внимательно. Где-то Юм уже видел, видел такой неотклонимо зоркий взгляд. Даже пристальней, чем у Деда.

– Большой... Я теперь опять буду тут жить? – пересиливая тоскливую жуть в животе, осторожно спросил Юм, не отводя глаза – лучше выяснить все плохое сразу.

– А хотел бы? – мягко спросил Ние.

– Я люблю деревья, – прямо отвечать опасно. – Траву... Воздух, ветер... Тут ничего такого нет. Ну, зато есть ротопульты...

– Ты что-то помнишь... Про ротопульты?

– Неясно, – честно сказал Юм. – А вы мне какой-то родственник?

Ние приподнял бровь:

– Ты меня тоже помнишь? Ну, хоть «неясно»?

Юм пожал плечами. Сходство между этим юношей, Дедом и им самим было так же очевидно, как и то, что они на борту огромного космического судна. Но углубляться в эту тему страшно. Ну, родственник и родственник... Навязываться Юм ему не собирался. Что-то ему мешало по всему телу, он наконец посмотрел и увидел, что весь облеплен отвратительно знакомыми медицинскими штучками. Юм отодрал от живота самую противную, мигающую зеленым огоньком присоску и брезгливо отшвырнул к ногам кровати. Присоска обиженно запищала, и Юм опасливо посмотрел на Ние. Тот лишь усмехнулся, и тогда Юм побыстрее отлепил от груди, боков и локтевых сгибов остальное мелкое дрянство и сложил к большой. И еще их всех закопал под одеяло. Ние снова усмехнулся – но нет, не рассердился. Не пугает. Не обидит. Взгляд мягкий, уже не всматривающийся. Ум в глазах и терпение. Что-то во всем его облике, несмотря на короткие волосы и обычную одежду, очень орденское. Он добрый. Что, будет теперь заботиться?

– Я ведь тебя раньше знал?

Ние кивнул. Юм сознался:

– Да, я чувствую, что знал, но не помню. Вроде бы... Вроде бы все это тоже была жизнь на корабле... Нет, неясно. Извини. Как это все... Безотрадно. И как, наверно, всем надоело, что я ничего не помню... Извини. А где Дед?

– Часа два назад ушел отдыхать. Мы думали, ты еще поспишь. Но ты, я вижу, выспался. Хочешь чего-нибудь?

– Молока. И умыться.

– Так иди умывайся. Пойдем, покажу, – Ние улыбнулся, взял за руку, привел через соседнюю совсем пустую, только гимнастический синий коврик на полу, комнату, откуда открывалась дверь в ванную. – Вот большое полотенце. А то, может быть, тебе помочь?

– Я не маленький, – возмутился Юм.

– Кто, ты? – Ние засмеялся и вышел.

Юм закрыл за ним дверь – взгляд провалился в большое зеркало и встретил недружелюбный взор растрепанного бледного ребенка в скособочившихся пижамных штанишках и круглых розовых следах от медицинских присосок. Очень противное дитя, однако. И очень маленькое – прав Ние. Кому нужен такой убогий родственник... Но, говорят, родство – это обязанность? Надо им – что Деду, что Ние – обязанность эту облегчить. Он потрогал липкую от ночного пота шею и скорей полез в душ.

К Ние он вернулся немного мокрым и заранее смирившимся с тем, как большие дальше собираются его воспитывать. Пусть велят, что им надо, он будет слушаться всегда. Деться-то некуда. Только в одном лишь полотенце он глупо себя чувствовал. Да Ние еще, подняв темные густые брови над веселящимися глазами, засмеялся:

– Мышка ты моя мокрая!

– Уж сразу мышка, – обиделся Юм. – Ну да, маленький... Но Дед говорит, я хорошо с весны подрос.

– Конечно, подрос, – Ние вдруг поднял его, поставил на кресло и принес охапку одежды. – Дай-ка я тебе помогу.

– Это не моя одежда, – только и заметил оторопевший Юм. Зачем Ние с ним, как с младенцем? Что, думает, он одеваться не умеет? Няня нужна?

– Да то твоё платье ведь тяжелое, и такое... слишком праздничное. А другие твои вещи мы не взяли. Не до того.

Юм вспомнил черный велосипедик и весь грустно съезжился внутри, стараясь снаружи не подавать виду: какие уж велосипеды на корабле... Невольно представил путаницу дорожек, цветники и тень под большими деревьями парка, сверкание солнышка в спицах колес, летний ветерок в лицо... Мир сказочными картинками отражается в черном лаке рамы... А книжка-то со сказками осталась недочитанной... А под подушкой – подарили в день окончания учебного года – жестянка монпансье, леденчики прозрачные разноцветные, красивые – он их даже не ел, такие красивые, только нюхал. Эх... Ние вдруг спросил:

– Жалеешь о чем-то?

– Это неважно.

– Юм. Ну, расскажи. Ты весь загрустил, я чувствую. Что там осталось?

– Там вообще много хорошего осталось. Неважно. Раз так надо.

– Не хочешь говорить... Игрушки?

– Дед дарил игрушки, да.

– Еще подарит, – улыбнулся Ние и натянул на него футболочку. – Руку сюда. Теперь штаны...

Дед-то подарит, да, если попросить. Но просить так неловко. Да и не до игрушек теперь, наверно... Они его забрали зачем-то... Себе оставят – или куда? Не надо было, наверно, начинать петь... Жил бы себе спокойно в маленькой школе. Школа, парк, облака в небе... Велосипедик, на котором можно хоть к морю, хоть в Храм, петь... А теперь... Корабль. Ужасно. Надо приспособливаться. Юм послушно подставлял себя быстрым аккуратным рукам. Когда-то эти руки так же заботились о нем... Ние – родной, да. Он добрый или нет? Он – что будет вельть делать? Но руки... Голос... Даже для себя неожиданно он сказал:

– Я помню твои руки.

Ние бросил белый маленький носок и прижал Юма к себе. Молча и крепко. Юм высвободил голову и спросил:

– А ты помнишь меня целиком?

– Да, – Ние вдруг поцеловал его в макушку. Потом схватил полотенце и затормошил им его мокрую голову. – Я и люблю тебя целиком, от пяток до макушки...

Стало легче. Нет, Ние он бояться не будет... Не боится же он Деда. А этот Ние на Деда похож чем-то, не только синими глазами. Взглядом, руками даже. Рисунком движений... Какой-то внутренней музыкой, которая трогает Юма за живое и тянет к себе. Хочется двигаться, дышать и смотреть, как они. Хочется быть с ними всегда. Почему он в маленькой школе жил один, без них? Зачем они взяли его с собой? Куда? Что надо делать? Это надолго? Опять жить на корабле? Но это ужасно – жить на корабле... Так, не думать про парки... Стало грустно, но он знал уже, что большие все сразу объяснять не торопятся. Особенно – ему. Интересно, а раньше, до того, как он все-все забыл, они с Ние где были знакомы? Правда жили на корабле? Почему?

Наконец Ние помог надеть темно-синее мягкое платьице и заплел косичку. Недоумение и пустота в голове становились все страшнее, но пока он умудрялся все это скрывать. Грусть прошла, но как все-таки страшно... Дед. Ние. А вдруг опять оставят одного? Отвезут куда-нибудь, а сами уедут? Или одного тут оставят, на корабле? Какой Ние родной – даже сердце замирает. Как хорошо и больно. Он дышать боялся, он замирал от непонятного щекощущего ликования, то и дело, как пушистые невесомые облачка, проплывающего сквозь него; – но вдруг сердце в пустоте над жуткой бездной, над пропастью черного пространства ужаса: это все ненадолго, не насовсем! Вдруг что-нибудь, какая-нибудь беда, неловкость, несчастье стрясется снова... И он опять останется один среди чужих. Он замер окончательно, и все в нем легло на дно и затаилось – он боялся даже сделать лишнее движение, боялся даже глаза на Ние поднять. Ему стало вдруг очень холодно. Вдруг он нечаянно, из-за мозгов своих пустых, натворит глупое, ошибется, поведет себя неправильно, и Дед и этот веселый Ние подумают о нем плохо. Тогда опять один. И даже это все ласковое сегодняшнее, и вчерашнее, с рыбами как воспоминания и яблоками в храме и синим венком из молний – забудет? Ведь сколько уже всего хорошего он, наверное, забыл?

Ние взял его за плечи, встряхнул и спросил:

– Ты что опять как кукла?

– Извини.

– За что? Ты что, детеныш, боишься чего-то?

– Вдруг что-нибудь нелепое сделаю, – не выдержав, сознался Юм, трусая поднять на него глаза. – Мало совсем знаю такого, что все вокруг знают. А я – нет. Ничего не помню. Если натворю что-нибудь, то это не со зла, а от глупости. Пожалуйста, не отворачивайся от меня из-за этого.

Дав договорить, Ние осторожно привлек его к себе, обнял, прижался лицом к щеке Юма, глубоко вздохнул и ответил:

– Ну что ты. Никогда, родной. Не бойся ничего. И ты выздоравливаешь, и ни в каких нелепостях вообще не замечен, – он тихонько засмеялся. – Ты умница, ты звездочка глазастая, ты – родной мой малыш. Я хочу тебе во всем помогать. Дружить с тобой хочу. Только ты не торопись. И все будет хорошо.

– Ну... Хорошо бы... Ние. Скажи мне... Только честно: это ведь я сам виноват в том, раз что-то случилось с моей головой и я ничего не помню? Это я сам себя сломал? Что я натворил?

– Все виноваты. Я тоже.

– Что я натворил? – настойчивее спросил Юм.

– ...Попал в катастрофу, – подумав, ответил Ние. – Чудом спасся. Давай пока без конкритики, родной. Ни к чему тебе это сейчас. Ты только не думай, что ты – виноват. Или что мы тебя виним. Нет. Потом сам разберешься.

На столе уже стояло молоко. И еще что-то вкусное.

Только наевшись – Ние все время, ласково насмешничая, подливал ему молоко в большую чашку с разноцветными рыбками – Юм спохватился:

– А что это все-таки за корабль? Я тут опять жить останусь?

– Ты ж не хочешь.

– Ну, мало ли, чего я не хочу, – пожал плечами Юм. – Лучше скажи сразу, и, если надо тут остаться, я... Я буду себя... приспособливать.

– Не надо, – испугался Ние. – Приспособливать! Нет, мой хороший, нет. Не останешься. Это только дорога. Путешествие. Не бойся.

– Дорога... Ага. Значит, я что-то такое натворил вчера, что меня в той... в той простой маленькой жизни нельзя оставлять? Да?

– Тебе нужен присмотр. Чары опасны. И, как я вижу, раз ты так восстанавливаешься, так соображаешь хорошо – тебе тем более нужен присмотр.

– ...И куда вы меня?

– Пока не решили, – вздохнул Ние. – Но не на корабле же тебя снова запирают. Уж этот урок мы выучили.

– ...Меня запирают не надо, – перетерпев судорогу ужаса, попросил Юм. – Я ведь... Послушный.

– Послушный, да, – вздохнул Ние так грустно, будто послушание было чем-то очень ужасным. – А еще тихий, как мышка, и молчаливый... Поэтому никто не знает, что ты думаешь... И что можешь натворить. А сейчас ты и сам этого не знаешь... Юмка. А чего бы ты хотел? Как бы ты хотел жить, где?

– Я хочу домик, – подумав, сознался Юм. – Маленький. Только не в городочке, вот как люди живут, я видел, а... Где-нибудь, где никого нету. Под большим деревом... И чтобы тихо-тихо. И ночью – светлячки. Как в сказке.

– Ты хочешь жить один-одинешенек?

– ...А мне разве можно?

– Доброе утро, – сказал вошедший Дед. – Что тебе можно?

– Жить одному, – вздохнул Ние.

– Это не жизнь, – усмехнулся Дед. – Ну, не съезживайся, – он оглядел Юма и улыбнулся. – Ты просто не вполне еще здоров, потому и боишься всего. Пройдет.

Юм не выдержал, выскочил из-за стола к Деду, на мгновение прижался к нему, глубоко вздохнул под погладившей голову рукой и вернулся за стол. Снова взял чашку с молоком. Дед ведь все-все понимает. И сейчас все объяснит и расскажет: и куда, и зачем, и как надо жить дальше, и кем стать...

– Еще? – спросил Ние, когда Юм допил все молоко.

– Спасибо, – Юм помотал головой.

Ние собрал посуду и вышел, сказав:

– Я сейчас.

Юм посмотрел на Деда и улыбнулся. Хорошо, конечно, что у него вообще есть Дед. Но такой...

– Ты редкий Дед, – немножко растерянно сказал Юм, разглядывая непривычную черную, всегда исподволь тревожащую одежду Деда. И в больнице, и там в маленькой школе он чаще видел Деда в другой одежде – обычной, как у всех. А эта – такая тяжелая, черная... Как на старинной картине. В такой же он был и вчера в Храме. – И люггер у тебя такой мощный, да еще и целый крейсер есть такой здоровенный... И красивый. И сам ты весь такой... Такой, что все

почему-то на пузо готовы ложиться, едва тебя видят, только стесняются. И велосипеды даришь всем детям... Но дело не в богатстве. Много силы, много власти... Я уж давно хотел спросить, кто ты, только боялся.

– Я просто твой Дед. А ты – мой внук, – он снова ласково погладил Юма по голове. – И понимаешь, мы все хотим, чтоб ты как можно больше вспоминал сам. Не надо, чтоб тебе не рассказывали другие. Даже мы. Понимаешь, ну: вот расскажем и ты воспримешь нашу оценку событий. Потом вспомнишь, как все было для тебя – и решишь, что мы тебя обманули. И, что опасно для всех, слетишь с резьбы. А тебе – нельзя. Ты – вон как, оказывается петь умеешь. С молниями.

– Я буду держать себя в руках, – пообещал Юм.

– Я верю, что ты веришь в свои руки. Но ты и сам-то себя не знаешь. Ты... Опасно. И так уже... много бед с тобой случилось. Уж лучше бы тебе их вообще никогда не вспомнить, право слово.

Юм, загрустив, кивнул. Наверно, он сам заслужил все свои беды. Не был бы виноват – не было б так страшно жить. Ведь это только в сознании нет воспоминаний, а мозг-то помнит все... Потому и истерит постоянно где-то на нижних этажах... И всего и всех боится. Плохой, значит, жизненный опыт. Очень плохой...

– Я устал, – сознался Юм. – Пожить бы по-хорошему... Но нельзя.

– Почему нельзя?

– Не знаю. Просто мне нельзя – как все, чтоб по-хорошему.

– Ну что ты несешь, глупый малыш... Давай выздоравливай, и все будет по-хорошему.

Вернулся Ние, посмотрел ласково. Зачем все так замечательно к нему относятся, так берегут? Не кончится ли это чем-нибудь ужасным? Эх, да что это ж за нервы у него такие дрожание, дурацкие: чем жизнь лучше – тем на душе тяжелее и страшно? Почему?

– Юмушка, – невесело улыбнулся Дед. – Ты помнишь вчерашнее? Хорошо помнишь? Как ты пел?

– Пел... Не пел я, а велел, чтоб все было хорошо, – честно сознался Юм. – Сам не знаю, как это получилось. С ума сошел, наверно. Вдруг почувствовал, будто могу все и космос мне это разрешает. Вообще... Будто это я сам – космос. Ну, не весь, а так, маленький кусок. А потом плохо стало, и ты меня быстро уносил... а Ние защищал от чар этих всех синих и от Круга, – Юм опустил голову. – Я не знаю, почему так. Все будто... само собой. Извините меня. Пожалуйста.

– Ты не виноват, – Ние сел рядом и приобнял Юма. – Тебя никто и не винит. И с ума ты не сходил. Это все действительно само собой случилось. Совпадение условий. Это мы были неосторожны. Ты много можешь, но ничего не умеешь. До беды было недалеко. Поэтому я вмешался. Но ты, еще раз говорю, не виноват.

А кто тогда виноват? Но он не стал спрашивать. Было замечательно уютно сидеть, привалившись к боку Ние. Только немножко ныла спина. Он все еще был ошеломлен щедрой лаской, над которой сам Ние не задумывался, словно Юм был ему не чужим – да и назвал же Ние его «родным»! А почему? Не меньше удивляло, что сам он почему-то жадно и весело принимал эту ласку, как должное. Боялся, но льнул к нему. Будто так раньше всегда было... Или не было? Да ни к кому, кроме Деда, Юм никогда близко не подходил, не то что давать плести косу или застегивать тугие кнопки на новых невесомых ботиночках! А тут Ние этот, большой, зоркоглазый, мощный. Такие ведь с детишками не нянчатся... Юм почти нечаянно влез к нему на колени, и сразу стало тепло. И знакомо – он так уже сидел... Когда, где? Почему к нему так тянет? Дед улыбнулся:

– Нравится тебе Ние?

Юм, жмурясь, потерся затылком о плечо Ние и кивнул:

– Я его немножечко словно бы помню, только он тогда еще не такой большой был... Да, ух ты, я помню! – Юм даже засмеялся. – Когда мне исполнилось пять лет, ты, Дед, мне такой велосипедик привез, серебряный, с колокольчиком – ты мне всегда велосипеды даришь! – А Ние, хмурый такой немножко, серьезный – я даже боялся – подарил такой вот – Юм точно показал руками – звездолет подарил. Он еще летал сам, невысоко только, и мигал огонечками, и катаера выпускал. Мы на берегу его запускали, – Юм торопился за теплым, горьким от морского воздуха, посеребренным памятью потоком видений: – И уже была осень, купаться нельзя, море было такое серое, тихое, потому что в тот день не было ветра. И мы долго запускали, и ты со мной, – он пихнул Ние в бок, – играл. Но я тебя боялся и потому не разговаривал... Ушел от тебя, немножко покатался на велосипедике, – он взглянул на Деда. – Песок серый, мокрый, налип на шины... И когда звездолет в коробку убирали, я видел, что тоже песок в щелочки забился, и подумал, что завтра вытряхну... Потом жалел, что не успел... И... И все, – горько сказал он, натолкнувшись на привычную глухую стену. – Дальше и не помню... А почему не успел-то?

Ни Дед, ни Ние отвечать не стали, только переглянулись. Юм понял, что опять должен сам вспоминать, и утешающе сказал:

– Ладно, потом сам вспомню.

– Юмушка, а ты еще что-нибудь вспоминал?

– Ерунду всякую непонятную. Игрушки, таймфаг... Правда, Ние, я тебя помню еще, большого уже, будто мы где-то на корабле... Только у меня тогда глаза плохо показывали, света мало... И спать всегда хотелось. Но ты там был. На руках носил, кормил с ложки... Так было?

– Было. Ты болел тогда очень.

– Мне уж кажется, я всегда болею... Ние... А... А красные сандалики у меня тогда были?

– Да, – удивился Ние. – Точно, да, были красные... Слушай, ты, маленький кусок космоса.

Мы с тобой будем дружить?

– Будем. А что? ...Вы зачем меня сюда забрали?

– Тебе пора в другую школу, – сказал Дед. – Там тебе будет лучше, и Ние всегда будет рядом. И ты всегда будешь под нужным присмотром, и там тебе действительно помогут вспоминать. Ты подрос, окреп, теперь тебе туда можно.

– Хорошо, – согласился Юм. – Вам виднее. К тому же с ним. Тогда не страшно, – он посмотрел на Ние и улыбнулся. – А петь можно там будет?

– Вот это тяжелый вопрос, – Ние погладил его по голове. – Голос у тебя золотой, только мы вчера увидели, что нельзя тебе при чарах петь, пока ты себя не вспомнишь. А так – пой, сколько хочешь. Ты ведь даже просто говоришь-то – как будто поешь, такой у тебя голос глубокий и... золотой, сияющий. А уж если ты поешь, Сердечко, то... Вообще какое-то бессмертие наступает.

Юм оторопел. Посмотрел на Деда. Тот серьезно кивнул:

– Это так. Хороший голос. Единственный сейчас такой голос. Я уж и не ждал такой снова услышать... Захочешь – будешь... Голосом созвездия. Захочешь если. Когда время придет.

– Это что ли петь, как Сташ в детстве? Я с его голоса петь учусь. Смотрю всякие ролики старинные и учусь. И еще слушаю всегда, когда... Ой! Я же все там оставил, и наушники, и...

– Все снова дадим, спокойно. Да все вообще, что захочешь... Сокровище ты, – поцеловал его в макушку Ние. – Чудо. Мы тебя беречь будем. Помнишь вчерашнее? Хотя ты-то, конечно, испугаться не успел.

– Я чар вообще-то боюсь, – сознался Юм. – Но я понимаю... Понимаю что-то такое... Ну, как голос и сам храм с ними совпадают, и что можно нотами все эти синие чары вести туда, выше, где самый главный смысл, чтоб получилась... Ну, такая архитектура из энергий, и – велеть, сильно раскрутить, потом – бац и стрелами по секторам вовне, чтоб исполнилось...

– Я тебе дам «бац и стрелами», – пригрозил Дед. – Не вздумай попробовать.

– Не буду. Меня там в этой новой школе этому научат?

– Не сразу. Сначала мозги надо на место поставить. И есть риск, что, когда ты все вспомнишь, начнется ...опасная свистопляска.

– А как-нибудь можно сделать... Чтоб я ничего не вспомнил?

– Только не с тобой. Уже дважды... – Ние осекся. – Ох. Слушай, кусок космоса, просто живи, расти и учись. И будь честным. Тогда все будет хорошо.

– Значит, пока я ничего не помню... То в безопасности?

– Никто не в безопасности. Никто. И не надо, Юмушка, испытывать судьбу. Давай думать о школе. Там будет все, как ты захочешь, – сказал Дед. – Только и тяжелее, конечно, чем в маленькой школе, куда я тебя запрятал, пока ты не поправишься. Гораздо тяжелее. Учиться надо по-настоящему.

– А где эта школа? – подозрительно спросил Юм. – Что-то мне кажется, что мы уже довольно давно летим в сторону Айра. Вот кажется, и все.

– Навигатор, – усмехнулся Дед. – Правильно тебе кажется.

– «Венок»? – уточнил Юм, скрывая дрожь.

– «Венок», – кивнул Дед.

Юм уставился на Деда, потом на Ние, но ни тот, ни другой не собирались ему ничего отвечать. Улыбались только. Может, все еще будет хорошо, если ничего не вспоминать? Ведь сейчас-то – хорошо? И это такое страшное и любимое, такое родное слово «навигатор»... Юм почесал бровь – Дед и Ние почему-то переглянулись – и попросил:

– Учиться... Да. Давайте уж тогда скорее. Трудно жить наугад. Я всему научусь, чтобы все понимать и вести себя правильно... Сделать что-то полезное, из-за чего вы со мной так возитесь.

– Из-за чего, чучело? – рассердился Ние. – А сам по себе ты разве ничего не значишь? И просто так тебя любить нельзя?

– И ты просто так всем подряд косички плетешь, – буркнул Юм. – И на руках таскаешь. Ага.

Дед усмехнулся.

Юм, подумав, тоже. И сказал:

– Вы всегда недоговариваете, мол, я должен сам вспоминать. Я-то вспомню... А если не успею до того, как это будет нужно? Я боюсь чего-то. Какой-нибудь ужасной внезапности. А вдруг зачем-нибудь станет нужно то, что я могу, когда я космос? Я и так уже всегда виноват и всего боюсь. И сам себя боюсь. И тем больше, чем больше вижу, что боитесь вы. Потому и не говорите мне ничего сами. В том числе даже самого простого: вот кем Ние для меня является, к примеру.

Ние за подбородок поднял лицо Юма, посмотрел в глаза:

– Сердишься на нас?

– Нет, – свел брови Юм. – Может, я виноват, что нельзя говорить.

– Нет. Не виноват. Ние! Скажи ему. Сам скажи, сейчас.

– Но разве можно...

– Да я догадался, – хмуро сказал Юм и отодвинулся от Ние. – Чего тут догадываться-то... Ты ведешь себя, как настоящий старший брат.

– А ты откуда знаешь, как старшие братья себя ведут? – немного растерялся Ние.

В Юме все напряжилось так, что нервы звенели:

– Они ведут себя, как ты... Извини... Я просто хочу, чтоб ты был мне братом.

– Юмка! – Ние опять сгреб его в охапку. – По большому счету, я не был тебе братом. Я вообще о тебе думал мало – слишком уж ты был далеко... Да я и не знал тебя до того твоего дня рождения, из которого ты помнишь звездолетик в песке. Тогда ты был такой – очень отчуж-

денный ото всего, ото всей жизни, в броне своего всемогущества, в глаза никому не смотрел, так что и непонятно было, какой ты на самом деле.

– В чего броне?

– Не важно. А потом узнал, какое ты... Солнышко весеннее. Такая маленькая добрая звезда. В красных сандаликах. Ты – чудо, а не чудовище. ...Но я правда твой брат. И теперь буду им всегда, клянусь. ...Ну что ты молчишь?!

– Я же сказал, что – хочу. А когда я чего-нибудь хочу – оно сбывается...

– Ах ты кусок космоса, – грустно сказал Ние. – И характер у тебя... Ох и характер. Брат я твой, брат, это правда. На самом деле брат. Хочешь или не хочешь. Вот у Деда спроси. И хватит об этом.

– Ние.

– Что?

– Ние, не сердись.

– С чего ты взял, что я сержусь?

– Не знаю. Мне что-то страшно...

– Брось. Ты лучше просто так пожелай чего-нибудь хорошего, чтоб оно сбылось. Ты умеешь.

Путешествие, неторопливое – «умиротворяющее», как сказал Дед – Юму нравилось. Снаружи космос, а вокруг Юма – околдовывающий красотой корабль. Тишина, неяркие звездные узоры на стенах, под ногами бархатные черные ковры, экипаж – спокойные люди с негромкими голосами, но на них Юм смотреть боялся. Хорошо, что он везде ходил только с Ние, который все показывал, разговаривал обо всем, о чем Юму хотелось поговорить, давал слушать музыку и потом они вместе разбирали лучшие кусочки по нотам; рассказывал интересное. А Дед почти все время был занят, ему нельзя мешать. Если не приходил Ние, Юм сидел один и читал учебники, что принес Ние – ведь в Венке будет экзамен... Только странные учебники-то: будто все, что в них написано, давно известно. А вот сказки и мифы – тяжелую красивую книгу принес Ние – нет, это впервые... Но со сказками вообще трудно: как отличить явь от выдумки? Своя каюта красивая, только мебель большая, Юму не по росту. И одежда тоже – новая, очень красивая, но словно бы чужая – великоватая и тяжелая...

Самым интересным местом на корабле была, конечно, рубка. Юму почему-то очень тягостно было находиться не в рубке, а в каюте или еще в каком-нибудь пассажирском помещении. Когда Ние привел его в рубку в первый раз, он не стал ничего спрашивать или рассматривать, почему-то шархнул от ротопульта, смутился, когда с ним поздоровался бездельничающий дежурный пилот, и от смущения быстро скользнул на свое место. Он только потом понял, что никакого «своего места» у него тут не было и быть не могло; понял уже после того, как произвел несколько точных и сложных движений абсолютно автоматически, без единой замеченной мысли: садясь, левой пяткой пнул панель подстройки кресла и, пока оно поднималось, приподнимая его к пульту, уже тянулся далеко вправо к клавише включения своих штурманских экранов, левой рукой скользнул по мелким кнопкам, активируя пунктирчик мелких экранов всех маршевых двигателей, а сам стал уже только глазами, проваливаясь в центральный экран курсового коллиматора и всем сознанием переносясь на зеленоватый крест координатного сечения курса. Кресло тем временем заняло надлежащее место, изменило спинку, и ему стало удобно. Мгновенно и точно, не глядя, он набрал левой рукой аккорд активации ротопульта, правой поднял сегменты своей клавиатуры «Navigator REX», глубоко вздохнул и очень-очень плавно и осторожно снял корабль с автопилота.

– Этого я не ожидал, – пробормотал Ние.

– Я нечаянно, – очнулся Юм, но отвлекаться было нельзя. Он вел корабль, и на душе у него было ослепительно хорошо. Он начал разгон маршевых к порогу запуска ротопульта. – Ух, я все умею.

– Все?

– Абсолютно, – Юм на минуту всем существом ушел в маневр половинного спрямления курса. – Разрешите мне, – взмолился, вернувшись. – Хотя бы немножко... Ты не волнуйся, поднялось все-все! Это ведь базовый навык! – Он не мог видеть Ние, но чувствовал его замешательство. – Разрешите! Минут хотя бы сорок!

– Да чего ты просишь? Хочешь вести корабль – веди. Я знаю, что умеешь.

– Он в ротопульт просится, – сказал пилот с другой стороны от Юма. – Чего тут ему... Такому. Ему на марше – скука. Видите, он не просто корабль ведет, он вот-вот его свалит в таймфаг... Паттерну подстраивает... Умелец. Надо сказать Яруну и капитану.

Дед запретил. Тонем жестким, какого никогда Юм не слышал. Но на маршевых – пожалейте. Юм вяло поиграл минуты три, потом вернул корабль на курс и включил автопилот. Почему же не пускают в таймфаг?

Наутро ему взгрустнулось. Да еще и Ние вошел как раз в тот момент, когда он строил домик из неинтересных учебников.

– Ага. Это ты так уроками занимаешься? Похвально.

– Нет. Я просто хочу домик...

– Домик?

– Ну, да... Настоящий.

Ние вроде бы растерялся, но быстро сообразил:

– Хочешь, значит, будет. А что ты думаешь про экзамен?

– Я уже все прочитал. И еще, если я знаю, как водить такие корабли, как этот, то вряд ли я знаю меньше, чем им для самого младшего класса нужно, – проворчал Юм. – Ерунду эту... Мне нужна настоящая память, – Он встал и наконец посмотрел в глаза брату: – Есть вещи поважнее квадратных уравнений. Да?

– Юмка, – Ние поднял его с пола, легко подкинул – это у них игра такая была уже несколько дней, потом на секунду прижал к себе – но почувствовал, что Юму не до игр, и поставил на ноги. – Ты думаешь, память – самое главное? Слушай сердечко. Разве оно не подсказывает, что у тебя есть тяжелое волшебное сокровище? Дар? А ведь есть же что-то еще. Я это знаю. И ты, кусок космоса, тоже это знаешь, – Он взял Юма за руки, некрепко сжал: – Ну, знаешь?

– Дар? Что-то кроме Дара? – Юм усмехнулся и отнял руки, сунул в карманы. – Да я даже не пойму, зачем мне Дар и как с ним управиться – ведь я не помню, кто я? А ты говоришь, что есть еще что-то? Связанное с сердцем? Ние, я не понимаю. Оно у меня только болит, когда страшно. Нет, не понимаю. Ты меня пугаешь. ...И почему, если ты в самом деле брат, мне ничего не рассказываешь? Это разве честно?

– Я б тебе много, что мог рассказать, звездочка, только не стану. Понимаешь, эта память твоя... Сейчас это и для всех, и для тебя – счастье, это чудо, что ее нет. Это спасение. Ты как будто снова живешь. Родился заново. Конечно, ты должен вспомнить... И мы должны все сделать, чтоб ты вспомнил, и делаем. Только никто не хочет торопиться, ты еще очень уязвим. Незачем тебе...

– Значит, я в самом деле крупно напакостил, – Юм уставился на свои нарядные ботиночки. – Это когда красные сандалики? Что я сделал? Очень плохое?

– Нет, раньше, намного раньше и не плохое, а... Опрометчивое. Одиноким был и глупый. Из-за того ты и попал во все свои беды.

– Это связано с Бездной?

– НЕ ВСПОМИНАЙ!

– Это как же «не вспоминай»? Оно само лезет.

– Надо сначала подрасти, окрепнуть.

– ... Я не знаю, что мне надо... И так тошно, да еще всю ночь таймфаг снился. Летать хочу.

– Налетаешься еще, – Ние осторожно притянул к себе, поднял, сел с ним на коленях и прижал к себе. – Все будет. Все, что захочешь.

– Знаю, – буркнул Юм и затих. Несколько минут пытался обо всем, что услышал, думать, но тяжелые смутные мысли никак не поддавались. И Ние мешал – гладил по спине и целовал в макушку. Еще было слышно, как глухо и взволнованно стучит его сердце. Стало немного страшно и неловко:

– Что ты меня все время жалеешь? Ну,пусти. Что вы с Дедом все время меня целуете, что я вам, пряник...

– Мы тебя любим.

– Тогда хватит меня нянчить, – он вылез из рук Ние. – Я не младенец. Я могу справиться со всем тем, чего не помню. Мне надо все знать и понимать. Знать, кто важный для меня есть еще. И я буду спрашивать. Вот буду, и все. Запретишь?

– Хуже будет, – пожал плечами Ние. – Вообразишь, чего и не было. Спрашивай уж. Хоть будет понятно, какие воспоминания ты восстановил.

– Память – это сложно. Она ведь... Избирательна. Как понять, что было на самом деле, а что увидел я? Я себе не доверяю, понимаешь? Поэтому буду спрашивать. Вот. Да, Ние, а ты кто? В смысле не кто мне, а вообще?

– Я Предстоятель Храма на Айре. Ты бы это скоро узнал.

– Такой молодой?

– Меня... Хорошо учили, – улыбнулся Ние. – Как тебя навигации, с младенчества, так и меня – всем храмовым дисциплинам. Вероятно, позже буду управлять всем Орденом.

– Круто... Ние, не сердись.

– Ну что ты. Ты прав. И я знаю, о чем ты хочешь спросить. О ком.

Как он догадался?? Юм молча прижал ладонки к груди, такая вдруг там распустилась страшным цветком жгучая боль. Если это и есть та суть, что кроме Дара, то... Какой же это ужас... Ние сгреб его на руки:

– Юмка! Тебе плохо? Белый ты какой стал...

– Нет... Нет. Почему... Мне нельзя знать, кто у меня есть еще?

– У тебя же есть сейчас и Дед, и я...

– Все другие меня ненавидят?

– С чего ты взял? Ты – свет с небес, – глубоко вздохнул Ние. – Верь мне. И мы все-все, вся семья, тебя любим, все – понятно?

– Как же... Любите? Вся семья? Но я же никого не знаю! Никого не видел? Или я всех-всех забыл? Почему я помню, что всегда жил один?

– Нет, не забыл... Ладно, я скажу тебе – судьба так сложилась, что отцу вообще не до нас – ни до меня, старшего, ни до тебя, самого младшего. У него много таких забот, которые куда важнее всяких там детских соплей. Ему просто некогда, понимаешь? Мы все его редко-редко видим. ... А мамы давно уже с нами нет.

Стало тяжело. И холодно. И трудно дышать. Он хотел, чтоб Ние замолчал, но тот все рассказывал, простодушно и ласково:

– У тебя есть братишки – еще трое средних – они о тебе знают, конечно, но знают только, что ты есть. Раньше они тебя не видели. Они в Венке учатся, и вы сами познакомитесь...

Юм с каждым его словом каменел все больше. Как тяжело. Нельзя было в эту бездну. Рано. Глупо верить, что справишься... Не надо было ничего спрашивать... Глаза закрывались и несло в темноту. Нужна передышка. Полная. Вот чтоб не быть. Ние его осторожно покачал:

– Юмка... Юмасик... Открой глаза...
Юм не смог.

На Айре не было городов. Это была очень странная планета даже для Юма, который все мироустройство воспринимал без удивления: раз все устроено именно так, значит, это для чего-нибудь да нужно. Только чтобы было красиво – красивое его притягивало. Айр был красивым. Он видел, конечно, картинки в учебнике, знал, что Айр не похож ни на Океан, ни на все другие планеты в созвездии. Хотя трава тут тоже была зеленой, а небо – синим.

Но это была планета новенькая. Даже полвека не было всей звездной системе Айра, которая взялась ниоткуда по воле всемогущего Императора Сташа. Юму об этом рассказывали, но он запоминал это так же равнодушно, как все подряд. Но, когда смотрел из космоса на приближающуюся белую звезду с разноцветными шариками планет, одна из которых называлась Айром, как и звезда, потому что на ней одной в этой системе и можно было свободно, без систем жизнеобеспечения, жить людям, – он чувствовал что-то непонятное. Он никак не мог объяснить себе, как это вдруг ни из чего взялась огромная звезда, настоящая, живая, с планетами, и даже рассердился в конце концов на Деда:

– Да что ты мне все про Сташа-то рассказываешь? – Юм вообще терпеть не мог, когда при нем вспоминали Сташа или даже просто громко говорили: «Дракон», потому что образ чего-то огромного, черного и страшного, что подразумевало это имя, его пугал, невыносимо пугал: убежать и спрятаться. Юм, правда, всегда старался, чтоб о страхе никто не заподозрил. Потому что Сташа стыдно было бояться. – Мне все это уже в школе рассказывали. – Ты мне просто объясни – КАК? Я же чувствую, что звезда – живая! Я чувствую, что это можно сделать, даже знаю, как скатать шарик из плазмы и сколько чего в нее надо, могу посчитать всю систему и куда спутник к планете, но я не помню, как!! А это просто, это должно быть просто...

– Просто, если ты Астропайос.
– ...Или хотя бы кусок космоса?
– Вот именно.

– Кусок Сети, – подумав, выразил какое-то давнее знание Юм. – Но я не помню, как теперь к ней подсоединяться... А в детстве – раз, и... И все можешь. Хоть целую планету вроде Айра. А ты можешь?

– Нет. Зато ты – можешь.
– Планету?
– Когда вспомнишь, как, сначала расскажи мне. Сам не пробуй.
– Ты – всерьез? – ошалел Юм. – Я что, забыл ТАКОЕ?

Дед, холодно сверкнув глазами, взял за плечи, сжал и слегка встряхнул:

– Юм, этим не шутят. И не играют. Вот, оцени масштаб нашего ужаса, стоит только нам представить, что ты выходишь из-под контроля. Понимаешь? Какого черта, ты думаешь, тебя так долго держали в космосе, подальше ото всего? Подальше от Сети? Думаешь, тебе одному страшно?

– Дед... Ты правду говоришь?
– Ох, малыш, да. Правду.
– Я не хочу такую правду!!

– Юми. Юмасик. Послушай меня. Ты... Ты просто старайся, что бы ни происходило, быть понятным нами... Понятным и понятным. Не скрывай ничего. Ни мыслей, ни воспоминаний, что к тебе будут приходить. Пожалуйста. Нам надо тебе доверять. Тогда, может, мы и переживем все это. Будь понятным. Пообещай мне.

Дед спускаться на планету не собирался. Ночью крейсер зашел на орбиту Айра, а утром Дед позвал Юма к себе – впервые, обычно он всегда сам приходил в каюту Юма. Юм, оказав-

шись в его мрачных апартаментах, слегка оторопел. И даже испугался, потому что Ние, непривычно настороженный, только привел его, а сам не вошел. Столько черного, что подкатывает жуть... Дед заметил испуг, мягко взял его за руку, усадил в большое черное кресло, сел напротив:

– Юмис.

Он никогда еще так Юма не называл! Стало совсем страшно, и, только чтоб не было так тихо, так всерьез, Юм шепотом спросил:

– Почему черное все?

– Потому что космос черный.

– Неправда, в таймфаге весь... весь переливчатый! А черный... Черный я боюсь. Я ненавижу черный...

– Я знаю. Но надо привыкать... К тому же дело не в самом черном цвете. Ты справишься. Не бойся. Знаю я, что Империя тебя пугает. Я берег тебя от этого, сколько мог. Но ты должен теперь узнать. И не от чужих... Юмушка, мальчик мой родной, в школе ты должен пользоваться собственным именем. Да, имя тяжелое. Думаю, его ты в глубине разума помнишь. Да?

Юм окаменел. Не дождавшись ответа, Дед спросил:

– Юм, ты так боишься Дракона. Всего созвездия, Сташа. Еще чего-то. Боишься, терпишь, скрываешь... Кому-кому, а тебе этого смешно бояться, ведь ты Юмис, ты – будущее Империи, ты – сердце ее уже сейчас...

– Я сам не понимаю, – каменная кора на Юме треснула и развалилась. Он испуганно вздохнул и вздрогнул от своего же вздоха. Как трудно быть живым. Вдруг – на пальце у Деда кольцо с черным резным камнем, и мир, сорвавшись, замельтешил вокруг кусочками мозаики и внезапно, с ударом тупого холода, сложился в понятную страшную картинку: – Что вам от меня надо... Погоди... Погоди, я понял... Ой, какой я дурак... Ты правда Дед мне, но ведь ты еще – Ярун Дракон! А мой врач, он... Он – Кааш Дракон, брат моего... А Ние... Тоже Дракон...

– Да. У нас у всех это чертово прозвище. И мы... Та еще порода. Ну и что, Юм... А ты – Юмис Дракон.

– Всего-то, – усмехнулся Юм. – Как просто и красиво звучит, правда? А на самом-то деле... На самом деле это... – он сорвался на крик: – Я не хочу!! – и сразу заткнул себе крик поглубже. Спокойно сказал: – Не хочу. ... Не буду, – шепотом добавил: – А сын твой – Сташ... Он – *настоящий*, да? Ох, я ведь знаю, что это значит. Я *все* знаю. Он Дракон... Черный... И я – его крови, но это – ерунда, космос – вообще ерунда, пусть, я возьму, я даже Сеть возьму, я все смогу, но... Я не могу другое, что я – его сын, что тут, в жизни он... Он – черный... мой черный человек... потому что... Я виноват, я убил свою...

– Юм! – перебивая, закричал Дед. – Нет!

Юм бы сорвался с места, промчался сквозь темные комнаты и мелькающие страшные миражи своих воспоминаний – но мертвой тяжестью и темнотой налилось тело. Он стиснул себя, обхватив руками грудь, чтоб не так больно колотилось сердце, сильно зажмурился, чтоб в глазах не темнело – ну, и куда бежать? Разве можно спрятаться?

А вот и можно. В самого себя.

Когда Дед зачем-то подхватил его на руки и притиснул к себе, Юм негромко и совсем спокойно спросил:

– Я – теперь Дракон, как ты и Сташ?

– Да, но если б еще только Дракон, – растерянно ответил Дед. – А то ведь Дракон Астропайос... Кусок космоса, как ты говоришь. Ты – наследник, преемник Сташу настоящий.

– Я не хочу, – сообщил Юм и отвернул лицо от непереносимого взгляда Деда, скрывая неровную и тяжелую дрожь. – Это трудно. Это правда не снять с себя?

– Нет.

– Жаль. Спасибо, что дал мне побыть человеком.

– Что Драконом быть не хочешь – понимаю. Сам не хотел. С этим не то что сжиться, с этим даже примириться невозможно...

– Как тогда жить?

– Притерпишься. Да и мы поможем.

– Быть Драконом... Это... – За ребрами расплзался ядовитый плющ со страшными, по-медицински металлическими колючками, поднимался к горлу, душил. И жутко заболела спина. – Я вспомнил, за что меня ненавидит Сташ. Как я родился. Я вспомнил. И ты тоже его ненавидел за такое же рождение?

Ярун ответил очень спокойно:

– Нет, я даже не знал, что он родился. Я увидел-то его уж лет десяти, когда было поздно, слишком поздно, чтоб... Но это долгая и невыносимая история, не похожая на твою. Ты прав только в том, что быть Драконом – тяжелая судьба, невыносимая. Даже тебе – уже столько бед. Но неправда, что отец тебя ненавидит! Неправда! Ты сам никогда не подпускал его к себе!

– Я не понимаю... – из последних сил сказал Юм.

Черная вина. Кровь стала холодной и черной, как эта вина. Та самая, настоящая, которую он знал за собой всегда. Кажется, по правде ее-то он никогда не забывал, она всегда была тут, рядышком. Как же удавалось не помнить? Еще пять минут назад – ведь не помнил же...

– Горе ты мое. Успокойся, – устало попросил Ярун. – Сташ тебе свое отцовство не навязывает. Сташ знает, что ты даже видеть его не готов.

– Я никогда не буду готов.

– Почему ты думаешь, что он тебя винит? Тебя? Юмушка, ты в капкане первых впечатлений жизни, только и всего. Да, твоему рождению сопутствовала смерть твоей матери – но ты-то в этом не виновен!

– Мне нельзя было вообще появляться на свет! – голову прожгло кошмарной тошнотворной болью, но Юм не шевельнулся, не вскрикнул.

– Юм, ты – надежда и спасение.

– Я не понимаю. Потому что все наоборот. Я, раз такой ужасный, хотел один быть... Но от него нельзя убежать. Без меня дальше никак, да? Столько всего надо сделать...

Его затошнило сильнее, все вокруг жгло и переставало быть, тело мертвело, вокруг, казалось, пахло кровью и лекарствами, и он скорее зажмурился, чтоб договорить все важное, все признание смертной вины своей, что чувствовал:

– Я поэтому буду слушаться. Я – Юмис. Надо, чтобы я работал, сделал, что он велит. Я все сделаю, что велит, – сердце распухло от боли и колотилось в горле, будто хотело вылезти наружу и убежать. Он затолкал его поглубже, стиснул. – Скажи ему, я не буду звезды... В смысле, ничего не стану без спроса... Нет, не то. Что я... А какая ему разница... – Юм хотел еще сказать что-то самое важное, самое больное, но лицо вдруг онемело, и он вдруг уснул.

0,3. Счастье – для хороших!

Айр был прекрасен.

Отпечаток чуда еще лежал здесь на каждой травинке, на каждом тонком молодом дереве, сиял в холодном сверкании глубоких полноводных рек и жемчужными тенями облаков плыл по зеленым бескрайним ландшафтам. Холодный воздух с гор вокруг космопорта обещал всем счастье, и Юм, глядя на пассажиров, прилетевших с орбитального терминала, наблюдал, как их глаза начинают сиять, щеки – гореть, а за плечами словно отрастают невидимые крылья. Какие-то счастливые дети бегали везде и звенели торопливыми голосами. Сам он что-то ничего такого же упоительного не испытывал, хотя очень чистый, хвойный, снежный воздух ему сразу понравился. Но это же не повод визжать, как вон те мальчишки, что скачут возле больших школьных коггов. К тому же тут так холодно... И вообще почему-то лицо немело, а кулаки стискивались, и потому он прятал их в карманы курточки. Он мерз.

Не намного опередив остальные терминальные катера, Ние привез его сюда, показал белые школьные когти и с рук на руки передал высокому седому человеку с внимательными серыми глазами тагета:

– Здравствуй, Вир. Это Юмис.

Этот седой Вир улыбнулся Юму:

– Здравствуй, Юмис.

Юм вежливо поздоровался. Вир так смотрел на него, будто знал о нем не меньше Ние, и Юму очень хотелось отвернуться. Ние сказал Виру еще что-то непонятное, про какие-то двойные эшелоны, и ушел, невесело улыбнувшись Юму, к своему легкому люггеру. Чтобы не смотреть на Вира и не провожать Ние взглядом, Юм усталился под ноги. И откуда такой белый керамлит?

Ему было скучно, тошно, почему-то стыдно и очень холодно, хотя темно-синее, невыносимо нарядное платье на нем было теплым. И ужасным. Узорный подол сиял расшитым серебром богатством. И воротник стойкой под горло, как алмазный ошейник... Он бы ни за что не надел это платье, да и не хотел надевать – но ничего другого не было. Остальные платья только хуже. Сначала они хотели, чтоб он вообще какое-то новое, страшное черное платье надел, вроде бы простое – только на груди такой же черный, не вдруг заметишь, герб с драконом и девятью звездами – но посмотрели на него, переглянулись и отстали. Дали выбрать самому, и он выбрал это, на котором меньше всего драгоценных вышивок. Ние махнул рукой и пообещал, что в школе форму дадут... Скорей бы уж дали... Юм вообще ничего с собой не взял, даже самую любимую на свете книжку по ботанике (Дед подарил) не взял, и даже тетрадку с нотами, которые разбирали с Ние. Он не хотел, чтоб Сташ – или кто-то еще здесь, в мире Сташа – знал про него правду, хотя всей правды – лужица на дне: цветы и нотки. Пусть думает, что он ничего и никого не любит. Да, цветы и музыка – это настоящее, его собственное, это неотъемлемо от его души, и до этого никому не должно быть дела, и это будет его тайной, до которой он никогда никого не допустит. Потому что теперь больше и нет ничего. И никого. Он опять один. Нет никакого деда, нет никакого брата. Есть Драконы. Их надо слушаться. Дед сказал, что от одежды можно отказаться, но от «Венка» – нет. Поэтому сейчас он находится здесь. Зачем? Учиться? Ага, как же... Чтоб был под присмотром, вот зачем.

Ладно, теперь все снова будет правильно, раз он стал не безобидным певучим ребенком, а собой настоящим. Детская легкая жизнь была лишь тоненьким ледком над бездонной черной водой настоящей его жизни, и, едва Ярун забрал его на свой крейсер, по черной этой воде пошли первые волны, медлительные, вроде бы совсем нестрашные, ласковые, как добродушие и дружелюбие Ние, как обещание новой хорошей школы – но беленький больнично-чистый

ледок этот детский хрупнул, пошел трещинами, затонул и в несколько секунд растаял в его черной густой крови.

Главное ведь он вспомнил. Имя не сдерешь с себя. Конечно, остальное все, то есть большая часть памяти после вчерашнего не вернулась – так, обрывки, большей частью страшные и маловразумительные. Только тошнило от них, и голова кружилась. И холодно. Почему опять так холодно? Противно. Слишком уж он привык за последнее время, что голова ясная, и все в его детской хорошей жизни счастливо и понятно – да в ней и думать-то было не о чем. Ну кто он был? Сначала маленький больной ребенок без памяти, потом школьник, потом мальчик из храмового хора, потом внук любящего деда – он принимал все улучшения, как есть и не задумывался ни над чем. Ему просто было хорошо. А захотел, чтоб еще лучше. Дурак.

Как же так: тогда, на яблочный праздник, он велел, когда был куском космоса, чтоб все стало хорошо, а стало... Стало ужасно. Значит, он не умеет велеть? Или он сам – ужасный, плохой, раз так все плохо? Конечно, плохой. Хорошие так не рождаются... Так что поделом.

Пора за все расплачиваться.

Ведь он теперь помнил главное.

В конце концов, сам этой памяти хотел.

Ние и Ярун весь вчерашний день, мешая врачам, пытались с ним разговаривать, что-то объяснить, опять притвориться близкими и нужными. Юм, после обморока слабый, как тряпка, с глухой, налитой черной болью головой, ооченело и бесчувственно переживал их натиск – как они не понимают бесполезности всех своих слов? Он ведь и так всегда будет делать, что им нужно. Учиться – будет учиться. Всех тут слушаться будет... Он им сначала так и отвечал, терпеливо и вежливо, но им все что-то еще было надо, Юм не понимал, что. Устал обороняться, смолк, сдался тому черному и ледяющему, что всплывало изнутри – но Ние и Ярун все что-то говорили, говорили, и в итоге Юма опять накрыло ледяной тьмой и тошнотой этой мерзкой головной боли. Зато его сразу оставили в покое. Стало тихо. Юм до сих пор чувствовал эту тишину и опустошение в себе. Ничего лишнего. Как хорошо. И хорошо, что теперь вокруг будут только чужие.

Только холодно.

Вир не послал его в один из школьных коггов, оставил при себе. К нему подходили какие-то люди, мельком поглядывали на Юма, что-то обсуждали. Юм смотрел по сторонам, но чаще под ноги, чтобы не выдать в себе ничего, старался не слушать, что говорят большие, но их слова все равно цеплялись за слух:

– ...Поток. И переростков нет. Ровесники подросли...

– ... одни маленькие. Орденские есть.

– ...привезли легийскую принцессу, няньки в истерике, что она допускается только на общих основаниях...

– ...Восемнадцать, не считая наших, всяких княжат и царевичей в списках, и все на общих основаниях...

– ...Они же говорили, что Океан активизируется в этом году. Да, кажется, весь Дракон активизировался. Через неделю еще одна группа, человек пятьдесят, и все такие, что...

– Вир, а это что за ребенок такой сердитый? Малыш, гляди веселей!

Юм поднял глаза, и человек осекся. Даже отступил. И сказал непонятно и очень печально:

– Дождались.

Юм опять устался в керамлит, чтоб никого не пугать. Опять стал слушать, что само долетало до ушей:

– ... Поток, поток.

– Не поток. Похоже, это – свита...

Какая свита? Чья?

Обрывки этого непонятного чужого разговора невидимыми лентами вились вокруг Юма и опали на гладкое керамлитовое покрытие поля. Он стоял неподвижно, наблюдая, как встречающие разводят группы детей по коггам. От холода не дрожал, воспринимал его расслабленно, не боролся, чувствуя, как остывает кровь во всех сосудах и капиллярах. Только сердце теплое, глупое. Все бьется и бьется, думает, жить – это главное... Это немного жутковато, когда кровь остывает, зато становишься тихим и равнодушным, как змея. Чуть раньше он так же безучастно наблюдал из иллюминатора, как одновременно с черным огромным крейсером Яруна к терминалу швартуется еще один тяжелый транспорт, белый, с огромными красивыми буквами «Венок» по борту, на котором, видимо, и привезли сюда всех этих шумных детей. Ему становилось совсем тошно – его самого-то, видно, принимают здесь отнюдь не «на общих основаниях». И все эти люди, мельком окидывавшие его глазами... Он уставился на носки своих башмаков и крепче сжал ледяные кулаки в карманах. Только голова бы не заболела... Наконец, к тому времени, как он совсем замерз, его тронули за плечо:

– Пойдем, Юмис.

Легкий светлый люггер Вира намного опередил школьные когги, долго летел над темно-зелеными густыми макушками леса, потом набрал непонятную, на взгляд Юма, излишнюю высоту и некоторое время летел над огромной широкой рекой, а когда река отвернула в сторону, Юм увидел среди темной шубы леса светлые скопления домиков и башен, расположенных по огромному кругу, дугой уходящему к горизонту.

– Это «Венок», – негромко сказал Вир. – Добро пожаловать, Юмис. Красиво?

– Красиво, – согласился Юм. – Большой.

В центре этого огромного обруча стояла еще одна группа зданий и башен. Люггер начал снижаться в ту сторону. Юму, который рассчитывал в люггере немного согреться и не смог, становилось не по себе, но не настолько, чтоб дать это заметить Виру, который время от времени на него поглядывал. Спокойно сидел на заднем сиденье, неподвижно положив холодные руки на холодные под тонкими штанами колени и, следя за тем, чтоб пальцы не собирались в кулаки, смотрел в окно и, насколько мог чувствовать, еще не побледнел до такого состояния, когда взрослые пугались. Не надо так бледнеть, глупо. Только докторов сейчас не хватает. Близко прошла вверх огромная разлапистая вершина сосны, и люггер наконец сел. Когда он выбрался наружу, на белый керамлит полупустой стоянки, подошли двое мужчин в одинаковых серых рубашках с маленькими красивыми эмблемами на коротких рукавах – белый волк в черном треугольнике. Вир кивнул им на Юма:

– Вот ребенок. Двойная альфа охраны. Это не учения. Обеспечить дистанционный медицинский мониторинг. Приступайте.

Взгляды охранников стали любопытно-пристальными, но Вир ничего им больше не сказал, снова позвал Юма:

– Пойдем.

Вершина белой башни плыла в таких же белых облаках. Отворилась полупрозрачная дверь, и Вир пропустил его вперед. В безлюдном холле было полутемно, в черном гладком полу полосами отражалось зеленоватое мельтешение листвы и хвои из узких окон. В прозрачном лифте Юм следил, как вместе с высотой светлеет внутреннее убранство башни – от черного холла – к темно-синему цвету, к ультрамариновому, голубому и наконец – к белому. Мурлыкнув, лифт остановился. Юм вслед за Виром вышел и огляделся. Двери вокруг... А сверху, только стекло отгораживает, свобода и белое в голубом, большое – облака...

Кто-то самый важный здесь этот Вир, подумал Юм, входя за ним в огромную светлую комнату с большим круглым столом, на котором лежал точно такой же обруч игрушечных зданий, какой Юм только что сверху видел среди бескрайнего леса. Только здесь вместо мохнатых лесных верхушек была гладкая серебристая поверхность. Он бы еще поразглядывал аккуратненькие, неправдоподобно настоящие, будто заколдованные, домики, но Вир снова позвал:

– Иди сюда.

Только подойдя к нему, Юм осознал, что Вир говорит на Чаре. Ну и что? Вир улыбнулся:

– Я знаю, что ты понимаешь Чар. А говорить не хочется?

– Его никто не знает.

– Здесь знаю я, Ние и... еще несколько человек, – Вир ввел его в небольшую, какую-то очень спокойную комнату с большим окном, кивнул сесть за стол и без лишних слов поставил перед ним синюю чашку с горячим какао и тарелку с печеньем. – Говорят, ты ни утром, ни вчера весь день ничего не ел. Сейчас будешь?

Юм озадаченно посмотрел на чашку, от которой поднимался парок. Разве он не ел? Да, правда... Если живой, то надо есть. Какао оказалось с немножко непривычным, незнакомым привкусом, но даже немного вкуснее, чем он пил на Океане. Густое от сливок. А среди печенья много было орехового. И об горячую чашку можно было незаметно греть пальцы. Вир сел со своей чашкой чая напротив:

– Попозже нормально пообедаешь.

Когда Юм поел, то даже сам удивился, насколько стало лучше и теплее. Вир спросил:

– Ты со мной поговоришь?

Юм кивнул. Раз уж он здесь. Не говорить – невежливо.

– Говорят, ты скрытный... Но никогда не врешь, и вежливый... Только вижу, что ты, к несчастью, еще и сдержанный. Это пугает. В глазах – мрак и лед.

Юм молча ждал, что скажет еще. На всякий случай начал возводить умозрительную преграду между разумом и эмоциями: это просто разговор. Это слова и их смысл. Это логика и риторические приемы. Все его нервы смотаны в аккуратные клубочки и лежат в коробочках с замочками... Никакие звуковые и смысловые сочетания их не заденут. Вир поглядел-поглядел на него, пожал плечами и сказал:

– Так, маленькое чудовище, если ты скажешь, что не хочешь тут учиться, я тебя отправлю обратно.

– Нельзя. Послали учиться.

– Ты сам хочешь или не хочешь учиться здесь?

– Мне все равно.

– Значит, мрак и лед не по поводу школы?

– Нет.

Вир помолчал, вздохнул:

– Я не буду расспрашивать о семье, расслабься. Раз даже они не сумели тебя приручить, то я уж не буду и пытаться... Но нам с тобой следует заключить договор. По поводу взаимодействия.

– Обязуюсь соблюдать все правила.

– Послушный, значит?

Он, кажется, смеется? Юм отвел глаза. Это смешно – быть сдержанным? Смешно – быть таким ледяным и несчастным? Да, наверно. Смешно и позорно. Несчастливым быть – позорно, это правда. Только где ж его взять, это счастье? Счастье – для хороших. А он – кто? Убийца, проклятие семьи. Наверно, надо притвориться жизнерадостным? Притворяться – еще позорней.

Вир вдруг спросил:

– Ты мне постарайся правду говорить?

– ...Всю?

– Надо всю. Если ты, конечно, хочешь, чтобы все у тебя здесь сложилось хорошо. Ты хочешь?

– Иногда «хорошо» не значит «правильно».

– Ладно, а как будет «правильно»?

– Чтобы у вас не было со мной хлопот. Для этого разве нужно говорить всю правду?

– Да. Попробуем. Юм, ты кто?

– ... Несчастье, – подумав, ответил Юм. Этот Вир и так знает, как его зовут. И, наверное, знает, как он родился.

– Но еще и Астропайос?

– Слегка контуженный.

– Ты хочешь поправиться?

– Надо.

– Астропайос может все?

– Только делать надо лишь самое необходимое.

– Необходимо перестать быть несчастьем.

– Хорошо бы, – согласился Юм. Как же это уныло звучит, и он рассердился на себя: – Но я поправлюсь и буду полезным.

– Что, только для того и нужен?

Юм истолковал усмешку Вира как презрение. Пошарил в себе и предъявил другие свои полезные свойства:

– Еще я могу водить корабли в таймфаге. Это немного, я понимаю. Потому меня и прислали учиться. Чтоб от меня стало больше пользы.

– Надо, чтоб пользы от тебя стало больше для тебя же самого. Ведь без слез не взглянешь, честное слово. А раньше-то умел смеяться, вот смотри, – Вир усмехнулся, вынул откуда-то и положил перед Юмом большой снимок: – Здесь тебе год.

Юм уставился на фотографию улыбающегося малыша с лучезарными синими глазками, с проклятой черной полоской по серебряной головке, нетвердо стоящего среди каких-то, выше него, густых белых цветов. Маленький. Совсем один. Улыбается. Глупый. Не знает, что совсем-совсем один на свете. Заныло в животе, и сделалось жутко холодно. Вир положил еще один снимок – тот же малыш, чуть постарше, хохочущий, на руках смеющегося Деда. Юм проверил взглядом Вира. Тот протянул ему еще один снимок – лобастый, хмурый мальчик с крепко сжатым ртом и сердитыми зоркими глазами, башка круглая, бритая под контакты ротопульта, с той же черной полосой ото лба к затылку... Совсем другой ребенок, отчужденный, и взгляд тяжелый, очень тяжелый...

– А здесь тебе почти пять.

Юм подождал и спросил:

– А еще есть?

– Есть, но пока тебе не стоит их смотреть.

Можно подумать, ему хочется. Нет уж, пока хватит воспоминаний. И так уже тошнит. Это небо высокое, сияющее на снимках, кусты с белыми снежками цветов, руки Яруна, бережно удерживающие прильнувшего к нему ребенка, серый таймфаговый комбинезон на нем пятилетнем – от всего этого тошнит. И печет за ребрами. Завыть бы... Так. Все эмоции – вниз. Глубоко. И еще глубже. Все коробочки с нервами – в сейф. Ну, чего этот Вир от него хочет? Чему он еще не научился? Сказал бы прямо, как себя вести, чему полезному учиться, и все. Спокойней всем... Что такого придумать, чтоб оставили в покое? Посмотрев еще на снимки, Юм, преодолевая тошноту, отодвинул их к Виру.

– А ты не хочешь их взять себе?

– Нет, спасибо, – Юм старался не подать виду, как тошнит. Не надо ему никаких цветных картинок. Ему вообще ничего не надо. – А вы почему все обо мне знаете?

– Ну, не все. Но многое. Потому что я Хранитель Венка. Но больше, кроме Ние, здесь никто ничего о твоём прошлом не знает. Ты для всех такой же мальчик, как и другие. Жить, одеваться, ходить в школу будешь, как все. Объяснять ничего никому не нужно. Имя за тебя все объяснит. И ты был предъявлен сегодня, там в порту, тьме народу. Все прекрасно поняли, кто

ты такой. Уважение к имени – да, будет. К тебе самому – как себя покажешь. Вообще будешь учиться – без особых условий. Как и твои братья. Но на самом-то деле ты уникален. Ты – страшно тяжелое существо. И опасное. Поэтому очень тебя прошу – какая бы проблема перед тобой не возникала – иди ко мне. Я тебе очень хочу помочь. По-настоящему. Понимаешь?

Юм кивнул и неуверенно переспросил:

– Я буду – как все ученики?

– Да, а что?

– Среди детей?

– Да. Ты не хочешь?

– Не знаю. Я думал...

– Что ты думал?

– Думал: как в детстве, когда я один и много учителей и врачей.

– Нет. Будешь, как все. Школа, класс, интернат.

– А Сташ как велел?

– Сташ велел тебя социализировать.

– А?

– Интегрировать в социум. Приучить жить среди людей. И сам я думаю, что тебе лучше обычной жизнью жить, подальше от взрослых, с ребятами. Чтоб ты играл, бегал, портфель в школу таскал.

– Но я ведь права не имею на все это. Сами же говорите, что я опасен. Мне под надзором – самое место. А не в этой детской жизни.

– Ты ошибаешься. Ние говорит, что ты что-то важное в жизни перепутал. Что винишь себя в том, в чем не можешь быть виноват.

– Ну, это говорит Ние, а не Сташ, – усмехнулся Юм, стараясь не поднимать глаз. – Он знает правду, я знаю правду – все остальные могут думать как угодно. Да вы не волнуйтесь, я буду слушаться. И никто не будет в опасности, потому что... Ну, потому что я сам себе тюрьма.

– Ты очень жесток к себе. И несправедлив.

– Не стоит об этом, – на самом деле это была мольба, но Юм выразил ее как мог сухо. Никаких эмоций. – Я буду вести себя, как велено – социализироваться. На самом деле все как раз таки справедливо: ведь в настоящей тюрьме-то было бы куда легче, чем вот так, среди всего этого... такого детского, такого хорошего, среди деток, которые никогда ни в чем не были виноваты.

– Ты хочешь сказать, что Сташ так изощренно жесток? Что будто бы он хочет, чтоб ты думал, что эта детская жизнь – не тебе? Что нельзя быть, как все эти мальчишки и девчонки – а только смотри на эту жизнь, а сам не смей ни играть, ни бегать? Смотри на игрушку, но не трогай? Хорошо ж ты о нем думаешь... Да он весь «Венок» -то придумал и построил специально для тебя, еще за полсотни лет до того, как ты появился!

– Я знаю. Все было бы прекрасно, если бы я ни в чем не был виноват... Но я все испортил. Что ж, буду ходить и смотреть. Думаю, я... Я вытерплю. Кааш учил меня сознательно управлять нервной системой. Я не выйду из-под контроля, обещаю.

– Да, засада, – вздохнул Вир.

– Нет. Я никого не трону.

– Я знаю, – пожал плечами Вир. – Да если б ты был для других опасен, разве тебя привезли бы сюда? Юм. Пожалей себя хоть немножко.

– ...Пожалей? Я – себя пожалей? С какой стати?!

– Чем меньше ты себя жалеешь, тем более жалко выглядишь снаружи.

– Неправда!!

– Знаешь, если я вижу вот такое чучело ребенка, как ты сейчас, я тут же отправляю его в санаторий неврологии. К специалистам.

- ... Не вздумайте.
- Отправим, если дело пойдет плохо, – пожал плечами Вир. – Наверно, твои родственники думают, что сам Венок станет для тебя таким санаторием.
- Юм почесал бровь, подумал. Тоже пожал плечами:
- Да пусть они думают, что хотят...
- Они хотят тебе только добра.
- Да, – вздохнул Юм. – Они... как это? Великодушные.
- Что-то не очень у них получалось, – вздохнул Вир. – Юм. Ну что ты творишь со своей жизнью. Ты что, правда не можешь посмотреть на себя честно и увидеть, что ты живой, настоящий? Надо жить по-настоящему. Зачем ты так сам с собой?
- Иногда мне кажется, что я никакой и не живой вовсе.
- Это, кстати, страшный неврологический синдром. Юм, ну-ка, пожалуйста, скажи правду: тебе себя вообще не жалко?
- У меня все в порядке.
- Ты врешь. Ты знаешь, что врешь, – Вир взял снимок с ним пятилетним и показал снова: – Посмотри на этого ребенка. Что ты испытываешь? Говори сразу.
- Жалко. Потому что он правда жалкий. Вы хотите сказать, что я, на ваш взгляд, и теперь так же жалко выгляжу?
- Примерно. Куда хуже, если честно. Юм, если ты этого не признаешь, помочь тебе будет... трудно. Помогите этому несчастному пацаненку внутри себя. Юм, ну как же ты себе внушил, будто чудовищно в чем-то виноват?
- ... А вы знаете, в чем?
- Знаю. И дети никогда не бывают в этом виноваты. Никогда.
- Но я – Юмис.
- Ты полагаешь, что поэтому еще до рождения мог что-то там предвидеть и влиять на события? Юм, маленький дурачок, это просто нелепо, смешно звучит. Ничего ты не мог. Юмасик, у меня чувство, что никто и никогда с тобой об этом не говорил. Ну, включи логику. Какую чушь ты несешь, бедный. Это, кстати, тоже неврология. Конфабуляция.
- Я слышал это слово. А! Кааш тоже так говорил. Что я выдумываю то, чего помнить не могу.
- Значит, Кааш с тобой говорил? Что незачем тебе брать на себя такую вину?
- Но кто-то ведь должен.
- ... Это Кааш так сказал?!
- Нет, Кааш со мной об обстоятельствах моего рождения не говорил, потому что тогда я не умел еще собой владеть.
- ... Ты правда думаешь, что Сташ винит не себя, а тебя?
- «Конечно,» – хотел сказать Юм, но подумал, что так говорить мерзко. И он ведь не знает той правды, что на уме и на сердце у Сташа. Надо прекращать этот разговор, пока еще удастся подавлять энцефалообмен простым (Кааш научил) приемом, внушая нервному мозгу, что этот разговор с Виром вовсе не на самом деле и потому вообще не волнует. – Я не знаю. Давайте так, Вир: я понял, что надо что-то сделать с тем, чтоб не выглядеть так жалко и Сташа не позорить. Если для этого надо поработать с внутренним «я» – я поработаю.
- Ты говоришь, как робот.
- Да, я сейчас осознанно блокирую лимбическую систему. Иначе выброс нейромедиаторов так даст по всем структурам, что... Короче, не стоит. Но долго я ее держать не могу. Кора незрелая. Так что прошу этот разговор... Хотя бы отложить.
- Мы его вообще прекратим, – вздохнул Вир. – Ты только подумай все же над тем, что я сказал... Эта чудовищная вера в то, что именно ты во всем виноват – да она же лишена всякого смысла. Тупое отчаяние, не больше... Нужна надежда. Поработай с этим. Пожалуй-

ста. Ну ладно. Юмасик. Тебе тут будет хорошо, правда, Юм, и не надо выдумывать, что тебя поместили сюда в наказание. Не надо смотреть на эту школьную жизнь со стороны. Пойми, ты теперь внутри этой жизни.

– Я здесь, потому что должен вернуть свои прежние высокие способности и побыстрее начать делать что-то полезное.

Вир подумал, поиграл карандашиком, спросил:

– Должен? И все? А сам-то вернуть их – хочешь или нет? По правде – хочешь? Ты ведь Юмис Астропайос, ты можешь все, что захочешь, нет?

И почему он сам раньше не задавал себе такого вопроса? Свыкся с мыслью, что вернуть полеты на Высоких Равнинах невозможно? Юм выпрямился и уставился на Вира во все глаза. Он что, серьезно? Дар и все остальное можно вернуть? Снова стать частью всемогущей и всезнающей Сети? И опять сеять звездочки во все подходящие борозды космоса, как в детстве? Но Сташ разве отпустит?

– Звучит логично...

Вир засмеялся:

– Ну вот с этого и начинай, захочешь – и все вернешь. И переставай уже страдать, а то привыкнешь и на всю жизнь неврастеником останешься... Но... Знаешь, ребенок, твое могущество, твой Дар, Юмасик, – это сейчас совершенно не то, о чем следует думать. Полагаю, как только тебе действительно понадобятся такого рода инструменты – то ты без затруднений ими воспользуешься. Другой вопрос, что торопиться не следует, пока еще не окреп соматически.

– А о чем же следует думать?

– Да вот как бы тебе сказать, чтоб не обидеть... Ты, может, и небесное чудовище, Юмис там Астропайос, REX NAVIGATOR и все такое – но это только твои оболочки. Понимаешь? До этого мне дела нет. Меня интересуют ты сам, ты, как есть – а ты есть маленький, невежественный, замкнутый, трусливый, ледяной ребенок... Довольно жалкое существо. Ну какой в тебе сейчас интерес для отца? Ты – мощь, да, но по сути – болванка, кувалда. А ему нужен в тебе не то что тонкий сложный инструмент, а – соратник. Единомышленник. Ты ж сейчас вообще не в состоянии его понять. Забудь ты про космос, ты, тупая звездная сила, тебе бы человеком суметь стать. Чтоб Сташ увидел в тебе не примата, не истощенного невротика, не опасную обузу, а друга, с которым можно поговорить о важных вещах. Вот об этом мы с тобой будем думать и вот именно это постараемся изменить. Для этого как раз школа и нужна. Пора взрослеть. А то по сути ты – малыш-псих.

Юм не сразу смог заговорить:

– И что, вы в самом деле вот так насквозь видите? И все – видят? Меня – такого? Психа?

– Все видят то, что ты им показываешь, – голос у Вира был успокаивающим, точным, таким, что хотелось слушать и соглашаться. К тому же он ведь говорил правду – Юм ведь и есть такой, невежественный и трусливый. – А с виду ты немного странный, отчужденный, дикий, но видно, что послушный, мальчик... Это обнадеживает, хотя все твое послушание – с тоски, – Он вздохнул и улыбнулся: – Юм. Ты вот что пойми – ты еще маленький, и очень многого не понимаешь просто потому, что у тебя нет обыкновенного навыка просто жить. Ярун это понимает. Конечно, когда ты Астропайос, то все на свете знаешь – только в обычной жизни ведь тоже надо что-то знать и уметь, верно?

– Да... – от имени Яруна вдруг сжалось сердце. Он посмотрел на фотографию на столе, где Дед держал его на руках. Разве... Да, Дед его правда любит. И не как кусок космоса. А – по правде. А он-то сам, тупая бедняжка. Идиот. Скотина. Прав Вир: он – дурная кувалда. Отказаться от родства – значит предать.

– ...учиться и расти, – настойчиво говорил Вир. – А то привидение какое-то дикое, а не ребенок. Ничего, кроме своей навигации, не знаешь, разве что, говорят, немножко ноты

да псалмы. И вот еще что ты должен знать: ты не болен. И не считай себя больным. Хотя я бы тебя психиатрам показал.

Юм пожал плечами, думая о Яруне.

– Выдумал ты про себя какие-то гадости... Да, ты перенес травму мозга, но у тебя и своя выживаемость запредельная, и лечил тебя в итоге сам Кааш Дракон. Давай прекрати выдумывать ерунду. Ты ни в чем не виноват. Успокойся уже и живи нормально. Надо учиться. Ты просто мальчик, для которого у отца нет времени. И как человек, собеседник, помощник отцу – ты ноль. Потому Сташу не интересен. Сам должен понимать. У него и для остальных детей не было и нет времени. И не выдумывай ничего ужасного. Может, все твои выдумки оттого, что немножко смещена нейрохимия, но, анализы показывают, что все в пределах возрастной нормы. Поживешь нормально – и все пройдет. Все вспомнишь, ко всему приспособишься. И амнезия твоя никаких – понимаешь, никаких! – физиологических причин не имеет. Завтра можешь проснуться и все вспомнить.

Юм содрогнулся.

– Не хочешь? – тихонько спросил Вир. – Вот и умница. Душа понимает, что тебе окрепнуть нужно. А сейчас к докторам пойдем... Кстати, ты хоть знаешь, сколько тебе лет на самом деле? По календарю Дракона?

– Да неважно... Я...

– Тебе плохо? – испугался Вир. – Что случилось?

– Мне...

– Да говори же, не бойся!

Юм встал и сказал:

– Мне надо вот прямо сейчас увидеть Деда.

– Звучит категорически.

– Это необходимо.

– ... Слушай, да не бледней ты так... Сейчас, – Вир встал и пошел к экрану связи. – Надо – значит, надо. Вижу.

– Он уже улетел? – побежал за ним Юм.

– Нет, он хотел пару дней побыть тут... В смысле он – на орбите... Хочет знать, как ты тут приживешься. Юм, он очень тебя любит.

Стало совсем стыдно. Он еле дождался, когда Вир свяжется с Яруном, скажет какие-то подобающие слова – и наконец Вир подтолкнул его к экрану. И тут он потерял дар речи. Ярун смотрел на него встревожено и с такой любовью, что он чуть слезами не облился. Ярун спросил мягко:

– Ну, что?

– Деда...

Ярун вздрогнул:

– Ты осознанно это слово произносишь?

– Да я вообще вдруг... Очнулся. Дед, мне... Мне очень нужно с тобой встретится. Очень-очень. Пожалуйста... Пожалуйста!!

– Ох, родной... Конечно. Вир, пусть его ко мне отвезут сейчас.

Через пять минут он уже сидел в большом орбитальном люгере, а черные снежные леса внизу таяли в седой дымке. Пространство уходило вниз и откатывалось, превращаясь в сизый шар планеты. Тьма космоса охватила кораблик и понесла к терминалу, где был ошвартован огромный черный крейсер. Он старался сидеть неподвижно и дышать ровнее, но уж слишком медленно и осторожно пилот вел люгер. Что за порыв охватил его – он даже не думал, а всем существом устремился к Яруну. Этот снимок, на котором его маленького держит на руках Ярун, оказался дверкой в какой-то тихий мирок, где его ничто не пугало, потому что там был Ярун. Оказывается, Ярун был с ним всегда, с самого начала, а не только в эти последние месяцы

болезни или когда навещал в интернате. Юм даже не пытался соображать, его несло к Деду: вцепиться, прижаться, вымолить прощение!

Он еле пережил пару минут герметизации в шлюзе и еще минуту, пока люггер не причалил внутри; выскочил в холод на параван трюма и помчался к темной фигуре, приближающейся с дальнего края. Его топот не успевал за ним, оставаясь эхом в холодном, огромном вместилище трюма. Домчавшись, он едва сумел затормозить, чтоб не врезаться в Деда; замер, перестал дышать, сжался – но Дед протянул руки и Юм бросился к нему на шею точно так же, как делал это раньше столько, сколько помнил его.

Дед крепко прижал его к себе и стало тепло. А потом он вдруг проснулся в тепле и тишине: Дед держал его, закутанного в мохнатый плед, на коленях и едва заметно улыбался. Дал попить горячего, поцеловал в макушку и велел не реветь. Юм как-то укрепился, выпутался из пледа и сам его обнял, уткнулся, чтоб спрятать лицо:

– Деда... Прости меня, пожалуйста, я вчера... Я вчера был не прав.

– Зверюшка ты моя родная. Ты не представляешь, как я рад, что ты примчался. Ты и не объясняй ничего, сердечко, я и так все понимаю... Голова не кружится?

– Да нет... А чего это я вдруг уснул?

– Вообще-то это был обморок, – сухо сказал Дед. – Уж очень это все для тебя тяжело, вот мудрый мозг тебя и спасает: раз, и выключает сознание. Чтоб ты своим умом детским не натворил чего... Чтоб не переживал так. Ну что, сейчас-то полегче?

– Еще бы. Только... Только, пожалуйста, не будем больше говорить о... Сташе, – через силу, невольно передернувшись, произнес это имя Юм. – А то включится базовый импринт, и я опять буду только визжать и кататься по полу.

– Так ты что, понимаешь, что с тобой происходит?

– Только то, что оно меня сильнее... Эмоции сильнее разума. Кааш учил их отсекаать, но у меня силы долго держать эту перегордку нет...

– Пока – да. Не думай сейчас об этом вообще, – велел Ярун. – Вот подрастешь, психика окрепнет, тогда и будешь разбираться. А то ну что ты есть: козьявка какая-то глазастая.

– Да, – сознался Юм. – Все вокруг такие большие... Знаешь, я еще вспомнил, давно-давно было: я был совсем маленьким, все вокруг – какое-то совсем уж огромное, в смысле вещи и люди, я где-то лежал и вроде болел, не помню – как-то плохо было, очень холодно, кровать казалась каким-то белым полем, где никак не спрятаться. А ты пришел, но я даже с тобой не хотел говорить, мне хотелось, чтоб меня не было... Но ты просто сидел рядом, долго-долго, смотрел на меня и мне хотелось, чтоб ты положил на меня руку... Ты был родной. И ты гладил мне босые ножки, и они переставали болеть и мерзнуть...

– А-а, это тебе два года исполнилось, – вспомнил Ярун. – Маленький был, упрямый, наорал на Сташа, даже, говорят, укусил – а потом разболелся, и никого к себе не подпускал, меня только... Но ничего, поправился вскоре, снова начал летать – тогда тебя только начали обучать таймфагу. Ножкам твоим тогда досталось... Так жалко было тебя.

– Сташа... Укусил?

– Укусил, – усмехнулся Дед. – На самом деле ты вовсе его не боишься. Ты вообще ничего и никого не боишься... Потому что у тебя есть Сеть. Ты помнишь? Ты вчера ее упомянул.

– Наша? «Никому и никогда не говорить» которая?

Дед провел кончиками пальцев по его черной полоске ото лба к затылку, поцеловал:

– Да. Ты ведь никому не говорил?

– Нет. Да ее в Бездне-то нет, она только тут, дома... Самому со всем приходилось справляться. Без нее трудночато чудеса творить...

– Но ты творил.

– Слабенько. Но Укору хватало. Видно, какие-то локусы Сети меня все равно сопровождают и встраиваются в любое устройство, в любую энергию.

– Думаю, ты сам эти локусы создавал. А сейчас ты ее чувствуешь?

– Да. Она как паутина. Только шевельнись – и ты пропал. Стараюсь не шевелиться.

– Да почему пропал-то? Она тебе нужна.

– Да, но... Я даже через Сеть не хочу... Соприкасаться с сознанием Сташа.

– Так он тебе и позволил соприкоснуться. Ох, Юмка, да он и так о тебе все знает. И ему, в общем, сейчас не до тебя. А против твоего контакта с Сетью у него возражений нет. Были бы возражения – так ты до сих пор и болтался бы на «Паладине», изолированный. Так что – вперед. Восстанови хотя бы свои детские кластеры. Головушке полегче станет. Да тебе и учиться еще всему-всему... Ох. Юмушка, я тут на тебя посмотрел: ты на летном поле как статуя встал, руки в карманы и сам ледяной. Ты что, вообще не хочешь оставаться в «Венке»?

– Я хочу с тобой остаться...

– Нельзя.

– Я знаю. Венок... Ну, я его увидел... В Венок тоже хочу... Интересно же... там красиво... Буду учиться, чтоб не быть как младенец. Вир прав, я многого не знаю, а должен стать тебе и Сташу помощник. Мне уже пора обратно, наверное.

– Попозже. Я тут распорядился кое-что сделать – надо подождать... Вир мудр, он с Берега, такие все видят. Ты его слушайся. А что, внук, может, поешь?

– Да, – обрадовался Юм и выпутался из плета окончательно. – Очень.

Ярун усмехнулся, взял его за руку и повел за собой. Юм не строил из себя большого, не вынимал из огромной ладони руку – и ноги что-то подкашивались, и без ладони Яруна было бы страшно... Как же он потом один в этом «Венке»? Не сразу решившись, спросил:

– Ты здесь тоже будешь меня навещать?

– Само собой. Я тебя никогда не покину. Ты мой самый младший внучонок, Юм, последний, да и вообще... Ты мне очень дорог, и я все сделаю, чтоб помочь тебе вырасти... Садись. Ешь на здоровье.

На столе было очень много разной красивой еды, как и обычно в этой темной корабельной столовой. Юм сел на свое место, куда садился во все время перелета, посмотрел на привычные вещи, на тяжелые салфетки и большие столовые приборы, на скатерть в серебристых и черных узорах – ему показалось, что он смотрит на все это откуда-то издалека. Его уже не должно здесь быть, он сейчас должен обедать где-то в школе... Ему подали суп, и от первой же горячей очень вкусной ложки сразу сделалось легче, он даже будто видеть стал лучше, а в комнате стало светлее. Смутно на душе стало, когда он посмотрел на пустое место Ние. Перед Ние тоже должно было извиниться... Но Ние не было в его раннем детстве – а Дед был... Но ведь он обещал Ние дружить? И – нельзя обманывать доверие.

– Ты возьмешь меня к себе в гости?

– Конечно. Только не «в гости». Мой дом – это и твой дом тоже.

– Я еще ни у кого никогда дома не был.

– Вот пройдут экзамены, тебя примут, определят программу – и до конца лета каникулы. Я планировал на это время взять тебя домой.

Юм перестал дышать. Это что, ему можно на такое надеяться? Дед возьмет его к себе домой?

– Ты ешь давай, – улыбнулся Дед. – Тебе для экзаменов силенки понадобятся. Да и потом, на каникулах, тоже: мы с тобой возьмем мой парусник, пойдем в море. Окрепни давай, а то штурвал не удержишь.

– Возьмем что?

– Парусник. Судно с парусами. Двигается при помощи силы ветра.

– Оно летает?

– Оно идет по морю, по волнам. А ветер дует в белые-белые паруса.

– Я не видел...

– А лодочки в каналах видел там, в прежней школе? Ну вот, такое же, только большое. Да ты многого еще не видел – сколько же у тебя еще впереди всего счастливого...

– Я буду ждать... Деда, а мне ведь уже пора в «Венок»?

– Да. Ведь экзамены уже завтра утром. Ты доел? Мороженое будешь?

– Нет, я орешков... А можно я немножко с собой возьму?

– Конечно... Ну, пойдем. Я хочу тебе что-то подарить.

Они вернулись в кабинет. И вскоре стюард принес Яруну что-то в небольшой коробочке на подносе. Ярун долго рассматривал это, потом сказал стюарду:

– Передайте мастерам, что я доволен и очень признателен. Это именно то, что требовалось. Такая тонкая работа в такой краткий срок – и выполнена безупречно. Передайте мою благодарность.

Юму становилось все интереснее. Наконец Дед сказал:

– Эй, внук... Дай-ка руку... Нет, левую... Вот так, – и он застегнул на запястье Юма детский браслет, украшенный небольшим, каким-то очень знакомым черным камнем. – Не прошу, чтоб носил постоянно, ведь в таймфаге, наверное, будет мешать. Прошу – сберечь. Это тебе... Так скажем, памятка.

– Это из твоего перстня камень!!

– Да и металл из него же – как раз хватило, ты ж еще малыш. Руки как веточки... Но вот потом тут, смотри, можно покрутить и он раздвинется. Носи и носи. А когда вырастешь, вели, чтоб тебе из браслетика опять кольцо сделали.

– Хорошо, – согласился Юм. – Только какой камень непростой!

– Вот расскажу тебе потом не спеша, что это такой за камешек. Думаю, с ним тебе будет полегче. Ну и... Он особенный. Можно сказать, это камень с другого края мира.

Юм обнял его за шею и прошептал секрет:

– Я давно мечтаю посмотреть, что там на том краю, что за краем. Я придумаю, как туда долететь. Только надо построить такие... парусники.

– Ты построишь, – тоже тихонько ответил Ярун, улыбнувшись. – И долетишь всюду, куда захочешь. Ведь времени нет. Смотри, вот, видишь узор на камне? На самом деле это буквы, это слова древнего-древнего языка, и написано тут: «Время не существует».

0,4. Экзамен на все

До самого позднего вечера с Юмом долго и неторопливо возились четверо врачей, один из которых был тагетом, а трое других работали в симбионтах. Причем кареглазого худого тагета, с тонким шрамом над бровью и тихим голосом, Юм узнавал – где-то когда-то видел, но не помнил, а двоих других врачей хорошо знал еще с весны. С ног до головы они его обследовали, выписали кучу витаминов, а потом долго-долго – Юм успел, держась одной рукой за подаренный Дедом браслет на другой, задремать на кушетке под легким одеялом поверх прилепленных по всему телу датчиков – бормотали над картинками своего компьютера. Но краем сознания Юм чуть удивлялся – почему ему понятно, что такое нейровегетативная стабилизация, нейропиль, мультиполярные нейроны и вообще цитоархитектоника? Где он все это уже слышал? Нет, чтоб важное что-нибудь помнить... Вот только тихий голос – мужской голос, объяснявший ему все эти термины – словно бы звучал где-то совсем близко за краем реальности, казалось, прислушаться – и он придет на самом деле... Кааш. Он его лечил, учил чему-то... Хотел, чтоб он стал хороший...

И еще они все удивлялись чему-то, восхищались безупречности, совершенству работы, Юм даже забеспокоился, когда они снова положили его на кушетку вверх спиной и что-то стали в его позвоночнике высвечивать и высматривать. Бывало, что у Юма поясница ныла и немела, но это было так часто, что стало привычным. Но вот когда спина начинала болеть, то такой злобной болью, что унять ее можно было только за несколько часов неподвижного лежания на твердом полу. Ничего приятного. И плакать хочется. Лежишь и терпишь. А врачи сейчас говорят, что – «исцеление»? «Волшебное»? Что ж там стряслось-то с ним такое, что теперь «это чудо»? Что такого он натворил, что кому-то пришлось перешибить ему хребет?

Потом и врачи, и Вир долго объясняли ему, что он маленький, хрупкий, что должен за своим здоровьем следить: хорошо кушать, гулять, не переутомляться; беречь ноги и спину, что ему нужно окрепнуть и побережться от стрессов. Юм соглашался. Он и сам знал, что резервов организма почти нет. Но озадачило, что на самом деле он на два с половиной года старше, чем раньше все вокруг считали.

– Рос в космосе, – ничего не объяснил полужнакомый доктор. – К тому же наследственность специфическая, плюс реакция на стресс. Способ выживания, мимикрия и временной бонус одновременно.

– Я не расту, чтоб выжить? – чуточку обиделся Юм.

– Сейчас уже потихонечку растешь. Но все равно слишком медленно. И дальше будет еще медленнее, тебе это лучше заранее понять.

– Почему?!!

– Это отдельный разговор, и не мне его с тобой вести.

– ...Что я с собой сделал? Что я испортил?

– Думаю, в это даже ты вмешаться не мог. Такая у тебя природа.

– А лекарство? Чтоб я рос?

– Нет лекарства. Малыш, спокойно. Я скажу Ние, чтоб поговорил с тобой об этом, – пообещал Вир. – Ну что ты. Да все на свете люди с тобой бы мгновенно поменялись, ты ведь жить будешь долго-долго, запредельно долго, нам не представить...

– Это еще и надолго, – чуть не заревел Юм. – Да что ж так угораздило-то... Ох. Там в маленькой школе одноклассники, когда я думал, что мне десять – как кони, я как гном с ними рядом, а они, оказывается, еще и младше на два года... А тут я что буду – муравей?

– Не в ясли же тебя сажать? – усмехнулся доктор.

– А куда меня вообще тогда...

Вир подошел и погладил по лопаткам:

– Солнце мое, не горюй. Вот экзамены посмотрим, как сдашь, может, правда – в ясли... Юм, ну – уймись. Ты – это ты, всем безразлично, какого ты роста.

– Самая маленькая из моих проблем, – согласился Юм. – Но все равно... Я-то думал, вот вырасту... А тут еще сколько лет голову задирать. Извините. Я точно не виноват?

– Нет. Слушай, ты что, боишься ребят? Вот с кем предстоит учиться? – догадался врач. Юм честно кивнул.

– Никто не обидит. За что тебя обижать? К тому же у тебя двойная альфа охраны, ты под присмотром всегда, – хотел подбодрить Вир.

– Еще и это...

– Так надо. И тебя берегут, и ты себя береги. Первое дело – ноги, не бегай подолгу, а то хромать начнешь. Второе – спина, травма серьезная, ты восстанавливаешься великолепно, но в кое-каких отделах позвоночника еще прослеживается слабость. Ничего такого, что меня беспокоило бы, но помни – пока не окрепнешь – никакой беготни и ничего тяжелого не поднимать, – доктор взглянул на Вира: – И никаких симбионтов и имитаторов. Рано. Никаких тяжелых интерфейсов. Пусть книжки читает.

– Я вижу. Прослежу, – печально сказал Вир.

Они одновременно взглянули на внимательного, облепленного датчиками голого Юма, все еще сидевшего на высокой жесткой кушетке. Юм чувствовал себя калекой, несчастным и изнуренным. Как стыдно. А они посмотрели, переглянулись, и доктор вдруг улыбнулся:

– Имитаторы ему точно ни к чему, пусть жить учится. И страсти жить в нем куда больше, чем ему самому кажется. Будет, будет у нас эта умница угрюмая и свободным, и веселым.

– Ты видишь? – усмехнулся Юм, отлепляя от замерзшего живота теплые разноцветные монетки датчиков.

– Вижу, – строго сказал доктор. – Если бы ты еще сам этого захотел.

– С какой стати? – Юм продолжал отклеивать и отковыривать диагностическое оборудование и старался на тагета не смотреть. Почему-то расстраивало его не то, что чужой человек видит его насквозь, а то, что он даже имени этого человека не помнит. И вдруг – он вспомнил!! это имя, веселое и доброе:

– ...Вильгельм... Ты так говоришь, будто не знаешь меня. А я-то тебя помню уже давно. Ты меня давно лечишь, пора уж привыкнуть – какое мне веселье?

– Тебя несет инерция прошлого, – спокойно ответил Вильгельм. – Сам себя не знаешь, никак не поймешь – если кто и может вытащить события из страшной ямы – так это именно ты сам. Можно, конечно, делать скидку на то, что ты еще мал, но ведь не бесконечно же... Пора подниматься на ноги.

Юм фыркнул, чтоб не заплакать – почему-то Вильгельму удалось заставить его почувствовать стыд за одиночество, стыд за беспомощность и за жалость к себе, почувствовать боль от одиночества, боль от того, что сейчас он не с Дедом, а опять один среди чужих. Врача его фырканье не провело. Он улыбнулся, взял руку Юма – Юм дал покорно, думая, ему нужно что-нибудь медицинское, кровь из пальца или там что – но тагет мягко повернул его кисть тыльной стороной вверх, наклонился, поцеловал ему зачем-то пальцы – Юм оцепенел – и тагет прижал его ладонь к своему лбу. Юм отнял руку:

– Это зачем так?

– Не знаешь, – нежно сказал Вильгельм. – И не надо пока. Помни только о том, что твоей воле мало кто может противостоять. Тебе дано больше, чем любому из живущих. Да, и – спасибо. Мне очень приятно, что ты вспомнил, как меня зовут.

Потом Вир, к которому Юм уже незаметно привык, сам отвез его сначала в маленькое, пустое из-за позднего времени кафе, все яркое и радужное, с интересной непривычной едой, а потом в городок Венка, который смешно назывался «Гусеница», потому что там, среди прочих, было одно длинное-длинное здание, в котором проходили экзамены для новичков. Полет

в глубокой тьме Юма слегка напугал. Как же Вир находит ориентиры? Перед Виром на турели не светился ни один экранчик. Не по звездам же... Какое холодное черное небо. Да еще «Гусеница» какая-то... Он спросил.

– Просто считается, что малыши – сами по себе гусеницы, из которых в конечном итоге должны вывестись прекрасные бабочки, – усмехнулся Вир.

– Я тоже? – Юм невольно вспомнил золотое облако бабочек, тонущее в черной речной воде. И как их пожирала рыба.

– Гусеницы ползают, листики кусают, жизни радуются. А ты в коконе сидишь. Знаешь, такие штучки, «куколки»? Вот это ты и есть. Пора выбираться.

– Еще зима. Все зима и зима, – Юму про бабочек рассказывали в начальной школе на Океане, так что метафору он продолжить мог. К тому же с чего выбираться, если всегда так холодно... – Но я постараюсь. Не очень только понимаю, как сделать весну. Но я ведь здесь, значит, научите...

– Лишь бы ты сам хотел, – серьезно сказал Вир. – А пока просто живи. Привыкай. Хочешь, Ние позову? А он тебя домой к себе на эту ночь заберет, а утром привезет прямо на экзамен?

– Нет. Я буду как все... К тому же я и так его уже замучил.

– Как скажешь. Вот тебе сотик, пусть всегда с тобой будет. Каждый вечер будешь мне звонить обязательно, и еще – когда я вдруг тебе понадобится... И Ние звони, хорошо? Да отпусти ты свой дедушкин браслет, никто не отберет.

– Мне просто так теплее. То есть спокойнее.

– Да уж понятно. А вот эти часики прямо сейчас надень на другую руку и никогда-никогда не снимай, даже в душе или бассейне – это чтоб нам было спокойнее.

Юм взял легонький браслетик и разглядел на циферблате белого волка в черном треугольнике. Одел на правую руку, сравнил два браслета, вздохнул. Один символизирует свободу во Вселенной. Другой – теперешнюю детскую неволю. Что ж, надо как-то жить... И еще на школьном браслетике красная кнопка экстренного вызова.

– Это датчик для охраны?

– Да. – Вир посадил люггер у слабоосвещенного, с темными окнами, спящего здания. – Все. Начинается твоя обычная жизнь здесь. – Он взглянул на Юма и улыбнулся: – Сейчас ты хоть чуть-чуть на живого ребенка похож. А то утром – ужас, статуя конквистадора. Так хоть немного оттаял.

Юм не выдержал и улыбнулся.

Вир обрадовался:

– Сейчас-то привык немножко?

Юм кивнул, сам не зная, к чему ж он на самом деле привык – к Венку с врачами и Виром, или к тому, что настоящее одиночество больше его никак не касается. Ведь у него есть Дед, и можно ждать каникул и того, что Дед прибудет сюда на своем огромном черном корабле и заберет его до конца лета к себе домой. На миг ему стало жутко: а если б он утром не решился встать и сказать: «Мне надо увидеть Деда»? Что бы тогда с ним сейчас было? Ух... И все-таки надо позвонить Ние... Он ведь брат. И – дружить. Да. Только что сказать?

Вир сдал его с рук на руки строгой пожилой воспитательнице, которая равнодушно занесла его, названный Виром, номер «5» в списки какой-то двенадцатой группы и по длинным запутанным коридорам со множеством дверей, за которыми спали мальчишки, отвела в такую же крошечную, как у всех, комнатку. Никакого интереса она не проявила, хотя Юм невольно почувствовал в ней сигму. Но она всего лишь дала ему одноразовую зубную щетку и спросила, не нужно ли ему чего еще, пожелала спокойной ночи и ушла. Юм умылся, медленно разделся, лег под уютное одеяло. Свет погасил. Комната пахла школой. Тут спокойно. За стенкой спят мальчишки... Немного озяб, и тогда свернулся клубком, стал дышать в колени. Нашу-

пал на руке дедов подарок, накрыл теплый камень ладонью... Откуда у Деда этот камень? Неужели он так давно живет? И бывал на том краю мира? Или он пришел оттуда? В приоткрытое маленькое окно вливался густой от темноты и звезд хвойный холодный воздух. Юм ни о чем не думал, согревался, только слушал, как близко над крышей распевает какая-то ночная птичка. Нежные звуки трогали сердце, но ведь его, так виноватого, вообще любое хорошее не должно касаться... Он невольно старался разгадать гармонию, распутывал прерывистый узорчик, раскладывал щебет и свист по нотам... Что же ему теперь с собой делать...

Как же так – не расти совсем... То есть очень-очень долго расти, века... непонятно... И ужасно...

Ну, и поделом...

Его разбудила прохладными звуками полившаяся с потолка музыка, и он хотел было начать распутывать ее, но тут же узнал один из священных Орденских хоралов – только в очень лихой аранжировке, и поначалу оторопел. Но главная линия мелодии была так точно и почти математически логично углублена, что у Юма озноб полез по шее к затылку. Он выскочил из-под нагретого одеяла в холод и едва удержался, чтоб не влести в нее голос, которого музыка нетерпеливо требовала – но опомнился. Какая ему теперь музыка? Нельзя ведь, пока не разрешат... А что это тут опять так холодно?

– Доброе утро, ребята, – мгновение тишины спустя сказал знакомый голос Виры. – Пора вставать. Через пятнадцать минут завтрак, через час – начало первого экзамена. Языки допуска к сочинению – общий, легийский, ирианский. Номер на дверях вашей комнаты – это номер, под которым вы проходите все экзамены. Указывайте его во всех работах.

Страшно... Сочинение какое-то... хорошо, что хоть сегодня никто не узнает, как его зовут. Как бы вообще это имя от себя оторвать, чтоб никто тут в этом школьном мире и не знал никогда, кто он такой... Но Дед сказал, что надо пользоваться именем... Интересно, а им не зазорно, что он, с таким жутким именем, и – такой мелкий гном? Да еще и псих?

Юм сел, сразу замерз, схватил и торопливо надел штаны и ужасное синее в серебряных вышивках, слишком роскошное и тяжелое для школы платье. Умылся, переплел короткую косичку, оглядел себя в зеркале – сойдет. А за дверью уже катился звонкоголосый шум. Не сразу решившись, он вышел и угодил в толпу нарядных торопливых детей, а сверху опять обрушилась издевательски жизнерадостная музыка. Он посмотрел на дверь – «№5», потом пошел за всеми и чего-то, не ощутив вкуса, поел в большой столовой, тесной от гомонящих детей и мелькающих тарелок и подносов. Немножко согрелся от горячего какао, только пальцы так и остались ледышками.

Потом всех этих ясноглазых румяных детей, притихших от волнения, в яркой одежде, загорелых, летних – позвали в ту самую «Гусеницу», и там развели по маленьким комнаткам без окон. В каждой стояла парта, на которой лежали нелинованная зеленоватая бумага и простая ручка. Никакой электроники, кроме камер слежения по углам потолка и экранчика на стене. Едва Юм сел за парту, на экране побежали слова:

– Твоя задача: как можно более полно ответить на два вопроса. Первый: Почему ты хочешь учиться в Венке? Второй: Что такое, по твоему мнению, Дар?

Юм оторопел. Вопросы остались мерцать на экране. Юм почесал бровь, подышал в пальцы и взял ручку. Ни Дара, ни желания учиться в Венке у него не было. Но зато он очень хорошо представлял себе, как будут отвечать на эти вопросы жизнерадостные вундеркинды в соседних комнатках. Вздохнув, он написал вверху листа на Чаре: «это для всех», а потом пониже, на общем языке, идеальным, моторно-оптимальным почерком, без единой ошибки написал довольно длинное, по всем правилам риторики, сочинение с главной идеей в том, что любой талант – это условие обретения персональной судьбы, и тому подобные нужные взрослым правильные мысли. Писал, закусив губу и не поднимая головы, и управился за полчаса.

Где-то когда-то его жутко тщательно учили, и он много писал сочинений на заданные темы, много упражнений – он как наяву увидел толстые учебники с мелким шрифтом правил и пояснений... Готовили поступать сюда? А он где-то угробился, потерял память, угодил в госпиталь, а потом в маленькую школу...

Перевернул лист. Долго сидел, закрыв лоб и глаза ледяной ладонью. Лоб был горячий, и пальцы немного согрелись... Ему вчера понравился Вир, который знал о нем больше, чем он сам и, судя по всему, до этого отношения никакого к Юму не имел. Но он служит Дракону? Что ж, а разве сам-то Юм не собирается теперь всю жизнь на это положить? Но Вир заслуживал честности, и Юм снова взял ручку. Тесная холодная комната начала его угнетать. Он посмотрел на матовые стены, покосился под потолок, откуда окуляры наблюдения считывали не только то, что он делает, но, быть может, регистрировали частоту дыхания и пульса, анализировали энергетическую активность мозга и газообмен в легких... Как бы перетерпеть это внимание? Он вздохнул и подписал листок: «Это правда. Виру и Ние».

Буквы Чара были как из другой вселенной. На Чаре он писать учился без учебников – их вообще не существовало, но правил было куда больше... А кто учил-то? Кааш. Родной голос... Тоска... Нельзя отвлекаться. Чар тяжел. На нем не соврешь. А еще в нем была пропасть непроизносимых букв, чудовищные чередования безударных гласных, разделительные буквы, дифтонги и вообще стада ловушек, которые делали письмо на Чаре изошренным сторожевым испытанием. А правду-то писать как жутко... Да чтоб еще ни слова про Сеть...

«Мой Дар – врожденная уникальная способность без ограничений изменять реальность. Способность контролировать поток событий на всех уровнях. То, от чего невозможно отказаться. То, чего все вокруг требует. Единственное, что во мне представляет ценность. Единственный резон оставить меня в живых.

Если я хочу жить, то должен работать. А если не хочу, то все равно должен. Я не хочу. Но буду.

Потому что Дар уже взял в уплату все, чего у меня больше нет.

И теперь я – это только Дар.»

Поставив точку, он сразу взял листок, вышел скорей из противной комнатухи, пошел по прохладному коридору. У открытых дверей выхода, откуда лился свет и зеленый трепет листьев, взрослые за большим столом прервали свою беседу и ждали Юма. Смотрели удивленно, но не слишком. Тут полно малолетних гениев.

– У тебя еще два часа в запасе, малыш, – сказала очень красивая темноволосая женщина. – Ты уверен, что хочешь сдать работу?

– Да.

– Ошибки проверил?

– Да.

– Хорошо, – она взяла листок и в уголке проставила время. – Ты первый. Давно не было таких ранних.

Юм пожал плечами. Молодой парень, вроде бы сигма, в белой рубашке с каким-то синим, ярко посверкивающим квадратиком на плече, взял листок и удивленно посмотрел светлогарими веселыми глазами:

– Ты знаешь Чар?

– Да.

– Писать можно было только на одном из трех языков, – самый старший из взрослых, строгий старик в коричневом костюме, тоже взял листок и посмотрел. – А мы Чара не знаем. Зачем ты так поступил?

– Переверните листик, – вежливо попросил Юм, стараясь не ежится от холода из дверей. Какое ледяное лето. – На общем я написал для всех, как требуется и сколько требуется. А на Чаре – это правда, которую я обещал Виру.

Главный учитель посмотрел на него поверх листка:

– А нельзя было совместить правду с тем, что, как ты говоришь, требуется?

– Нет, – вежливо улыбнулся Юм. – Ведь кроме правды я был должен еще явить навыки риторики, так?

– Так. Ты – сложный случай.

– Не только для охраны, – вставил кареглазый парень.

– Мы пока почитаем, что ты тут для всех написал, – Женщина взяла Юма за руку – какая у нее горячая ладонь! – и повела к выходу. – Посиди пока вот тут на скамеечке, подыши чистым воздухом. Что-то ты бледненький, похоже, уж слишком разволновался, хотя виду не показываешь... Никуда не уходи.

Скамейка была холодной, твердой и неудобной, с запада дуло прохладным, дождевым ветром. Под ногами знакомые разноцветные камешки, симпатичная гладенькая галька, и, поддавшись гипнозу кажущейся упорядоченности, мозг начал составлять гальки в бессмысленные узоры – стоп!! Он скорей оторвал глаза от камешков – вокруг, совсем близко, тянулись в глубокое небо тонкие, с оранжевыми пахучими стволами, сосны, а меж ними плыл невидимый прохладный ветер. Юм сидел в солнечном, чуть теплом пятне света и смотрел, как сонно и плавно качаются крепкие негибкие ветки, и ежился от холода. Скоро, наверное, дождь. Он помнит, какой бывает белая зима, мокрая душистая весна и лето. Здесь тоже лето. А потом, если все будет в порядке, он еще и осень увидит сам, своими глазами. Только до осени здесь еще далеко. К нему подошел пожилой дядька в серой волчьей рубашке охранника:

– Ты что дрожишь? Озяб? Или волнуешься?

– Нет; я немножко мерзну, – выпрямился Юм. Дядька этот только с виду выглядел простовато. Глаза его, серые, широко расставленные, глубокой зоркостью выдавали в нем тагета. – Здравствуйте.

– Здравствуй, – он махнул кому-то за углом, и кто-то, легкий и быстрый, куда-то помчался. – Меня зовут Тихон, можешь так ко мне обращаться. Я начальник охраны Венка.

Еще бы он не был тагетом. Столько драгоценных вундеркиндов охранять. Юм даже встал и вежливо сказал:

– Извините, пожалуйста, что со мной у вас столько работы. Все эти двойные эшелоны и всякая прямая охрана. Это – много работы. Я постараюсь никаких неожиданностей не вытворять и соблюдать все режимные моменты. А долго я буду этой самой «двойной альфой»?

– Всегда, – дядька его внимательно разглядывал. Сел на скамейку, ласковой огромной ладонью усадил рядом Юма. – Ты у нас такой – первый за всю историю Венка. Пока нам трудно, несмотря на все штатные учения и на то, что всю неделю перед твоим приездом мы отрабатывали возможные ситуации. Но, похоже, ты намеренно жизнь нам осложнять не будешь, так?

– Намеренно? Зачем?

– Некоторые детишки группы «Бета» считают наши хлопоты чем-то вроде спорта. Развлекаются. Недолго, правда.

– Я не детишка, а чудовище, – пожал плечами Юм. – Будет необходимо уйти, так что мне вы или сторожевые станции на орбите?

– Спасибо за честность, – сказал Тихон. – А мы-то хотели с тебя прямую охрану, как пройдешь экзамены и окажешься в своем анклав, снять.

– Да без причины я ничего неожиданного делать не буду. И вообще никто никогда не пострадает. Но я не прошу охрану снимать. Так всем спокойнее. Мне тоже. Да и не разрешат, наверно.

– Так ты считаешь, что мы не тебя от других охраняем, а других от тебя?

– Я ужасно опасен.

– Но ты вменяем; не агрессивен; говорят, дурака валять не должен. Тихоня. У нас приоритет по тебе: чтоб был в безопасности. И следить за здоровьем. А ты мерзнешь среди лета.

Из-за угла выбежал легкий рыжий парнишка в серой волчьей футболке и набросил на Юма новую легкую белую куртку, сморщил конопатую переносицу, подмигнул и исчез.

– Волчонок у вас смешной, – Юм влез в рукава и застегнулся. Теплее что-то не стало. Посмотрел вслед убежавшему рыжему.

– Но толковый. Ты ведь его и не замечал все утро, правда?

– Да. Давайте сотрудничать, – предложил Юм. – Мне некуда уходить, поэтому никакого смысла в вашей прямой охране нет. Если я почувствую себя плохо, я нажму вот кнопку на часах, обещаю. А если мне уйти отсюда всерьез станет необходимо, так я вас первого предупрежу. Чтоб никто не пострадал.

– Лихие предупреждения.

– Пока я не вижу смысла убегать. Спасибо за куртку.

– Покажи-ка обувь. У тебя еще что-то есть?

– Нет, – Юм тоже посмотрел на свои черненькие, из легкой кожи, ботинки с толстой, но гибкой специальной подошвой и защитой голеностопа. Еще совсем новые – Ние тогда в первый день на корабле помогал обуться. Понятно, почему Тихон спрашивает – такие невесомые ботиночки рассчитаны на корабельные палубы, а не на разнообразный грунт; и изготовлены для чутких стоп тайм-навигаторов – сколько Юм себя помнил, он всегда носил такие и не задавался вопросом, откуда они берутся. Даже красные сандалики были такими. Кто-то все время помнил даже про особенную подошву таких ботинок. Кто-то хотел бы, чтоб он снова летал? – Я понимаю, что они для планеты не годятся, но их же на ногах не чувствуешь совсем. Никакие другие я не могу носить. Не развалятся.

– Ладно, обойдешься пока. Проблема в том только, что на Айре вообще такую обувь не делают... Ничего, пришлют. А в анклав тебе кучу одежек дадут всяких форменных. Часики не снимай, помнишь? И зови по всякому поводу, – Тихон поднялся. – Увидимся еще сегодня.

Из дверей рядом вышел старый учитель в коричневом костюме и стал рассматривать Юма, как занятное неведомое насекомое. Юм на всякий случай встал. Надо быть вежливым.

– Тебе сколько лет? Выглядишь ты едва на восемь, а пишешь, как ритор-инквизитор. Где тебя учили? В Ордене?

– Не знаю, – хмуро сказал Юм. – Не помню никакой другой школы, из которой у меня документы.

– В начальных школах Океана такой риторике не учат. Даже мы начинаем обучать таким манипуляциям детей значительно старше тебя.

– Я сам писал, – счел нужным сказать Юм. – И никому ничего не хотел внушать.

– Мы знаем, – улыбнулся подошедший парень в белой рубашке с интересным синим квадратиком на плече, который опять привлек взгляд Юма. Что это за штука? Удостоверение? Знак отличия? – Мы для себя сняли копию с твоего сочинения на общем языке, а оригинал отправили Хранителю Вирлиру. Баллов за сочинение ты набрал пятьдесят из пятидесяти возможных. Писать умеешь, да. Умный. И хорошо учили.

– Сейчас у тебя выбор, – сказал старик. – Или идти отдыхать до завтра, или продолжать экзамен.

– А что там дальше?

– Пока математика, – ответил парень. – Решать трудные задачки.

– Я пойду порешаю, – представив сладкую путаницу неравенств и переменных, кивнул Юм.

– Тогда пойдем. Провожу тебя.

Юм вежливо попрощался со стариком. Парень повел его в другую часть здания, и Юм радовался этим минуткам перед долгим сидением в очередной тесной комнатушке. Ему нравилось, что вокруг много деревьев и цветов на широких клумбах. Рыжий волчонок шел невдалеке и на Юма не смотрел. Еще Юм заметил каких-то взрослых, которые непонятно гуляли в соснах. Прямая охрана. Когда же он будет, как все? И что, его тут так всегда будут за ручку водить?

В этом крыле здания комнаты были побольше. И на дверях его спальни, и на прежней комнатушке был номер «5», и Юм остановился у дверей с такой же металлической пятеркой. Подошел еще один учитель – постарше, тоже, как парень-сопровождающий, в такой же ослепительно белой рубашке с блестящим синим квадратиком на плече, и тоже, кажется, сигма. И почему им всем не холодно? Под мышкой у учителя был журнал с изумрудно-зеленой обложкой, исчерченной тонкими белыми параболами, и Юм невольно напрягся: где он такой журнальчик хорошенький давно когда-то видел? «Парадокс» называется.

– Привет, первый, – улыбнулся математик Юму.

– Уже пятьдесят баллов, – сообщил сопровождающий.

– Вундеркинд, – усмехнулся математик. – Но математика – это совсем другая история. Посмотрим, что-то ты нам покажешь. Готов?

– Да, – Юм вошел за ним в зеленоватую комнату с окном в лес, посреди которой стоял компьютерный терминал с удобным, большим вогнутым экраном.

Откуда-то появился рыжий волчонок, обежал по периметру комнату, невесомо и неправдоподобно высоко подпрыгнул к потолку и что-то к чему-то прилепил. Гибко и бесшумно выпрыгнул в окно. У дверей появился Тихон, тоже все осмотрел и поставил снаружи другого охранника.

– Что-то Волков много, – математик наконец посмотрел на Юма с настоящим интересом. – Какая важная детка.

– Двойная Альфа, – объяснил сопровождающий. – Без всяких шуток. На самом деле. Не проверки, не учения – всерьез. Впервые в Венке.

– Кто же ты такой? Лег высокородный? Принц Древних? – любопытный какой математик. – Что-то в тебе есть легийское. И лицо знакомое...

– Давайте задачки решать, – вежливо попросил Юм. – А можно окно не закрывать? А чтоб не холодно, я в куртке останусь.

– Да пожалуйста. А разве здесь холодно? Да как хочешь; ну, садись. Смотри, программа простая. Решаешь одно задание правильно – тебе выскакивает следующее, посложнее. Чем больше решишь за час, тем больше баллов.

– А если пример простой, ответ можно сразу? Чтоб время не тратить?

– А ты нахальный, как тайм-навигатор, – усмехнулся математик.

– А я и есть тайм-навигатор, – пожал плечами Юм, едва стерпев очередную, полную навигационных схем, жутких прекрасных и ужасных чувств и страшных знаний вспышку в памяти, и, сам удивляясь своей невозмутимости, кивнул на компьютер. – Смените загрузку, если хотите. Что мне детские задачки решать?

– Ты что, не шутишь? – встревоженно посмотрел математик.

Юм молча показал ему руки – вроде бы обычные, крупноватые только, ладони, но лишь до того мгновения, пока пальцы оставались неподвижными. Юм лениво растопырил ладошку и изобразил первый пришедший в голову аккорд – выглядело это жутко. Что ж, больше тайм-навигаторов из анатомии не выжимал никто. Еще он порадовался, что браслеты таким движениям почти и не мешают.

– Так не бывает. Ты слишком мал!

– Вы мало знаете о Флоте, – пожал плечами Юм.

– Мы работаем в том числе и для Флота.

– Наверно, – не скрыл сомнения Юм. – А с какими издержками? Как Геккон? Или в более щадящем режиме?

– ...Какие издержки ты имеешь в виду?

– К примеру, вы слышали что-нибудь о бустерах?

– А что это?

– Не «что», а «кто». Бустерами тоже становятся в детстве... Ладно, пусть ваш сон это не тревожит. Ладно, значит, для Флота... Ну-ну. Посмотрим. Давайте все-таки задачки решать, – Юм обошел взрослых и сел к компьютеру.

– Начни пока с того, что есть, – попросил математик. – Нам нужно время перезагрузиться. Тут же нет ваших программ, это всего-навсего вступительный тест Венка.

– Хорошо, – покладисто сказал Юм. – Только не медлите. Мне хочется поработать честно.

– Ну что, готов?

– Да.

– Желаю удачи.

Юм сел поудобнее, расслабился, положив правую руку на клавиатуру цифр. Тайм-навигатор... Как бы в самом деле не превратиться в бустера... Вздохнув, Юм щелкнул кнопкой «далее», и на экран выплыл широкий флажок с первой задачкой: «Сколько времени потребуется грузовому рейдеру, чтобы пересечь созвездие по вектору Мир – Кааш, если его общая масса слагается из...» Чего он боялся?

Пальцы невесомо легли на клавиши и сами собой нашли нужные:

– 254 полетных часа.

Следующий флажок выволок затейливое, но понятное уравнение. Юм улыбнулся.

– $x = 6$, $y = 14$.

Экран довольно мурлыкал, стоило набрать ответ. Спустя пять задачек программа впервые потребовала представить решение. Несколько минут Юм, скучая, набирал длинные последовательности чисел и переменных. Хотя сами по себе задачки он любил. Логические хитрости тоже. А больше всего ему нравилась редкая способность его ума мгновенно выдавать решение любой задачки, если только он понимал ее логику. И раздражало, что в школе на Океане отделяться одним ответом не разрешали, и приходилось так же терпеливо скучать, выписывая все операции примитивных детских заданий. А сейчас он наслаждался трудными задачками, как крепкими зелеными яблоками – таким вчера угостил его Вир. Такие красивые задачки и неравенства ему раньше редко попадались.

Ой, а вот с такими уголочками мы там на Океане еще не проходили. Зато проходили где-то задолго до Океана... Корень из дискриминанта... да ведь 20. И ничего непонятного нет. Здорово. Цифры, такие красивые и ровненькие, самодостаточно-послушные, его успокаивали. Он сейчас тоже что-то вроде цифры.

Вот новое задание. Юм посмотрел на экран сквозь ресницы, еще больше расслабился, словно со стороны наблюдая за работой сознания. Ему было легко. Если бы и в жизни было бы все таким же послушным и ясным... Это понятно... И это тоже понятно. Стало забавно. Ну, и чем все это кончится? Он сидит тут и решает задачки, которых в глаза не видел несколько лет. Давнее это все, и откуда-то веет запахом корабельной вентиляции... Юм даже повернулся к окну и понюхал шустрый ветерок. Нет, только иголками сосновыми пахнет и смолкой. Он снова углубился в сияние зеленых цифр на экране. Кто ж напихал ему в голову столько математики? Учили хорошо. Да, он знает, как решать уравнения нелинейного типа, чтоб найти оптимальную орбитальную параболу, и у него от этого счастливые мурашки на затылке под косой танцуют. А индекс ускорения для трека вдоль гравитационного поля при заданной массе корабля? О чем тут думать?

Юм весь покрывался танцующими, нервными искорками почти физического наслаждения. Стало жарко, и он долго, отвлекаясь на экран, снимал куртку. Компьютер обнаглел оконча-

тельно, а из-под базовой клавиатуры выдвинулся дополнительный сегмент. Юм на него едва взглянул, но плавные быстрые пальцы сами нашли расположение мягких вогнутых клавиш с бугорками значков. Экран вдруг превратился в родной курсовой коллиматор, и Юм коротко и счастливо рассмеялся. Испуганно глянул вокруг – кто слышал? За окном лился с неба ненастоящий неинтересный день. Скорее. Какое условие курса? Скорее!

Работать мешали глаза. Цифры в них стали расползаться и дрожать, как во сне, когда можно было, Юм тер сухие глаза колючим от вышивок рукавом, и, хоть заныли виски и затылок, скорее хотелось дальше, дальше, что там за этим финишным условием, после этой переменной орбиты – что он еще вспомнит? Какое-то призрачное оранжевое пятно появилось слева внизу, Юм пару раз от него, ускользающего от прямого взгляда, отмахнулся, но пятнышко лишь мерещилось, действуя на поддрагивающие нервы и слегка пугая. Он помнил, что оранжевое – это плохо, что это сигнал... Но ведь на самом деле его нет? Голова как болит... Коллиматор попискивал упоительно знакомыми сигналами, тянул зеленую нитку оптимального курса, выплевывал в углы экрана изменяющиеся гравитационные условия, и Юму уже стало не хватать маршевых экранов справа и слева, и – даже пальцы немели, так не хватало полной пультовой клавиатуры...

И вдруг все кончилось!

Юм тупо смотрел на погасший экран, и жалобно гладил указательным пальцем продолговатую клавишу ускорения. Кто-то осторожно потрогал его за плечо. Он повернулся и сквозь муть в глазах увидел Вира:

– Ну зачем? Зачем? Я хочу еще! Я почти вспомнил!

– Юмис, – Вир ласково поднял его на ноги и отвел от терминала к окну. Сунул в руку бумажный мягкий платочек, заставил вытереть глаза. Ветер прохладно овеял сосной и дождем горячий лоб. – Мой золотой. Не вспомнишь ты через математику. Да, учили тебя навигации, но это не главное. Жизнь надо вспоминать. А расчеты – только навык. Тебе только казалось, что важное. Только казалось. Но это только числа.

Пока он говорил, Юм пришел в себя. Сердито потер затылок. Болит и болит, зараза... Отстранил руки Вира:

– Да, вы правы, это только числа. Извините.

– Ну что ты извиняешься? Правда, ты изрядно напугал всех. Под конец ты решал задания, которые без симбионтов люди не решают.

– А я тогда кто? – буркнул Юм, чувствуя, как холод опять охватывает его. Все внутри остыло и съезилось. – Не человек? Это тьфу, а не задачи; это считается мгновенно; а вот когда идешь таймфагом через Поля Туманов – тогда вот задачи...

– А где это – Поля Туманов?

– Отсюда вектор через Покой... Далеко... В девятистах семидесяти двух световых годах... – Головная боль мешала считать. – Если двигатель стандартный, то... то я дойду недели за три-четыре... а в норме так месяца два с половиной, наверное... Я не хвастаюсь... Просто такой уродился...

– Ты чудо. Но одновременно – трагедия, – Вир убрал Юму волосы с потного лба. – А что ты в сочинении понаписал-то, умник? Тебе вообще сейчас не об этом нужно думать. А то – жить он не хочет. Знаешь, когда человек говорит так, что ему вообще ничто на свете не нужно – это как раз и значит, что у него самого нужного-то и недостает... Ладно, потом. Ты – это ты. Все равно, с Даром или без. Лишь бы тебе было хорошо.

– Мне хорошо было, пока я задачи решал, – уклонился, как мог, Юм и снова вытер глаза. – А что теперь нужно делать?

– Дай нам в себя прийти, – усмехнулся Вир. – Там все математики сбежались, и два блока пилотского обеспечения подключили, чтоб курсовой коллиматор имитировать. Для остальных деток экзамен отложили, и от изумления разговаривали шепотом. Потом тебе стало плохо...

– Нет!

– А голова-то болит, и сам зеленый. Все испугались, а Вильгельм расвирипел. Говорит, самую страшную травму ты получил в таймфаге.

– Подумаешь, голова... Но это даже до маршевых не дотягивало. Мне было хорошо, совсем не трудно, – возразил Юм.

– Я знаю. Но это не та радость, ради которой стоит терпеть головную боль. Пойдем – к Вильгельму отвезу. Никакого смысла нет проводить тебя через формальные экзамены. Тебе нужно скорее оказаться на месте. Но это потом, – Вир вздохнул. – Да, Юм. Ты-то откуда о бустерах знаешь?

– Видел. И... если я скорее не начну летать, то какой смысл был в тех подвигах моего обучения? Ладно бы только мой труд, а сколько людей, инженеров, врачей... Сколько денег, сколько техники... Да я и сам не хочу оказаться бустером. Никакой бустер не пройдет Поля Туманов.

– Ты будешь летать и пройдешь любые поля, какие тебе будет нужно, – спокойно улыбнулся Вир. – Мы ведь уже много лет готовимся тебя принять. Конечно, таким запредельным навыкам нужна нагрузка, а тебе – радость. И ты ее получишь, как только разрешат врачи. Иначе... Ну, ты ведь видел бустеров. Пойдем-ка к Вильгельму, а потом будешь отдыхать... – он помог Юму надеть куртку, повел за руку: – Поешь только сначала. В кафе сходим сейчас. Что у тебя руки такие холодные? Тебе холодно?

Юм невольно кивнул.

– А ну-ка, пойдем скорей...

Вир вывел его наружу, что-то сказал Тихону, и мимо нескольких больших (да кто ж их создает такие невероятные: многоуровневые таинственные дворцы из цвета и ароматов, и залезть бы в середину, в зеленый сумрак стеблей и листьев, укрыться там ото всего, снизу разглядывать обращенные к солнцу венчики) цветников они прошли в кафе, только не детское и разноцветное, как вчера, а небольшое, с темными стенами в узорах – для взрослых. Там было совсем тихо и безлюдно. Юм совсем не хотел есть, но из вежливости поел немножко горячего супа, грея пальцы о глубокую тарелку. Стало теплее, а когда принесли подогретое молоко, он насыпал туда сахара, быстро выпил и почувствовал, как живот внутри согрелся. Немного отлегло от затылка, и захотелось спать. Ему принесли еще горячего молока и всякие мелкие сладости: тонюсенькие крендельки и листики из прозрачного золотистого сахара, конфетки, засахаренные ягоды и еще какие-то штучки. Он смотрел-смотрел на них, нюхал и, не сразу решившись, спросил у Вира, который пил чай:

– А это что?

– Это цукаты, из фруктов. А это марципанчики всякие, из орехов. Ты ешь и не спеши. Вильгельм говорит, что если ты ешь – то состояние не критично. Согреваешься?

– Да, – Юм посмотрел за окно, где снаружи шли по своим делам редкие взрослые и то и дело проносились всякие яркие дети. Все были в легкой летней одежде. Никто не мерз... – Там ведь жарко?

– Да и здесь не холодно. Это у тебя нервы шалят. Вот успокоишься и знобить не будет. Съешь еще цукатик. А то, может, каких-нибудь пирожков?

– Нет. Только вот бы еще горячего молока..., – Юм подпер ладонью тяжелую башку. Потом повернул руку так, чтоб виском пристроиться на плоский черный камень в браслете. Дед... Боль сразу стала тупой, далекой. – Вир. Мне кажется, вы мне еще что-то хотите сказать.

– Да, хочу тебя попросить: больше не надо тут говорить о бустерах ни с кем... Да, стыд и позор, что космос достается нам такой ценой. Ты говоришь, твой Дар лично тебе ни к чему – а разве ты сам, зная о бустерах, не попытался бы, используя свой такой уникальный, запредельный Дар, решить эту проблему?

– Я думал об этом, – неохотно сказал Юм, отнял камень от виска и с подозрением на него посмотрел – голова-то вообще перестала болеть. И мысли яснее.– Но я был тогда мал, ничего толкового не придумал. Я снова думаю, вот сейчас, как вспомнил бустеров.

– А хоть что-то уже придумал?

– Только перенесение нагрузки на симбионты. Либо в сумму к симбионтам – направленная селекция с вмешательством в геном. Ничего хорошего, – Юму даже расхотелось допивать молоко. – Это очевидные пути решения, это, я думаю, сейчас и развивают.

– Ты говоришь таким тоном, будто у тебя что-то есть в запасе.

– В общем-то почти и нет... Ну, еще можно растить навигатора прямо в космосе и корабль строить вокруг него, чтоб он понимал машину как свое продолжение. Ротопульт как колыбель... Но это я все умом придумал. А вот...

– Юм, начал, так договаривай! Сам знаешь, как это важно!

– Да, особенно если предполагается, что это будут мои флоты, – рассеянно сказал Юм и не сразу понял, почему Вир поставил звякнувшую чашку. Понял и слегка смутился: – Извините. Иногда меня заносит... Но это правда дело далекого будущего. Такого, в котором я точно буду находиться. А это под вопросом.

– Даже не пытайся сбежать из своего будущего заранее. Не сдавайся сейчас. Юми, может, все же расскажешь?

– Да разве мне разрешат такое исполнить... Но это единственный способ хотя бы в будущем начать прилично летать. В детстве Дед мне рассказал сказку про Волшебных Журавлей и лягушек, которые хотели летать. Там ответ, в этой сказке. Но в это решение почти невозможно поверить. Более того, на него еще нужно решиться.

– А именно?

– Нужно встраивать в лягушек... ой, в человека другие гены.

– Журавлиные? – усмехнулся Вир.

– Нет, мои. Не все, конечно. Но это последний шаг. Сначала надо из лягушки выжать лучшее. В лягушку даже крокодила сразу нестроишь, хоть он тоже амфибия. Значит, надо совершенствовать лягушку до нужного уровня. И все равно потребуются десятилетия отбора тех, в кого можно будет встроить хотя бы промежуточные гены. Это надолго... Очень надолго. Хорошо бы соответствующую селекцию запустить уже сейчас. Но кто ж мне позволит... Разбазаривать наследственность...

– Юмка.

– Что?

– Скажи, этнос Дракона отличается от легов? Или от племен Бездны?

– Еще бы. Заметно. Но он очень, конечно, не однородный. Думаю, мы-то говорим о сигмах и тагетах, да?

– А тагов видел?

– Не помню... Но я многого не помню. Видимо, таги покруче тагетов? – на самом деле таги и тагеты различаются структурой мозга и, соответственно, уровнем доступа к информационным и аналитическим слоям Сети – вдруг всплыло в голове. Но говорить об этом нельзя. О Сети вообще ни с кем говорить нельзя. «Никому, никогда», – Нет, кое-что помню. Ние – таг... Да и вы, Вир, возможно... Ах, вот теперь понятно. Таги и тагеты несут некий наследственный материал, который определяет их способности. И селективный отбор по этим способностям тут, дома, ведется, мне что-то кажется, давно.

– Правильно тебе кажется. Так что ты не первый из Драконов, кому пришла в голову та же идея не дожидаться паровоза эволюции, а ускорить дело, поделившись собственными хромосомами.

– «Собственными», – хмыкнул Юм и потер снова занывший висок.

– Ваша семья несет чудовищной сложности геном, – вздохнул Вир.– Очень много древних, реликтовых, мощных локусов, которые больше ни в какой популяции не встречаются. Нигде. В Доменах, пару тысяч лет назад, был вброс – ты бы знал, какие там теперь жесткие династические законы и евгеника. Но этого было недостаточно: слишком большая базовая популяция. Поэтому появился Дракон – с этносом нового уровня отбора.

– Я знаю, что в Драконе люди куда красивее и умнее. Наследственных болезней почти нет.

– Тысячелетия работы, – кивнул Вир. – Ярун, думаю, случайных сказок не рассказывает. Думаешь, к чему это тебя учили генетике, а?

0,5. «Геккон»

После недолгого визита к Вильгельму остаток дня Юм провел в маленьком домике у озера где-то очень далеко от детских территорий Венка. Это было что-то вроде зоны уединенного отдыха. На пределе видимости сквозь стволы сосен Юм разглядел еще такой же домик, только пустой. А этот домик был как тот, о котором он говорил Ние: маленький, простой, под большим деревом. Под сосной. Шишки на земле вокруг, слой хвои... Домик как из сказки: синяя крыша, деревянное крыльцо, чистенькие, отражающие сосны и небо окошки. Он сел на ступеньку крыльца и на целую минуту замер от счастья. Пожить бы здесь, а не побыть. Это Ние, наверно, подсказал Виру и Вильгельму, что Юм мечтает о таком домике... Ну, да. Они друзья тут, всегда на связи... И он, Юм, для них общая головная боль... Надо им хоть как-то помочь. Не утруждать.

Вроде бы надо радоваться, что Ние хотел его побаловать... А на самом деле – хоть плачь. Домик сказочный. Да только вот он сам – настоящий, со всем этим тяжелым прошлым, с виной перед ними, – да еще с этим ужасным унаследованным мозгом... Почему у Ние такого мозга нет? Как бы Сташ был рад иметь наследником не его самого, проклятого заморыша, а веселого, мощного, спокойного Ние? Почему только Юм уродился такой – чтоб напрямую работать в Сети? Сил только нет на такую работу. Сеть-то, может, его слышит, а сам он... Хотя... Он посмотрел на черный камень в браслете. Подозрения, да. Активные подозрения. С тех пор, как он на руке – мозг вроде бы быстрее стал соображать, а Дед-то ведь сказал: «тебе с ним будет полегче»? Что это за камушек такой... Который, похоже, вовсе и не камушек... А – усилитель контакта? Ну... Куда денешься. Его мозг – да, часть Сети. С детства в симбионтах... Но Дед ему еще тогда объяснил, что дело не столько в симбионтах, а в самом мозге. Сеть – искусственная система, но ориентирована она на волю вот такого мозга, как у него. Потому что его предки создавали Сеть прежде всего для себя. А он – свой Сети даже не на сто процентов, как Сташ, а на двести. Потому что вторая линия его наследственности тоже прямо восходит к второму создателю Сети. Эх. Надо как-то снова с ней... налаживать отношения. Когда он был малышом – они дружили... Это ведь она помогла сбежать. Они обхитрили всех, да... Ой. Это что же... если Сеть не донесла на него мелкого Сташу... То что же, для Сети воля его, Юма, важнее, чем воля Сташа? Это как?

Еще бы Сташ не был в гневе.

Надо... Надо быть очень аккуратным.

Никуда не лезть. Мечты не озвучивать никак. Да их и нет, собственно... С Сетью – осторожно.

И ни с кем, никогда не говорить про Сеть. Это был закон, в котором Дед заставил его поклясться еще трехлетнего: про Сеть – никогда, никому. Сеть – секрет тех, у кого черная полоса на голове. То есть – их троих: Яруна, Сташа и Юма.

Ну что. Придется с этим дальше так и жить. И с тем, что расти перестанешь – тоже... Так. Не реветь. Вон какие белые облака в синем небе. Ветерок веет. Озеро сверкает за деревьями. На земле шишки валяются. Подальше – кустики какие-то низенькие с темными ягодками... Чирикает кто-то на сосне. Природа. Жизнь. Можно просто дышать. Просто жить. В сто тысяч раз лучше, чем месяцами, годами находиться на корабле и дышать стерильным идеальным воздухом... Ради этого летнего ветерка с озера... Даже с Сетью можно примириться. А когда стемнеет – стоит пойти поискать светлячков.

Здесь с ним рядом были лишь двое Волков – пожилой незнакомый дядька и утренний рыжий волчонок. Вир и доктор Вильгельм пробыли недолго. Велели отдохнуть и улетели.

Охранники Юму не мешали, но, чтоб не осложнять им жизнь и заодно убедить Тихона в лояльности, Юм далеко от дома не отходил и на все спрашивал разрешения.

Охранники сперва удивлялись и говорили, что можно все, потом привыкли. Юм побродил среди сосен по упругому густому мху и многолетним слоям хвои, постоял у воды и вернулся на крылечко. Сидел, смотрел на голубые просветы в облаках, плывущих над темными верхушками на том берегу, следил за ветерками, рябящими серую теплую воду, разглядывал желтый мох за тропинкой и текстуру досок, из которых было сделано крыльцо. Осторожно, вприглядку, изучал топологию Сети. Потом вообще о ней забыл – думал о бустерах и волшебных журавлях, о картировании генома, о горизонтальном переносе генов – и какова мозаика сейчас. И что он сам может со всем этим поделаться... И кто, когда дал ему начальные знания о генетике? Кааш? Или Сеть? Было тихо, хорошо, Сеть не мешала, обозначая информацию только если он требовал... Голова не болела – и немножко клонило в сон. Только все равно холодно, хотя он и сидел на самом солнцепеке.

Пожилой спокойно сидел в тени под сосной на лавочке, держа Юма в поле зрения, а медноволосый шустрый волчонок кружил, изнывая от скуки, вокруг домика. И вдруг он примчался, сверкая глазами:

– Малыш! Малыш, посмотри в доме, там в коробке с продуктами банка орехов, и давай скорей!

Юм, чуть удивившись, послушно отыскал банку и принес ему.

– Пойдем тихонько, – он торопливо открыл крышку и вытащил несколько орехов, сунул банку Юму: – Неси. Ты белок видел?

На ветке сосны за домиком сидел странный большезлазый, крошечный зверек со смешным сереньким, мохнатым хвостом. Он деловито зацокал, когда рыжик протянул ладонь с орехами, и, перевернувшись вверх загнувшейся метелочкой хвоста, царапаясь по коре, спустился к орехам. Юм замер. Рыжик что-то насвистывал зверьку чуть слышно, и, шурша коготками и цокая, тот слез к самой ладони и вдруг схватил орех. Смешно извернувшись, удрал на ветку и завертел орех перед сморщившейся зубастой мордочкой – и вдруг две скорлупки полетели вниз, а маленькие темные лапки уже держали светлое ядрышко. Мелькали острые длинные зубки. Не отрывая от белки глаз, Юм тоже зачем-то разгрыз и съел орех. Орех, крупный, пахучий, ему понравился. Белке тоже. Зверек опять спустился к ладони Волчонка, схватил самый большой орех, но на ветку не потащил – неудобно держаться на ветке вверх хвостом, и он торопливо перебрался на крупную ладонь тихонько смеявшегося мальчика.

Три ореха он стрескал мгновенно, только скорлупки падали, и, поискав еще, удивленно цокнул. Юм тут же протянул бельчонку всю банку. Он затарахтел и, раскрывшись серенькой мохнатой трапецией, перелетел на Юма. Он оказался легоньким, горячим, щекотно царапаясь крохотными коготками сквозь тонкое платье, и невесомо задел щеку дымчатым хвостом. Стрескав из банки еще пять орехов, он побегал по плечам Юма, невыносимо щекотно пролез под подбородком, внезапно понюхал Юму рот. Круглые черные глазки его блестели радостно и жадно. Посутившись, он устроился на краю банки, которую Юм прижал к груди, и принялся набивать орешками раздувающиеся щеки. Рыжик давился от смеха. Юм одним пальцем осторожно погладил белку по темной полоске вдоль спинки. мех был шелковисто-колкий и горячий. Юм вздохнул и сказал волчонку:

– А на кораблях таких не бывает. Кошки выносливее, у меня были кот и кошка легийские, чтоб играть, рыжие, полосатые, с глазами, как изумруды. Только они играли, пока котятами были, потом обленились. Или спали, или дрались... а этот какой... белка...

Минут пять, пока бельчонок таскал орехи, Юм пытался вспомнить, где же он видел россыпь сверкающих драгоценностей и котят, раскативших по ковру крупные рубины и золотые звякающие шарики, потом сдался. Бельчонок за это время раза четыре успел сбегать куда-то высоко на дерево и разгрузить орехи. Спустившись в пятый раз, сердито растархтелся: орехи

кончились. И – улетел вверх по ражему стволу сосны. «Спасибо» не сказал. Волчонок посмотрел в пустую банку и предложил:

– А хочешь, мы костер разведем и еду на огне приготовим?

Юму понравилось собирать для костра легкие сосновые шишки и сухие веточки, а потом слушать, как трещит почти невидимый под ярким солнцем костерок. Он точно почувствовал, что видит открытый огонь впервые, таким резким и живым было впечатление, и удивлялся, почему слово «огонь» всегда пугало. Даже сам потом держал над жаркими оранжевыми углями толстенькую сосиску на палочке, стараясь не задевать белые хлопья пепла. Он согрелся у огня весь целиком и блаженствовал теперь. Горячие шкворчащие сосиски нужно было кусать прямо с палочки, и эта скучная еда для завтраков вдруг оказалось неправдоподобно вкусной, и темный хлеб тоже, и незнакомые зеленые и красные овощи. И молока много, а волчонок отламывал ему хлеб большими вкусными кусками, рассказывая про всяких здешних белок, зайцев и бурундуков. А когда Юм поел, то научил определять стороны света по деревьям, и Юм все удивлялся, когда восток или север точно совпадал с его внутренним чувством, где какая сторона света.

Потом они бегали по берегу, пока Юм не запыхался. Рыжик скинул с себя одежду, бросился в воду и долго плавал, и Юм от зависти разулся и тоже полез в озеро, но глубже чем по колено испугался заходить. Сколько много этой громадной, глубокой, холодной воды... Замочил тяжелый и сверкающий подол платья. Ноги сразу замерзли, и потом, ведь ему же нельзя босиком... Пожилому охраннику эти игры у воды тоже не понравились. Тогда волчонок притащил откуда-то надувную лодку, и они довольно долго с ней возились, пока не надули ворчащим маленьким насосиком. Волчонок засунул Юма в специальный желто-красный надувной жилет – и можно влезть в лодку, упругую, смешную. Берег плавно отступал назад, и озеро становилось большим. Пахло чем-то серебристым и зеленым, в прозрачной воде дрожали столбики солнца, в которых сновали мальки. Юм опускал пальцы в шелковую, почему-то совсем не холодную воду, жмурился на сверкающую рябь, потом просто смотрел, смотрел. Конечно, ему нельзя ничего этого хорошего, ни белки, ни лодки... Ничего нельзя... надо вернуться на крыльцо и сидеть тихо...

И вдруг проснулся уже в темноте, на берегу, но все еще в лодке, укутанный в несколько одеял. Поздний вечер, в верхушках сосен висели огромные яркие звезды, рядом сидел Вир, а невдалеке бродил Тихон, вокруг которого бегал Волчонок. Юм, роняя одеяла, застенчиво вылез из лодки, и все вдруг оказались рядом, отняли спасательный жилет, заговорили весело и громко. Вир привез к ужину коробку с интересной едой, и разрешил снова разжечь весело засакавший рыжий костер. Юм опять собирал шишки и веточки, оглядываясь на оранжевые пятна света, густые тени и Волчонка рядом, потомпил у костра горячее сладкое молоко, и все подсовывали ему разные рулетки и колбаски. На тарелке уж не было места. Он улыбался, грелся, вежливо со всеми разговаривал, и никак не мог понять, за что ему отдельная райская жизнь. Стал подозревать плохое. Загрустил и спросил:

– Значит, мне теперь нельзя с другими детьми?

– Почему? – Вир поставил свою кружку. – Можно. Но мы решили, что проходить психологические тесты и выяснять потолок интеллекта тебе никакого смысла не имеет. В этом смысле ты нам ясен. Введем тебя сразу на последний этап, чтобы ты сам определился, куда тебя. У нас же все школы со специализацией. Вот и выберешь себе школу.

– Как?

– Километров восемь за день по лесу пройдешь? – спросил Тихон.

– Наверно.

– Тогда послезавтра утром мы тебя и высадим с первой группой.

– А что нужно будет делать, кроме как куда-то по лесу идти?

– Послезавтра узнаешь. Ничего, с чем бы ты не справился, – успокоил Вир. – Завтра еще денек здесь проведешь, в тишине... Отдохнешь. И сейчас разумнее всего лечь спать.

– Ага, – вяло согласился Юм.

– Тебе не будет страшно сейчас, ночью в лесу?

Юм изумился:

– Страшно? Это на планете-то?

Тихон засмеялся:

– Все ясно. Да и охрана останется.

Почему-то Вир не торопился улететь. Пока в домике Юм умывался, чистил зубы, потрошил пакет с пижамой, Вир и Тихон стояли у кромки воды и о чем-то совещались. Юм, уже в пижаме, подошел к открытому окну посмотреть на два черных силуэта у поблескивающей воды. Это напомнило что-то неуловимо пугающее, какой-то след забытого ужаса, и он, поевшись, отвел глаза на переливчатые красно-черные угли кострища. И засмотрелся. Горьковато тянуло дымом и холодной свежестью с озера. Всплыла музыка, которая разбудила его утром, и вдруг он догадался – если б Виру нужно было разбудить всех остальных мальчишек и девочек, кроме него, он выбрал бы совершенно другую музыку. А эта была только для Юма, и, вдохнув поглубже всю эту ласковую теплую ночь, он тихонько запел. Тихо-тихо, чтоб не слышно было далеко...

Крадущийся под окном Рыжик вдруг лег в траву и замер. Юм очнулся и смолк. Нельзя же петь! Нельзя! Он поднял глаза к звездам в сосновых лапах, посмотрел на далекую светящуюся пыль в небе, на выползающий с северо-запада рукав легийской галактики. Петь нельзя, летать нельзя. Две недели на борту крейсера Яруна он не пел. А сколько же не летал? Как же это он вытерпел так долго? И сколько еще терпеть?

Оторвав глаза от космоса, он, ежась, сел на подоконник. Опять холодно как... Вир снаружи стоял рядом. Когда он подошел?

– Юмис, – Вир очень осторожно взял его руку. – Спасибо, что ты так вел себя сегодня.

– Как? – не понял Юм. Рука Вира была горячей и он сразу стал согреваться, только затылок мерз и ноги.

– Ты такой тихий всегда?

– Не знаю, – растерялся Юм.

– Я маленького тебя помню, но до сих пор я до конца не верил, что ты... Что ты – настоящий. Хоть и такой тихий.

– Это ты про что? Про математику?

– Про сочинение, – усмехнулся Вир. – Если б я только мог сказать тебе, что вспомнил, когда увидел тебя... Надеюсь, скажу когда-нибудь. Юмис! А ты хочешь отдать в уплату за Дар... Сам не понимаешь еще что. Себя самого, Юм..

– Уже отдал, – усмехнулся Юм. – Только на Дар не хватает.

– Ты жесток, Юм.

– Не знаю. Я правда думаю так, как написал. Во мне ничего нет хорошего и полезного кроме того, что я этот «Юмис»...

– Какая же ты балда, Юм, – сердито сказал Вир. Он стоял снаружи за окном, облокотившись о подоконник. Лица не было видно, только слегка серебрились волосы, но Юм чувствовал, что этот мудрый и надежный человек сейчас рассержен и раздосадован: – Что, согнать сюда бригаду психиатров, чтоб убедили тебя в обратном? Ну, как тебе не стыдно? Ты сильный, умный, честный – да ты посмотри на себя: как ты смеешь говорить, что никуда не годишься? Ох, Юмасик, умный-то ты умный, но что-то главное в жизни все-таки перепутал... – Вир вздохнул, помолчал и сказал в сердцах: – Да плевать мне на твой Дар, чудовище ты мелкое, у миллиардов людей ничего такого нет – что, разве они копейки стоят? В тебя как в навигатора вло-

жено столько, что хватило б на тысячу обычных детей, а сколько было других затрат! А сколько было потрачено всего, чтоб тебя найти и спасти... Что, заставляя тебя расплачиваться?

– У меня ничего нет... – продрало по хребту ознобом и подвело живот.

– У тебя ничего в уплату и не просят, – успокаивающе пожал его ладошку Вир. – Спокойно. Вырастешь – сам будешь вкладывать безумные деньги в навигаторов и корабли... Ах да, мой удивительный. Самое-то важное я тебе должен передать. Старшие к твоим словам про Волшебных Журавлей прислушались, кстати. Ние даже попросил Яруна сказку пересказать, потому что текста этой сказки нет нигде. Только Сташ и Кааш знают о Волшебных Журавлях.

Сташ! Ой, не думать. Стоп. Думать о Кааше. Имя «Кааш» не пугало. Оно было связано с добрым теплом и спасением от мук. Ну да, они же говорили, что лечил его сам Кааш...

– А Кааш что, занимается бустерами?

– Разве он может остаться в стороне от такой беды? Ведь даже ты вмешался. Да для него, если навигатор сваливается в бустера – страшная трагедия. ...Ну, что ты примолк?

– Кааш лечит бустеров... – Юм все никак не мог сжиться с этой новостью.

– Почему ты этому удивился? Ты вообще, как я подозреваю, не очень хорошо думаешь о Драконах?

– Ну, по-настоящему ведь Кааш не Дракон, Дракон – это... – он не смог продолжить фразу, осекся, мгновение собирался с мыслями и вдруг почти нечаянно сказал: – Понимаешь, я бы отдал ему... настоящему Дракону... Да все что угодно. Я бы сделал – все что угодно... Да только у меня ведь нет ничего, даже звезд. И Дар во мне никак не хочет просыпаться. А ему нужен только Дар. Не я.

– Юм, не смей так говорить! Не смей. Ты Сташа – не знаешь. А он – тебя. Но сегодня ты его порадовал. Он сам так сказал.

– ...Я прилично сдал экзамен?

– Это тоже, но больше всего его повеселила твоя фраза, что, мол, «...это будут мои флоты». И ему интересно, как ты собираешься встраивать в крокодилов Дракона. Он смеялся, конечно, но решение принял совершенно всерьез.

– ...Сташ смеялся...

– Вот, представь себе, он умеет смеяться. Да, и главное-то: Сташ согласен на твои затеи.

– А?

– Ты меня слышишь?

– ...Про Журавлей? Согласен?

– Он сказал, что, само собой, знает эту сказку. Сказал, что твоя дальновидность похвальна. Сказал, ты должен быть занят делом, пусть пока только Гекконом. Сказал, что да, ты прав, самое время начать и в реальности формировать далекие фронты событий. И лучше всего, чтобы всем этим с самого начала занялся именно ты. Раз уж в будущем все флоты будут именно твоими. Сказал, что твои гены давно в работе, и дальше, естественно, ты вправе распоряжаться своими генами как пожелаешь, потому что тебе же самому и расхлебывать в будущем все, что натворишь. А раз ты сам навигатор, так тебе и понятнее цели отбора. Так что завтра, если ты согласен, к тебе приедут двое специалистов... Так скажем, по Волшебным Журавлям. Ты один с ними поговоришь или мне присутствовать?

– А Кааш приедет?

– Если ты скажешь, что это необходимо, то – да.

– Я не знаю. Как он хочет. Мне нужны люди с Геккона.

– Так они с Геккона и прилетят. Кааш их и прислал. Сташ сказал, Геккон теперь твой, и он рад от него избавиться – других забот хватает.

– ...Геккон – мой?

– Да. Геккон – твое будущее. Ты его и формируй.

– ...Вы что, с ума сошли?

– Геккон – твой. Весь. Работай. Ты ж только что сказал? Что сделал бы для Сташа все что угодно? Так вперед. Тебе завтра опишут вопросы финансирования и все такое. Чтоб ты представлял, на какие ресурсы можешь рассчитывать.

Про то, что собирался пойти поискать светлячков, Юм вспомнил только утром.

А они, умники с Геккона, приехали почти к полудню – Юм извелся, пока бродил по бережку, кутаясь в куртку и швыряя в прозрачную водичку мелкие камешки. Все утро было очень холодно, и только теперь, когда солнце встало в зенит, он наконец согрелся. Зато этим холодным бесконечным утром он все продумал, исчертил прибрежный песочек схемами. Что ж, он ведь сегодня рано проснулся. То есть вообще почти не спал и поднялся, как за окнами посветлело – задолго до солнышка. Надел штаны и свое ужасное, ненавистное платье с ошейником и подолом, расшитыми тяжелыми колючими драгоценностями, и пошел бродить вдоль озера и чертить палочкой песок. Сонный Волчонок ходил за ним, зевал и делал снимки схем. Но, конечно, не мешал, и снимки удалял, когда Юм говорил, что какая-то неправильная. Это хорошо, что Волчонок все сфоткал, но некоторые из схем, главные, Юм все-таки сам перерисовал на бумагу – получилась толстая стопка. Когда Вир и двое незнакомых взрослых, мужчина и женщина, вышли из приземлившегося люггера и направились к нему, Юм вздохнул с облегчением: Кааш не приехал. Но он все это утро думал больше про Кааша, а не про генетику. Все вспоминал. Голос, взгляд, руки. И – тоска, хоть плачь. А Кааш думает, что он ничего не помнит... Но, наверно, к лучшему, что не приехал. Тогда бы стало не до Геккона, а – сплошные нервы. Кааш слишком похож на Сташа. Это страшно. Но, если честно, это детское желание наконец снова услышать голос Кааша – самая настоящая тоска. Как бы его все-таки повидать? Может, взять и попросить, чтоб приехал? Только это значит – от дел оторвать... Нет, нельзя.

Прибывшие были тагетами, и какими-то уж слишком не простыми. Юм таких встречал редко. Интересно, как они его видят? Юм поздоровался. Женщина была очень красивой, и Юм отвлекся и не сразу увидел, что они с подарками: какие-то серебристые коробки в цветных пакетах – куда теперь все это деть? Да и зачем ему вообще подарки?

– Это обувь, – вручил пакет мужчина. – Покажи-ка ботиночки. Поизносились, видишь? Не для грунта. Давно пора сменить. Я бы на твоём месте сразу переобулся. Тебе ноги надо очень беречь.

– Летать не дают, – буркнул Юм, глянув на Вира.

– Дадим, – буднично сказал Вир. – Вот окрепнешь.

Юм тут же сел на пенек и стал переобуваться.

Новые сандалии из серебристой коробки оказались высокими, мягкими изнутри и непробиваемыми снаружи, белыми, невесомыми. И в них было совсем не жарко. Но и не холодно.

– Это новинка, – объяснил гость. – Снаружи это практически броня, поддается только давлению изнутри. Удобно?

– Да... Спасибо. Очень спасибо.

– И главное, безопасно... Еще мастера просили передать, что вся обувь приспособлена к условиям планеты. К осени и теплую сделают. Но корабельные ботинки тоже положили, разберешься сам. И еще там всякие другие подарки. Кааш тоже что-то тебе передал. Но в основном – это тебе привет с Геккона.

– Я думал о Гекконе, – Юм все еще любовался белыми сандаликами и наслаждался каждым шагом. Сквозь толстую сенсорную подошву он чувствовал камешки, но это было только приятно. – Я там мало бывал... И давно. Пока что это просто верфь и заводы с секретными производствами... Но я знаю, с какими. Нейроморфные устройства и все такое. И лаборатории по геномике. И не только. Но это хорошее место, чтоб начать то, о чем я думаю.

– А о чем ты думаешь? – осторожно спросила женщина. Голос у нее был солнечным, летним. – Мы изучили сказку о журавлях и нашли много сходных сказок, мифов и легенд, вот, – она вынула переплетенную стопку бумаги. – Это тебе.

– Спасибо, – Юм взял тяжелую книжку и полистал. – Я ценю сказки. Там много идей будущего.

– Может, пойдем в дом? – предложил Вир.

Юму не хотелось. В доме душно, не видно неба и озера. Но у больших ведь резонные соображения секретности... Он вздохнул и пошел к дому. По пути забрал со столика у кострища придавленную камешком стопку мятых листков своих заметок.

– Мы ведь будем говорить о секретах, – сказал мужчина, внимательно глядя на листки. Он тоже Юму нравился. Казался надежным.

– Когда вы видели Кааша?

– Вчера поздно вечером перед стартом с Геккона.

Юм замер. Не сразу, пережидая волну колючих мурашек, сказал:

– Это очень быстрое перемещение. Появился новый тип двигателя?

– Появился уже давно. Только все это время не было к таким кораблям пилотов. Автоматы с такими скоростями не справляются.

– А кто пилот?

– Мальчик, нави, немного постарше тебя. Взрослых пилотов таких пока просто быть не может.

Юм прижал сказки и свои заметки к груди, обхватил себя двумя руками и сквозь зубы выдохнул:

– Я хочу так полетать.

Он почувствовал, что лицо стало ледяным, что сейчас заплачет, и обхватил себя покрепче. Неужели он вовсе не может собой владеть? Взрослые теснее окружили его. Вир погладил по голове:

– Спокойно. Уж ты-то точно такой кораблик получишь. Но это пока очень легкие суда, опасные. Ими пользуются только в чрезвычайных случаях. Да что с тобой, Юмасик? Так хочется?

Юм кивнул:

– Еще бы. Такая скорость.

Мужчина порылся в пакете и протянул ему очередную переплетенную стопку бумаги:

– Спецификация. Кааш сказал, тебе захочется вникнуть. А суденышки правда легкие, для Бездны не годятся. Только в созвездии летать, где космос чистый. Но и это опасно.

Теперь у Юма в руках была целая куча бумаги. Он заглянул в спецификацию, вздохнул:

– Это надо внимательно читать.

– Вчера очень многие внимательно читали сказки, – улыбнулась женщина. – Там много интересного... Но никто из нас и не понял, что конкретно ты имел в виду, разве что Драконы. Кааш сказал, ты объяснишь?

– Садитесь, – пригласил Юм, сам усаживаясь за стол на веранде. – Тут нормально будет? – Волчонок принес толстую стопку больших распечатанных снимков серого песка со знаками. – Да, спасибо, пригодится... Слушай, иди сотри там все с песка, пожалуйста, а то это секреты. – Юм повернул снимки и вздохнул: – До Журавликов нам еще как до мечты... И даже спустя пять поколений их будут лишь единицы.

– Ты говоришь о направленной селекции?

– Я хотел бы знать, по каким ключевым маркерам она сейчас ведется.

Взрослые переглянулись. Женщина сказала:

– Кааш нас предупредил, что тебе можно говорить абсолютно все. Но насколько ты подготовлен, чтобы воспринять это «все»? Мы видим перед собой, извини, совсем малыша.

– Да который вдобавок еще верит в сказки, – развеселился Юм. Они не знают, кто он такой? Не знают, что теперь он хозяин Геккона? Он им не скажет. – Ладно, что не пойму – переспрошу.

Юму рассказывали долго. Иногда он ощущал волнами проходившее по взрослым недоумение, когда они вдруг снова и снова задавали себе вопрос, зачем они рассказывают все это ребенку, который еще не вырос из сказок. Глубоко серьезен был только Вир. Потом и гости посерьезнели, когда Юм задал пару вопросов. Когда они смолкли, Юм с минуту молчал, глядя на озеро. Спросил у Вира:

– Если Геккон мой... То я ведь могу там устанавливать законы?

Большие переглянулись. Вир пожал плечами:

– Да, если Сташ будет согласен с ними.

– Я еще не знаю, как эти законы оформить... Для меня важно, чтоб главная ответственность за каждого нави лежала на мне. Я буду решать их участь. Это будут мои нави. Никто кроме меня не будет иметь права распоряжаться их судьбой.

– На всех этапах?

– Вам, наверное, это еще кажется умозрительным... Но, уверяю, пусть лучше с самого начала весь груз этических проблем лежит на мне. И нави... Они – люди. Я не дам их обижать никому.

Гости переглянулись. Юм вздохнул и извинился:

– Простите. Большое вам спасибо, теперь я представляю себе, как обстоят дела в реальности. Это неплохие стартовые условия. Сейчас, если Кааш и Сташ согласятся, я инициирую долговременный и затратный процесс, который затронет тысячи тысяч людей, их судьбы, судьбы их потомков. Эта ответственность меня очень волнует. Но путь, который подсказал мне Ярун своей сказкой о Журавлях, мне представляется оптимальным... – Юм помолчал, подумал, порылся в снимках, достал свои мятые листочки, еще подумал и наконец заговорил.

Он никогда в жизни еще столько не говорил. Он говорил, говорил, говорил – даже слегка охрип. Взрослые установили приборчики, которые записывали звук и картинку, но вдобавок и сами торопливо делали заметки – даже Вир. Каждую небрежно начерченную зеленым детским фломастером схему условной генетической линии по поколениям, уровням и «веерам» дополняли деталями, пояснениями, подкалывали к ней еще заметки и снимки исчерченного озерного песка и вкладывали в особую папку. Юм все говорил, сначала сидя за столом и вцепившись в дедов браслет, потом расхаживая вокруг и то и дело возвращаясь к столу что-то еще нарисовать, показать и пошутить, чтоб сбить с больших излишнее напряжение. Ему почти не задавали вопросов – потому что он за ночь и утро продумал каждую тонкость. Немного болела голова и уже очень хотелось пить, когда он наконец все-все рассказал. Большие молчали. Он пошел-сходил-попил водички, вернулся к ним с кружкой, еще попил – они молчали, перебирая свои заметки. Он слегка растерялся и тихонько сел на край скамьи. Вир очнулся:

– Юмасик. Вчера твоё замечание прозвучало довольно... небрежно... И скромно. Но все сегодняшнее... Когда ты успел?

– У меня целое утро было подумать как следует. Жалко, не было симбионта, с ним бы я все подробнее просчитал. Больше бы сделал. Спросите у Кааша, когда мне будет можно, а то как я в этих миллионах аллелей голой головой буду разбираться? Нет, я могу, только это сколько времени убьёт. В общем, мне надо и симбионт, и машины обработки, – Юм выпрямился, оттянув от горла воротник-ошейник. – Так, вот еще что. Я теперь понимаю, какими ресурсами располагает Геккон. Этого мало. Пока мы будем расширять площади и технологические мощности, следует собрать свежий генетический материал лучших особей во всей популяции. С предковым анализом.

– Со всей?!

– Да. Включая Берег.

– Берег в приоритете давно, – сказала женщина. – Там мы никого не пропускаем.

– Главное теперь – не упустить, – улыбнулся Юм. – Не спугнуть ни одного гонца. И этих... которые превращаются. Понятно же, что надо отследить все выигрышные гены, не только

пилотские. Навигатор, в конце концов, всего лишь извозчик. Кто-то должен решать, куда и зачем лететь.

– Юм, это ведь миллионы людей! Миллиарды.

– Мы пойдем по секторам популяции. Не все и не сразу. К примеру, когда меня интересуют гены придурков, которые практикуют глубоководное погружение без акваланга, я попрошу образцы их биоматериала. Начните с Венка, – пожал плечами Юм. – В Венке великолепные результаты последовательной государственной евгеники вон на каждой игровой площадке развлекаются. Что я, не знаю, что такое Венок, что ли? Венок, конечно, круче всех, но ведь на каждой планете тоже полным полно элитных школ. В общем, для начала мне нужен банк полногеномного секвенирования ДНК лучших особей... И, что-то я подозреваю, что он уже есть.

– Ну, не в тех объемах...

– Чем больше, тем лучше. И тогда я хочу знать, какие локусы сейчас отбирает Геккон. И тогда скажу, что нужно еще. Да, и отчеты мне по генетическому отбору на каждого из нынешних нави, включая бустеров.

– Тебе лучше бы на Геккон.

– Лучше бы, – Юм посмотрел на Вира. – Но, говорят, я должен ходить в школу и учиться играть с детьми. Возможно, еще предложат водить хороводы и ловить бабочек, – он прикусил губу. Сдержался и продолжил: – Сейчас я не уверен, будет ли продолжение нашего общения. Но если будет – конечно, мне нужна безопасная линия связи и доступ ко всем базам Геккона. Мне пока нечего добавить. Но я буду думать еще. И – мало ли что я наговорил. Это требует анализа. Кааш скажет, годится это или нет.

– Да это практически готовое руководство... Да, конечно, нам будет нужна защищенная линия связи с тобой, – сказал мужчина. – Концепция безупречна, но вопросы все равно возникнут.

– Надо набирать базу, – Юм посмотрел на Вира. – Вир, ну вот нет у меня сомнений в том, что у Венка уже есть банк ДНК?

– Конечно, есть.

– Я бы там порылся...

– Мы и генетиков готовим. Можем часть вашей работы взять.

– Я подумаю... Но это все случится, только если Сташ разрешит, – Юм ощутил усталость и холод. Хотелось есть, хотелось спать, и еще больше хотелось согреться. Он старался сидеть, не сутулясь и не ежась. Да что ж так холодно? Где куртка? – Ну все. Не буду больше вас задерживать.

Гости наконец собрали все свои документы и приборы, попрощались и отбыли. Вир улетел с ними. Юм положил голову на руки на столе и задремал. Сквозь щели меж досок нежно дуло озерным и сосновым холодком... Волчонок Рыжик принес обед. Юм ел суп, ел еще что-то очень вкусное, иногда зевал. Мерз, потому что куртка куда-то задевалась. Странно было смотреть на опустевшую скамью напротив и на стол, на котором больше не было ни единой бумажки. Неужели это все он сам взял и наговорил? Но ведь бустерам надо помочь. Помочь так, чтоб больше никто не пропадал в бустерах. Чтоб их вообще больше никогда не было.

Доев, он пошел поспать, согрелся под одеялом и даже видел какие-то сны про космос. А проснулся – опять, как вчера, был уже темный вечер и его пробуждения ожидал Вир. Юм сел, едва оторвав от подушки тяжелую и полную звезд и геномики голову. Вир подал ему кружку с теплым молоком:

– Держи... Вставать будешь? А то допивай и спи дальше...

– Да, я спать хочу, – сознался Юм. Еще больше он хотел остаться в нагретом одеяльном тепле. – А ты зачем приехал? Ты мне что-то скажешь про Геккон?

– Скажу. Кашу понравилось. А Сташ...

Юм оторвался от кружки. Вир встревожился:

– Э-э-э, миленький, ты давай не бледней... Сташ сказал: «Ну, наконец-то». Сташ сказал: «Любые ресурсы».

– А почему... Почему это...

– Спокойно. Юм, ну что ты? Все хорошо. Вообще-то вчера, когда я связывался с Каашем по поводу твоей небрежной гипотезы, я лишь хотел показать, как внимательно мы относимся к каждому твоему слову, хотел, чтоб ты почувствовал, как Дом тебя ценит. Кааш и Сташ тоже хотели тебя подбодрить реальным поручением. Но никто не мог предположить... Что ты явишь нечто настолько сверхценное. Кааш говорит, едва прослушал первые твои сегодняшние фразы, вот утром с веранды, сразу отправился к Сташу, оторвал его от дел и дальше они слушали вместе. Все, конечно, еще подвергнется анализу и доработке, но лишь в мелочах. Процесс, как ты говоришь, инициирован.

– ...А что Кааш сказал? Я все правда хорошо посчитал?

– Да. Хорошо. Кааш... Он как-то не очень и удивился. Говорит, в тебя достаточно заложено знаний о генетике, чтоб выдумывать такие запредельные штуки. И что ты, похоже, очень много об этом думал.

– Мне кажется, когда-то он сам меня всему учил.

– Да. Дом всегда занимался евгеникой. Но Кааш сказал, что лично ты в «любые ресурсы» неходишь. Кааш сказал, что на Геккон ты отправишься только через его труп. Кааш сказал: «Такую работу взваливать на дитя?! Лучше бы ребенок песенки пел. Ему расти надо, а не пахать».

– Я не дитя!!

– Посмотри в зеркало. А Каашу – еще видней. Короче, ты остаешься в Венке и с Гекконом работаешь удаленно. Не больше часа-двух в день. А больше и не надо: Кааш сам поймет тебя с полуслова, специалисты – тоже. Кааш сказал, если пустить тебя на Геккон, ты уйдешь в дело с головой, и упустишь возможность стать человеком. Так что – общее руководство, не больше. И – законотворчество по евгенике, тебе существующее законодательство завтра пришлют, разбирайся, оптимизируй... Все совместно с Каашем, конечно. Что загрустил? Все хотел сделать сам?

– Да... но кто ж меня самого примет всерьез...

– Уже приняли, – пожал плечами Вир. – На Гекконе о тебе и так легенды ходят, а теперь... Ха. Тебе что, мало, что тебя отец и Кааш принимают всерьез – со всей этой запредельной геномикой?

– Ну да, работать я умею... Что жизнь, что таймфаг... Поток. Оптимизация условий, да... все равно никак не пойму, почему я должен тут оставаться и носить портфельчик с детскими учебниками в школу. Я что, сам странички в учебнике не могу перелистывать? Или заблужусь в школьной сети?

– Тебе надо стать человеком.

– А я кто? Крокодил?

– Ты человек. Но еще ты – Дракон. У тебя реликтовый Мега мозг. Страшно мощный и практически бессмертный. Наследие немного иной эволюции, куда более жестокой и древней, давшей организм другого порядка. Ярун тебе расскажет, кто вы и откуда, когда время придет. Там была совсем другая природа... Другие требования. Но вы – люди. Все равно люди, хищные приматы, даже одного вида с нами, у нас полно общих предковых генов – но вы эволюционно немного другие. Другой таксон. А тебе – надо стать человечнее. Успеть стать и человеком тоже, пока еще мал. Научиться ориентироваться в этой, человеческой координатной системе. Встроиться в культуру.

Юм сознался:

– Да, я часто не понимаю, почему люди так странно себя ведут...

– Это заметно. Но ведь у тебя начисто отсутствует обыкновенный детский опыт. Ты не знаешь людей... Ничего, освоишься. Так, Юм. Они, в смысле Драконы, послали тебе подарки, а Венку увеличили финансирование в два раза. Геккону – в пять. Работай. И я очень тебя прошу высказывать соображения, что ты бы оптимизировал в Венке... А лично – можешь тратить любые средства на любые идеи. Только скажи. Все, что хочешь, все, что нужно, все, что только придет в голову. Личный доступ к любым ресурсам Айра и Венка в частности.

– Хочу сказать Каашу...

– Что? ...А может ты хочешь его повидать и сказать сам?

– Ему некогда. Пожалуйста, передай ему, что я все понял.

– Что понял?

– Что я – часть целого.

– ...Ты не подведешь их, – Вир понял его лучше, чем Юм сам себя. – Не волнуйся. А еще чего бы ты хотел, малыш?

– Хочу полетать на этих новых кораблицах...

– Полетаешь. Завтра в твоей жизни... Завтра многое станет яснее. С полетами тоже. Давай, для начала во сне полетай. Спокойной ночи.

Про светлячков он опять забыл.

0,6. Страшная река

Тихон выдал Юму точно такой же белый легкий рюкзачок с бутылкой воды и пачкой печенья, как и всем остальным десяти мальчишкам и девчонкам. Стояло яркое холодное утро, но день, сказал привезший Юма Рыжик, будет жарким. Ведь лето. Юму не верилось – он опять мерз. Рыжик высадил Юма во дворе «Гусеницы», где несколько ребят, уже с рюкзачками, сбились в притихшую кучку. На Юма, выбравшегося из большого люггера с белыми волками на дверцах, все они посмотрели лишь с мимолетным любопытством. Они слушали Вира.

– ... А теперь о сути всех этих приключений, – говорил строгий и чужой сегодня Вир, внимательно разглядывая оробевших новичков. На подошедшего Юма он едва взглянул. – Венок очень большой. В нем нет двух одинаковых школ. В каждой из сорока девяти учат по-разному, и сегодня каждый из вас должен найти свою школу. Вы первые из потока, лучшие по итогам вчерашних экзаменов, и вы заслужили еще одно испытание – доказать, что вас сюда привезли не случайно, что вы действительно в состоянии управлять своей жизнью. Вы видели сверху, что Венок построен в виде огромного обруча школьных городков. Сейчас мы вас по одному высадим примерно в середине этого обруча, а уж ваше дело – не ошибиться в направлении.

Юм слегка растерялся. Мало того, что он представления не имеет, в какой школе Венка чему учат и где они находятся, но ведь он еще и напрочь не знает, чему теперь должен учиться... Ему почему-то вдруг стало жарко – сперва это было приятно, потом – противно. Даже казалось, что душно, хотя ветерок дул в лицо, пах елками и цветами. Он поправил лямки рюкзачка и оглядел ребят вокруг. Все намного выше его, но на самом-то деле не старше, лет одиннадцати-двенадцати, и тоже выглядят озадаченными. Чтоб не сказать – испуганными.

– А если я очень хочу стать ксенологом, а выйду к врачам? – спросила куда более растерянная, чем он, высокая девочка в синем сарафанчике и с длинными белыми волосами.

– Волшебство сработает, – сказала другая, темненькая. – Выйдешь куда надо.

– Это Венок, – пожал плечами коренастый мальчик с удивительно длинными, мохнатыми рыжими ресницами. – Если в самом деле хочешь, так не ошибешься.

– Вот именно, – улыбнулся Вир, отметив его взглядом. – Все зависит от того, что для вас действительно важно. – Он махнул рукой на шеренгу маленьких разноцветных аэрокарчиков. – Рулевое управление «пчелок» заблокировано, место приземления у каждой задано. Выбирайте любую. Желаю удачи.

Мальчишки сорвались с места, обгоняя друг друга, помчались к «пчелкам». Рюкзачки весело подпрыгивали у них на спинах. Девчонки пошли вслед за ними словно бы не спеша, а рюкзачки все они несли в руках. Они выглядели взрослее мальчишек, серьезнее, а платьица у них были длиннее и наряднее. Юм даже бровь почесал – как же он сам-то со своим алмазным подолом в лесу? Хорошо хоть, Волчонок подсказал не сандалики обуть, а крепкие высокие ботинки. Только в них так жарко. У «пчелок» творилась суতোлка и мелькание – дети зачем-то выбирали «пчелки», спорили, договаривались, менялись, как будто на самом деле что-то могли сейчас выбрать. Юм переждал в стороне, сунув руки в карманы куртки, пока разноцветные машинки не начали взлетать, и пошел к тому аэрокарчику, что остался. Как только он забрался в прозрачную кабину, рядом возник Тихон, провожавший каждую «пчелку», и помог ему разобраться с широкими ремнями безопасности:

– Чтоб отстегнуться, вот на это нажмешь. Тебе не холодно? Ну-ка, часики свои мне покажи. Помнишь, что по поводу малейшей царапины должен нас звать?

– Да.

– Смотри, если не позовешь, под прямую охрану снова посадим. Под ноги смотри и береги себя, устанешь – лучше посиди в тени. Обещаешь?

– Да.

– Хорошо.

Он защелкнул колпак «пчелки», отступил и помахал рукой. Тут же аэрокарчик Юма неслышно взмыл, и Юм близко увидел темно-зеленую основную лапу с длинными двойными иголочками, мазнувшими по колпаку. Юм улыбнулся. Он не помнил такого: летать одному. Это оказалось так же здорово, как мчаться на велосипеде сквозь солнечное мельтешение яблоневых садов вокруг его прежней маленькой школы. Только радоваться-то ведь нельзя... Ничего хорошего ему нельзя. А Вир сказал – наоборот... Надо радоваться жизни изо всех сил, надо стать человеком и вырасти – и тогда, наверно, можно будет все исправить? Чтобы все-все забыли, что он чудовище? Надо стать счастьем для всех? Как же это может быть?

Аэрокарчик, видимо, не понравился остальным своей мрачноватой темно-серой с синими полосами окраской. А внутри он был весь серебристым, белым и веселенько уютным. Пахло в нем травой и конфетами. Ни один взрослый в эту легкую машинку с одним узеньким сиденьем бы не влез. Даже рыжему Волчонку будет тесно. А Юму – просторно. Значит, это детская машинка? И детям тут одним летать разрешают? И рулевое простенькое – Юм легонько потрогал серебристый шершавенький штурвал. Может быть, и ему когда-нибудь разрешат? Но он тогда обрадуется очень, а это нехорошо... нечестно. Нельзя. Или, как Вир говорит, – необходимо?

«Пчелка», не поднимаясь настолько, чтоб был виден горизонт, неслась над верхушками деревьев, и Юм с некоторой оторопью смотрел вниз на глубокие дымчато-солнечные провалы меж тяжелых веток. Весь «Венок» сверху снова никто не покажет. Да и «пчелка» не люггер, чтоб летать выше облаков. Пора было подумать, что он будет делать по приземлении. Какое «волшебство» сработает для него? Он уже догадался, что это странное испытание – чтобы ребенок сам нашел свою школу – проверяет способность мозга подключиться к нижнему контактному слою Сети, туда, куда есть допуск сигмам и тагетам. Потому что их совокупный разум – тоже часть Сети... Если такой, органикой обусловленный, контакт у ребенка есть – Сеть все проанализирует и выведет дитя, куда надо. В самую лучшую для него школу. Это и будет – волшебство. Да. А ему что делать? Если он сам – Сеть? Как выбирать? Что ему важно? Да и какая ему разница, чему учиться? Был бы он свободен, то выбрал бы музыку. Или, может быть, снова навигацию. Или чтобы всю жизнь белками и цветами заниматься... Или – Волшебных Журавлей? Да ведь он о геномике больше знает, чем в любом университете учат... В том числе и всякие секретные вещи... Так, стоп. Чему учиться? Вир сказал: «быть человеком». Ага. И в какой же школе можно крокодила научить быть человеком?

Десять минут спустя «пчелка» нырнула под мохнатую лапу здоровенного – как он успел вырасти всего за пятьдесят лет? – кедра, сбив несколько прошлогодних крупных темных шишек, неслышно простучавших по колпаку, шустро повертелась между редких стволов и медленно приземлилась в центре заросшей высокой травой полянки. Колпак поднялся, и Юм задохнулся от захлестнувшей его с головой, почти видимой золотой волны горячего запаха смолы и трав. Какая жара!! Приходя в себя от этой атаки лета, немного подышал, ни о чем не думая и жмурясь на солнце, потом с трудом расстегнул тугой замок ремней и вылез в траву. Ой, трава – по плечи! А какая-то сизая метелка защекотала нос! Юм фыркнул. Потом посмотрел на белое высокое солнце и сообразил, что куртка ни к чему, и сбросил ее с плеч вместе с рюкзаком. Не нужно минералку и витаминизированное печенье. Он тут долго гулять не собирается. Он положил все на сиденье и закрыл колпак. «Пчелка» бибикнула, взмыла, толкнув Юма волной воздуха, развернулась, показав черненькое пузо, и юркнула между веток в синее небо.

Юм шагнул на примятое место, посмотрел на травичку вокруг и почувствовал себя отвратительно маленьким гномом. Сердито – сколько лет еще быть таким мелким? – путаясь в густых стеблях и листьях, собирая на одежду и в волосы цепкие семена, продрался прочь с полянки под деревья, где было темнее, просторнее, и мох был утешительно коротеньким.

Отдирая и отряхивая с себя семена и еще какой-то колючий сор, повертел головой. Что-то ни в какую сторону не хочется. Случайно он заметил метрах в пяти, в ярко-зеленом солнечном пятне веселые красные ягодки под зубчатыми треугольными листиками, и недоверчиво подошел. Точь-в-точь такие ягодки были нарисованы в забытой детской книжке! Эта, как ее... «Земляника»! А он тогда думал, что таких на самом деле нет, что их художник придумал для сказки... Юм лег и понюхал красные бусины. Пахло так вкусно, что он зажмурился. Нет, плохая ягода так замечательно пахнуть не может. И забытая сказка тоже была хорошая. Нельзя, нельзя! Ему нельзя ничего хорошего... Всем тем детям можно, а ему нельзя... Вир просто не понимает, кто Юм на самом деле такой!

Он вскочил и побежал прочь, словно вместо ягод были искорки счастья. Бежал долго, пока не перестало пахнуть земляникой. Остановился, постоял, посмотрел на лето вокруг и закрыл глаза холодными ладошками, чтоб сосредоточиться. Станный инстинкт, который он даже не собирался осмысливать, сконцентрировался в темноте закрытых глаз в ярко-зеленую мишень на юг-юг-запад, примерно в полукилометре отсюда. Он там был – это точный центр Венка. Там та высокая башня, где на самом верху кабинет Вира, а вокруг еще какие-то административные здания, архивы и все такое. Там нечего делать. Юм открыл глаза и сел в желто-белый мох. Стал выдирать из штанины на колене цепких крокодильчиков семян. Отключиться от Сети и идти наугад? Нет. Это будет обман. Пусть анализирует. Запустим волчок. Как все. И – вперед. Для него – самая лучшая школа тоже должна найтись. Ну и что, что он сам – Сеть. На самом деле – все равно – мальчик еще. Учиться надо. Быть человеком.

Ну, и куда? В какую сторону? Может, просто – вверх? Ага... Он закинул голову и посмотрел, как верхушки сосен цепляются за облака. Небо какое синее... Бездонное... Только школ там нету.

Ой. А Геккон-то... Он где-то вверху. Там школа есть. Но он уже все умеет, чему там учат... Геккон – не для него. Кааш сказал – нечего. Тут живи, на грунте... В Венке велено учиться... Ага. Так-так: если он хочет научить нави быть людьми (а первые поколения нави что-то не очень-то на них похожи), а сейчас сам ничегошеньки в людях не понимает, не говоря уже о том, чтоб вести себя как нормальное человеческое дитя – то куда ему? Где тут людей из Драконов делают? Да. Надо просто научиться быть человеком. Все правильно Вир сказал.

И вдруг он решительно встал. Хватит мешкать. Все, что нужно, это представить себя на пересечении координатных прямых. Ноль координат... И крутануть волчок. Пусть Сеть для него сработает так же, как для любого другого ребенка. Уж про него-то Сеть знает все. Даже сны его, наверно, смотрит... Ночью опять снилась какая-то гадость. Букашки математические и ускользящие вектора. И звезды, как ноты. Он сильнее зажмурился, снова закрыв лицо ладошками. Айр над головой. Око Дракона, младшая звезда. На мгновение качнуло, когда пространство вокруг внезапно структурировалось в колоссальнейшие объекты и он ощутил угол наклона полярной оси. «Не та координатная система», – развеселился ехидный голос внутри. Юм вздохнул. Все в космос тащит... Так. Надо всего лишь представить себя в ступице колеса, которое на самом деле Венок. Позавчера он же видел игрушечные домики и башенки на круглом сером столе, в кабинете у Вира. И сверху все колесо видел... Совместим, поправим по сторонам света. Ну и что, что центр будет смещенным. Настоящий полюс тоже смещен... Сорок девять векторов надо разложить... А зачем? Нужен ведь всего один. Тот, в котором жуткий путь к человечности. Ладно, пока нужно, как в Храме говорят, войти в контур. Открыв глаза, он посмотрел вокруг, и на секунду сосны показались нарисованными. Чуть испугавшись, потер лицо, чтоб ощутить себя и все вокруг настоящим. Страшно? Вроде ведь все уже понятно, почему от страха никак не избавиться?

...Страшно?

Да, человеком быть страшно. Люди уязвимы. И ему – всегда страшно. Страх прячет от него Дар. И жизнь. Значит, надо идти в ту сторону, откуда будет страшнее всего. Найти страх. Найти вектор ужаса, самое его острое. И идти. Как?!

Но ведь он должен. Там после страха... Там после страха – все, что ему нужно. Что он хочет. Там – жизнь, какой она могла бы быть... Нормальная, хорошая, человеческая жизнь. Все, что у людей есть от рождения, а у него – не было никогда...

Вот справа тянет чем-то понятным и строгим, и мерещатся белые на зеленом гиперболы «Парадокса». А за спиной что-то ласковое, не смей даже думать, что. А впереди – музыка, голос, а чуть-чуть к западу – даже пальцы занули – экраны, ротопульта, коллиматоры... Как открытая дверь в пыльную от звезд темноту. Но туда его не пустят. И так больно много всего умеет...

Под левую лопатку укололо так безошибочно, что онемение ужаса разлилось по всему телу. Вот и нашел... С закрытыми глазами Юм медленно-медленно развернулся в ту сторону, и словно наяву увидел призрачное, свитое из дымчатых и сверкающих лент копьё вектора. Он даже пискнул хрипло и отступил. Вот он ужас. Весь в одно место собрался, скрутился в луч и ждет жертву. И идти туда, чтоб сердце, так жалкое, пронзило насквозь этим копьём? Идти?

В самое невыносимое? Но ведь после этого – Дар. И разве он не сам виноват, что потерял его? И кто обещал, что вернуть будет просто? Да он вообще во всем сам виноват. Никакого усилия не потребовалось, чтоб сделать первый шаг. Жуть острия вошла в сердце и вдруг исчезла. Юм даже остановился. Да нет же, вот направление. Он не ошибся. А кому это нужно, чтоб больно? Обрадовался, дурачок, что потерпит немного, и все насовсем пройдет, и простят, и любить будут. Не будут. Но... Хотя бы за... За что?...

Юм рванулся бегом, со всех ног, в самый-самый ужас, сам превратившись в вектор, в ничто, в направление. Бежать по упругому мху было бы легко, если б ноги в нем не путались, и не надо было б огибать частые стволы и колючие темные елки. Юм все равно бежал, пока в боку не закололо. Притормозил. Да какой из него бегун. На велосипеде-то еле научился кататься, все коленки в шрамах. Спасибо, что ноги не отнимаются... Юм все шел и шел вперед, поглядывал вверх, на белое солнце, и вдруг осознал, что страх незаметно прошел, как будто перестал болеть надоевший синяк. Но с направления он не сбился. А может, вовсе и не обязательно, что там будет страшно? Тяжело будет, но он ведь справится. Деться некуда. И что ж там такое впереди? Непонятное... Чему там учат?

Скоро несчастная душа в нем осознала, что ни в сторону музыки, ни в сторону еще какого-то счастья с белками и домиками (а хорошо было бы позаниматься заповедниками, природными ресурсами или уж хоть терраформированием) Юм не свернет, смирилась с неизбежным, перестала биться в истерике и выискивать лазейки. Распрямилась, посмотрела в окошки глаз, и Юм снова начал различать не только путь и солнце, но и зеленый смолистый сумрак вокруг, мохнатый желто-белый ковер мха и солнечную синюю высоту близко-близко над верхушками леса. И птицы звенят и чирикают вверху, и пахнет летом. И земляничкой.

Километр – это тысяча метров. Он стал считать шаги, и скоро сообразил, сколько минут уходит на один километр. Если не уставать, разумеется. Много... За столько минут в космосе можно столько всего успеть...

Ох как жарко в плотном синем платье, и он, расстегнув ворот-ошейник, решил, что правильно сбросил куртку. Пить пока не хочется. И лес вокруг, как в детской сказке. И еще он сейчас один, и никто на него не смотрит, не идет рядом. Только где-то далеко у Тихона на экране ползет сторожевой огонек маячка. Он, может быть, последний раз в этом золотом тихом одиночестве. Как будто ничего нет, кроме летнего жаркого леса. Ни взрослых с пристальными глазами, ни разноцветных детских учебников, ни терзающих нот, ни огромных черных кораблей в немой бездне космоса. И даже страха словно бы нет.

Какая разница, раньше или позже он придет в это самое страшное место, где надо будет с кем-то говорить, что-то делать, занимать собой какой-то кусок жизни среди чужих людей, привыкать к их правилам, быть вежливым и послушным и отвоевывать у собственного мозга ни для чего самому Юму не нужный Дар. Нет, разница есть. Слишком уж тут хорошо. Юм пошел быстрее.

Скоро, не пройдя и половины пути, он всерьез устал. Обходить мелкие елки и шершавые стволы сосен, перешагивать и перелезать через упавшие ветки и стволы... Не останавливаться. На красные ягоды, рассыпанные вокруг, он уже не смотрел. Временами заводил руку за спину и тер поясницу и ниже лопаток, потому что там начинал пошевеливаться хорошо знакомый противный холодок. Заболит если – хлопот большим будет много... Солнце пекло сверху ослепительно и безучастно, а сквозь подошвы можно было почувствовать, кажется, уже не только ветки и сучки, но и травинки. Юм шел и видел только мягкую лесную землю – иголки, мох, траву, какие-то крохотные белые цветочки с остренькими сдвоенными лепестками, красные капли ягод на открытых местах, где солнце горячо жгло шею. Он терпел. Он теперь всегда терпеть будет. Сам же во всем виноват... Ладно, Вир прав – главное: вырасти и научиться всему тому, чему все люди учатся. Стать человеком. Вырасти и выздороветь. И все исправить, когда вернется Дар.

И вдруг осталось пути – совсем немножко! Он скорее почувствовал, чем увидел просветы далеко впереди, заполненные нелесной пестротой белого, синего, цветного, и скоро услышал, как в той стороне далеко пролетел люггер, и скоро стал различать высокие, азартные детские крики и удары тугого мяча. Игра какая-то. Дети. Разве страшно? Страшно.

Потянуло навстречу холодным запахом воды, свежим, не озерным, а бескрайним, до горизонта, и он наконец сообразил, что шел в сторону той большой реки, что видел из люггера Вира. Приостановился, жадно втягивая в себя влажный речной ветер. Скорее увидеть эту медленную огромную воду! Но разве можно? Вир говорит – надо радоваться... Очень хотелось к воде, очень хотелось пить... Очень хотелось обрадоваться. Юм стоял на месте и чуть не плакал. Но ведь Дар, говорит Вир, замешан на радости? Значит, радоваться нужно? Чтоб не сойти с ума, он заспешил вперед. Обошел очередную темную елку и увидел глаза.

Огромные, блестяще-серые, как река, серебряные, изумленно и испуганно встречающие его. Юм по инерции сделал пару шагов и встал.

Перед ним на мху сидел большой мальчик и смотрел с ужасом. Юм сам изумился – его боятся? Как это он смог напугать? Да еще такого большого – на вид мальчишке было лет тринадцать. Или даже больше. Но он ведь шел бесшумно, может, поэтому?

– Здравствуй, – виновато сказал Юм. – Извини. Я шел, шел, а тут ты. Я не знал, что ты за елкой сидишь.

– Ты откуда взялся? – едва слышно спросил мальчик. – Еще же рано для этих проклятых экзаменов...

– Я первый, – Юм вытер потный лоб. – А у тебя попить ничего нету?

– Есть, – медленно, как во сне, мальчик на ощупь взял возле себя и протянул Юму велосипедную желтую бутылку. – На...

Пока Юм откручивал тугую пробку и пил кисловатый сок, мальчик все так же медленно закрыл учебник, поверх страниц которого лежал снимок какого-то пацана, потом встал. Он был высокий, голенастый. Растрепанный и почему-то слегка бледный. Даже, кажется, зареванный. Почему? Как бы помочь? Юм оторвался от сока:

– Спасибо... А тебя как зовут?

– Тёмка...

И внезапно он сильно вздрогнул, будто очнувшись, дико посмотрел на Юма, побелел еще больше, отскочил и мгновенно, будто его и не было, умчался прочь. Может, правда при-

мерещился? Юм посмотрел ему вслед, потрогал горячую от солнца голову, потом еще попил из бутылки. Нет, наверное, он не узнает, почему этот большой мальчик убежал ото всех в лес и сидел плакал над каким-то снимком. А может, он по дому скучает? Нет, все как-то непонятно серьезнее, не просто ребячьи слезы, а какое-то серьезное горе – но ведь это не его дело? Юм пожал плечами и пошел дальше.

Только сначала он хотел увидеть реку, а не те белые домики. Поэтому он свернул в сторону, к запаху воды, еще метров сто прошел по лесу, потом перебрался через низенький заборчик и оказался в саду, где висели на деревьях незнакомые мелкие зеленые плоды, спели на солнышке. Подальше еще что-то росло в рыхлой земле, и Юм заторопился – никого встречать он больше не хотел. Скорее, скорее, бегом, и вот уже деревья отбежали назад и Юм выскочил на высокий, покрытой короткой яркой травой берег над серебристой далью воды. Красно-ватопесчаный откос круто спускался к узкой мокрой полосе песка и гальки. А дальше влево эта полоса расширялась, превращаясь в песчаный широкий пляж, где почему-то в такую жару никого не было. Юм посмотрел на плещущую бегущую кромку воды, потом дальше – на плывущую, рябую от блеска, гладь, и дальше, на необъятный синий лесной край за рекой. Тот берег был пологим, и взгляд далеко уплывал в неровно-колючий океан леса под жемчужно-темными облаками в мучительно прекрасном голубом небе. Юм стоял, дышал рекой и смотрел на широкий, плавный изгиб реки, несущей непредставимый объем холодной, серебристо-прозрачной воды. Орала и кидались в крохотные волны мелкие, с коричневыми головками, речные чайки, носились низко над неторопливой неостановимой водой.

Тремя огромными упоительно жуткими прыжками Юм слетел вниз и в плеске взлетевших засверкавших брызг врезался в кромку воды. Отскочил, весь мокрый, тихонько и удивленно засмеялся. Стоял, долго глядел на бегущую у мокрых башмаков прозрачную водичку, которая несла на себе мелкие береговые соринки и сухие стебельки, а внизу, у солнечного дна, закручивала столбиками легкий белый песочек и пошевеливала круглые невзрачные камешки.

От быстро просыхающих колготок и подола поднимался невидимый пар. Юм присел, опустил горячие ладони в нежную холодную, туго разнявшую пальцы воду. Если здесь, почти на берегу, вода такая сильная, то какое же течение вот там, где дно отлого спускается в неразличимую бурю темноту? А на середине, далеко, где на поверхности сверкает бегущее солнце? А с виду такая тихая река...

Юму что-то стало не по себе. Он торопливо умылся, еще немножко пошлепал ладошкой по воде и выпрямился. Оглянулся на рыжий откос – высоко, и грунт крошится, осыпается. Он пошел дальше влево, к пустому пляжу. В башмаках хлюпало щекотно и противно, потому что вода в них уже стала горячей. Ноги гудели и болели под коленками. Про спину лучше не думать, пока терпимо. Он сразу увидел подъем вверх, удобный, со ступеньками, но к нему не пошел. Вдоль воды лежали серебристо-серые огромные бревна, и Юм подошел к тому, что было подальше от воды, сел. Ему не хотелось прерывать тихое одиночество в этом долгом летнем дне. Больше ведь такого – только для него одного – дня не будет. Не потому, что сейчас хорошо – чего хорошего, когда так спина болит и весь как пластилиновый. Надо одному побыть. Подумать еще. Вдруг что-то в голову придет разумное... Или что-то вспомнится... Он попил еще немножко сока из желтой Темкиной бутылки, потом долго распутывал мокрые шнурки. К замысловатой шнуровке на этих новых ботинках он еще не привык. Какие-то они уж очень... туристические. Вылил из башмаков водичку; содрал, отжал и расстелил на бревне носки, подобрал мокрые ступни на горячее шелковистое бревно, снова стал смотреть на реку под бездонным синим небом. Какая большая... Он смотрел долго, пока глаза не стало резать от солнца, тогда зажмурился и послушал, как плаксиво орут чайки.

Носки, штаны и подол высохли слишком быстро. Очень жарко. Даже как-то плохо от этого жара... Юм покосился на влажные башмаки. Ничего не поделаешь. Не ждать же, когда и они высохнут... Он на всякий случай повертел головой – никого. А пляж этот как-

то неправильно выглядит. Ближе к откосу лежал большой, глубоко засыпанный песком красный мячик; вся широкая золотисто-серая полоса песка была ровно разглажена многодневным ветром, а у самой воды песок был узорчато и плотно зализан водой. Юм посмотрел на свои одинокие глубокие следы и растерянно почесал бровь. Насколько он понимал, по этому песку никто не бегал купаться ни вчера, ни позавчера. А может, много дней. Это летом-то, в жару? Ну ладно, пусть он сам теперь плохо плавает и мерзнет, а все эти большие сильные мальчишки, которые орут там на высоком берегу? Ведь забыли же они здесь красный мячик? А вон еще у другого бревна в песке какая-то полосатая тряпка – полотенце? Значит, купались раньше, а теперь нет?

Спину защекотали боязливые мурашки. Юм с вопросом поглядел на широкую сверкающую гладь и вдруг с ни на что не похожим ужасом ощутил ответ: глубокий, темный, бездонный желоб речного русла. Там в темноте несется слепая холодная вода, свивается в водовороты, давит и тянет на вязкое дно...

Тут что-то стряслось.

Юм чуть слышно хрипло мяукнул, сунул ноги в горячие мокрые башмаки, схватил желтую бутылку, перескочил бревно и бегом удрал к ступенькам вверх, проскочил их несколько и опомнился – что, за ним какой-нибудь водяной гонится и хочет в реку утащить? Он оглянулся на безучастную сверкающую реку, которой не было до него никакого дела, перевел дыхание, постучал башмаками по плоским широким камням, из которых ступени были выложены, отряхнул налипший песок, завязал влажные шнурки. Вдохнул. Нет, он по доброй воле все же пока в эту реку купаться не полезет.

Наверху в жесткой короткой траве обнаружилась тропинка, на которой успели подняться крохотные, как иголки, редкие светло-зеленые травинки. Невысокие белые, красивые здания и широкая башня с высоким прозрачным куполом на крыше оказались совсем близко, и Юм побрел вперед, снова ощутив, как устал и как беспощадно горячо жарит сверху солнце. Но впереди вон высокие темные деревья, цветами пахнут. И голоса. И смех, и все те же звонкие прыжки мяча – их он краем сознания все это время слышал.

В короткой синей тени у первого дома – здесь дорожки были засыпаны интересными разноцветными камешками, которое перегретое солнцем сознание сразу стало собирать в уютные бессмысленные узоры – он немножко постоял, допил Тёмкин сок, и сначала нечаянно, а потом с любопытством заглянул в низкое окно – обычный класс. Только парты красивые, со встроенными терминалами, с мягкими креслами с высокими белыми подголовниками. Да и парт маловато... и чему же тут учат? Он еще посмотрел на томящиеся за стеклом, ухоженные комнатные цветы в одинаковых белых горшках, потрогал горячую макушку и двинулся дальше. За углом начиналась аккуратная дорожка, вдоль которой были высажены белые и синие низкие густые цветы. Он устало присел к ним, с минуту разглядывал сложные соцветия, а кустики цветов тянулись к его ладошкам так, будто никогда не чувствовали добрых рук. Юм гладил им листики и шептал неслышные ласковые слова. Потом пришлось все-таки оторваться от цветов и идти дальше, но он пошел медленно и успевал каждый белый, или синий, или редкий лиловый кустик отметить взглядом; и улыбался. Цветы тоже улыбались и струили радостный аромат. Потом он пересек пятиугольник просторного двора, образованного пятью, по виду очень школьными, зданиями, отбрасывающими густую, еще более синюю тень, прошел по аккуратной, как всё здесь, дорожке мимо одиноких деревьев и невысоких домиков, в которых тоже застыла синяя прохлада; вошел наконец в живую, рябшую тень сада. Огромные, чуть шелестящие круглыми листьями деревья высились над разбегающимися во все стороны широкими узорами синих, белых, лиловых, желтых цветов.

Юм автоматически прошел несколько шагов и остановился. Цветы. Много цветов. Всяких. Эта бесконечная и плавная, как щедрые мазки кистью, красота цветников нравилась Юму

до того, что перехватило дыхание и в глазах стало горячо. Как хорошо. Слишком хорошо. Но... Если не ходить по этому саду, терпеть... Он же с ума сойдет. Это же цветы. Если они рядом, и к ним не подходить, то... Он больше ни о чем не сможет думать и точно сойдет с ума. Запросто. Цветы же. Может, понемножку? По чуть-чуть, чтоб только не свихнуться? И чтобы цветы не обижать? Не для радости? Так ведь можно? Только не надо себя выдавать. Он же теперь не больной ребенок, забиравшийся в единственную клумбу возле школы на Океане. Не надо выдавать это глупое нежное, жадное и живое существо внутри, которое жить без цветов не может. Про этого психа внутри Юма никто не знает. И не надо. Нельзя лезть к цветочкам на глазах у чужих... А чужие тут все. Так что будем воспитывать самообладание. В конце концов, в Бездне цветов не было никаких, и ничего, не подох.

Где не было цветов?

Опять он напоролся на битое стекло вокруг чего-то важного и забытого. Переждал темноту в глазах. Ладно, не время для цветов или Бездны. Он подумает об этом потом.

Вообще весь аккуратный, как тетрадка отличницы, тихий школьный городок пока очень нравился. Что ж такого в нем страшного спрятано? Юм уже согласен здесь жить, если разрешат, но чему здесь учат? Надо тут кого-то найти?

Он шел вперед сквозь тянущиеся к нему тонкие нежные запахи, все же посматривая на притягивающие глаза невиданные раньше цветы, и скоро увидел ту самую спортивную площадку, которую уже так долго слышал. Там мелькали легкие светлые фигурки, скакал оранжевый мяч, а дальше за парком проглядывала улица невысоких домиков и та большая башня. Что ему теперь делать? Он пошел медленнее, опасаясь подходить к звонкоголосым прыгающим мальчишкам. Взрослые хотя бы так не верещат, только их не видно... Голова болит. Жарко так, что тошнит...

Впереди был перекресток дорожек, шагах в двадцати. Юм на всякий случай остановился, когда на дорожку вдруг выскочил из затрясшихся, как от хохота, кустов худой темноволосый мальчишка. Он рванулся навстречу Юму, за ним сквозь забившиеся в истерике кусты проскочили еще несколько мальчишек и полетели вдогонку. Юм попятился в сторону, а удирающий мальчишка наткнулся на него черными веселыми глазами, оторопело приоткрыл рот – и затормозил так, что песок полетел из-под подошв. Он тоже, как тот в лесу, был большой, лет четырнадцати, и весь был охвачен неистовым прозрачным огнем озорства и нетерпения. Юм невольно улыбнулся. словно подкравшись, мальчишка неслышно подошел к нему, чуть нерешительно коснулся плеча и вдруг высоко подпрыгнул и оглушительно – Юм шарахнулся – завопил:

– Мышь пришла!

На спортивной площадке разом стих плеск визга и голосов, так что Юм услышал, как, слабея, проскакал по грунту пропущенный мяч. Налетели другие мальчишки, стало тесно, страшно, шумно, и кто-то еще заорал:

– Это моя мышь! Я его первый увидел!

– Он на меня на первого посмотрел!

– Нет, моя, – черноглазый схватил Юма за плечи, завертел так, что Юм едва устоял, и прижал к себе: – Моя, моя мышка! Мышонок мой хороший!

– А сегодня еще только пятое число, – спокойно сказал высокий мальчик с белыми волосами, заплетенными в шесть длинных сигмийских кос. Около него так же спокойно стоял и весело смотрел на Юма мальчишка лет одиннадцати, с такими же точно, только потемнее, косами. Эти двое не очень были похожи на братьев, но заметно было, что они вдвоем среди остальных. Старший сказал: – Экзамены еще же не кончились.

– А этот, значит, чудо, – черноглазый крепче прижал Юма к себе. – Мышка моя!

Со спортивной площадки, перескакивая через клумбы и продираясь через несчастные трепещущие кусты, молча примчались еще человек двадцать, и, заморгав от удивления, Юм

торопливо высвободился из тонких цепких рук черноглазого. Мальчишки и девчонки с топотом и гомоном окружили его тесным скачущим кольцом. Черноглазый всех их немножко отпихивал от Юма:

– Да ну вас. Ну вас. Мой мышонок. Я первый увидел.

– Жадина, – тоскливо обозвал его кто-то из мальчишек.

Юм сквозь испуг различал, что некоторые из больших мальчишек, особенно те, возле которых держались маленькие, и все девчонки смотрят на него всего лишь с любопытством. Остальные мальчишки хмурились, тосковали, горевали, подпрыгивали, терли лбы и вообще изнемогали от досады. Одна из больших девочек, почти уже девушка, вдруг громко сказала:

– А ну-ка замолчите все. Развопились. Сережка, а мышонок-то до сих пор ничего тебе не сказал!

Мальчишки вокруг взвыли и, отталкивая друг друга, полезли к Юму. Черноглазый схватил Юма в охапку и завопил в лицо:

– Мышка, здравствуй!

Юм кивнул и закрыл глаза.

– Заткнитесь! – заорал кто-то. – Он смотрите какой маленький! Он устал!

Кто-то большой и родной вдруг поднял Юма на руки, отстранив цепкие руки черноглазого:

– Подождите, бойцы, – Ние улыбнулся оторопевшему Юму и чуть-чуть подмигнул. Посмотрел на черноглазого, пританцовывающего возле его локтя. – По правилам ты первый претендент. Успокойся. А вы отойдите чуточку. Что вы насакиваете? Себя забыли? А это совсем малыш.

– Нет, – грозно сказал Юм и потянулся из его рук.

Ние осторожно поставил его на ноги и положил руку на плечо:

– Ладно, не малыш. А теперь серьезно. Ты этого мальчика первого увидел?

– Здесь – да, – Юм проводил взглядом знакомый снижающийся люггер Вира.

– Здесь? Юм, у нас в Венке обычай такой: кого первого из старших мальчиков новичок увидит и с кем заговорит, с тем он будет вместе жить, тот о нем заботиться будет.

– Я в лесу мальчика видел. Только у него какое-то горе, – Юм зачем-то всем показал бутылку. – И он убежал. – Внутри себя он снова увидел переполненные ужасом серые глаза среди зеленого лесного сумрака. – Он очень сильный, необыкновенно сильный. Это таг. Тут таких детей нет.

Черноглазый тихонько взвыл, но тут же получил щелчок от самого высокого парнишки в ярко-синей майке. Все ребята вокруг тоже притихли и смотрели на Юма очень серьезно. Теперь, когда с лиц смыло возбуждение, Юм увидел, что у всех этих красивых мальчиков и девочек ясные, очень пристальные зоркие глаза тагетов. Куда же это он пришел? Это все тагеты – тут учат, как управиться с Даром? Учат быть тагетами? Или тагетов – людьми? Значит, он правильно пришел... Большая девочка неожиданно вскинула руку и потрогала не успевшему отпрянуть Юму лоб, сказала:

– Быстрее. У него тепловой удар, кажется.

Ние снова подхватил горячего от солнца Юма на руки, отшагнул в тень дерева, быстро спросил:

– Этот мальчик здесь есть?

– Я же сказал, что таких сильных, как он, тут нет. И он убежал, – сердито, потому что нельзя было вырваться из рук Ние на глазах у всех, ответил Юм. – Конечно, его тут нет.

– Посмотри еще.

– Нет, – Юм послушно заставил себя посмотреть. – Тут ни у кого таких глаз нет... Таких ярко-серых, серебряных – будто светятся.

Вокруг стало так тихо, что он снова услышал шелест листы. Черноглазый закрыл лицо руками, молча затопал, замер, чуточку постоял и очень спокойно отнял от лица ладони. Высокий парнишка в синей майке положил ему руку на узкое плечо. Кто-то сказал:

– Это же Тёмку он встретил.

– Да, он так назвал себя, – кивнул Юм. На руках у Ние было удобно, только усталость наваливалась все тяжелее. – И еще он мне попить дал. Я с ним говорил.

– ...Какой же это ужас, – тихо сказала маленькая девчонка.

– Ищите, – велел Ние. – Бегом. А мы пока к Филину пойдем, – он бережней перехватил Юма и быстро понес к башне.

Ребята, как птенцы из гнезда, бросились в разные стороны. Черноглазый печально улыбнулся Юму и тоже исчез. Впереди, где деревья расступались, Юм увидел среди собиравшихся взрослых Виру и серую рубашку Тихона. Ние тихо спросил:

– А что ты так долго у реки сидел? Не хотел идти сюда?

– Нет. На реку смотрел, – у Юма глаза закрывались. – Хотел напоследок еще немножко один побыть. Ние, я ведь правильно пришел?

– Да вообще в единственное место, где есть тебя чему учить... А Тёмка будет тебе настоящим старшим. Он тебе понравился?

– Я не знаю. Да. Отстань, – взмолился Юм. – И вообще пусти меня, я сам пойду, что я, инвалид...

Оказавшись на ногах, Юм первым делом сильно потер заболевшую все-таки поясницу, потом сразу все равно невольно прислонился к Ние и глубоко вздохнул. Ему казалось, что воздух вокруг полон темной воды.

– Маленький какой, – потрясенно сказала женщина в стороне.

Быстро подошедший Вильгельм, его доктор со шрамиком над бровью, взял Юма прохладной рукой за горячий пульс, и сделав Виру и Ние какой-то знак, поднял на руки. Ну, вот опять на ручки. Но сил возмущаться не было.

– Сейчас, – кивнул Вир и попросил: – Юмушка, ты какого мальчика в лесу видел? Опиши подробнее.

– Зареванного, – прислонив голову к шелковистой холодненькой рубашке Вильгельма, ответил Юм. – Глаза серые большие, брови темные сердитые, то ли ирианец, то ли очень древней легийской крови, – Юм чуть улыбнулся, хоть спина болела все сильнее и в голове мутилось. – Такой мальчик длинненький, бегают быстро, и красивый, как князь. А поле от горя драное, – вспомнил он, снова увидев перед собой картинку. – Радиальные локауты опасные, сердечник темный, верхние слои искрят. Но это точно потенциальный таг.

– Вирлир, это кто к нам пришел? А, Ние, ты-то тут неспроста... Кто этот ребенок? – не сразу спросил почти такой же высокий, как Вир, худой старик в темно-серой рубашке, большеглазый, с крупным, заметно загнутым вниз носом. С первого взгляда понятно, кого тут называют Филином. – Не тот ли ваш ...навигатор?

– Да. Наш, – Ние тоже потрогал Юму запястье. – Сейчас, Юм. Потерпи.

– Со мной все в порядке, – сказал Юм и посмотрел в темное небо с ярким глазом в зените. Черное небо и белый глаз. Айр, око Дракона. Это Дракон смотрит. То есть Сташ. Он ведь Дракон и есть. И человек, и созвездие. Ну и дракон тоже. Такой черный, страшный. И глаз этот. Смотрит, в самом деле смотрит! А может жара – это его гнев? – Я только не хочу, чтоб солнце.

– Вирлир, Ние, – беспокойно сказал Вильгельм. – Не надо, чтобы он терпел.

– Хорошо, забирай, – кивнул Вир. – Иероним, надо поговорить...

Из-за угла внезапно вылетела тонкая девчонка в чем-то желтом, и Юм невольно посмотрел на Тёмкину бутылку, которую до сих пор крепко держал в руке. Нет, оттенок цвета был другой. За девчонкой развевались длинные косы, почему-то всего две, она круто свернула ко взрослому и оказалась перед Виrom. Не успевшие за ней косы описали дугу и несильно хлест-

нули Филина. Тот уважительно посторонился, а девчонка посмотрела на Юма перепуганными глазами и подняла лицо к Виру:

– Мы его нашли, только он не идет, – она ошеломленно посмотрела назад. – И плачет. Так... Так плачет!

– Пойдем, – сказал Вир девочке. – Где он?

– Я с вами. Надо вмешаться, – сказал Филин, и все они удалились куда-то в белую солнечную жару.

– Почему плачет? Почему «ужас»? – спросил Юм, через плечо уносившего его Вильгельма посмотрев на идущих следом Тихона и Ние. – Он потому что не хочет, чтоб я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.